

Анри де Ренье

По прихоти короля

Занятно изучать, как отличаются привычки и образ действия одного человека от другого.

Г-жа де Севинье

I

У маршала де Маниссара было много причин любить войну, из которых главная была – наличие случаев послужить королю и стяжать славу и не последнюю представляла возможность находиться вдали от г-жи де Маниссар. Дама эта по своему сварливому характеру и воинствующей добродетельности была бичом для г-на маршала, которого она мучила своею придирчивостью и несносною ревностью.

Даже в те времена, когда прелесть лица обеспечивала ей сильное влияние на любого мужчину, столь чувствительного к женской красоте, как ее супруг (будь это красота его же собственной жены), г-же де Маниссар недостаточно было этой уверенности, чтобы избавиться от чувства ревности, острые уколы которой она ощущала помимо воли. С возрастом чув-

ствительность к боли увеличилась. Правда, прирожденная влюбчивость г-на де Маниссара давала основания для ее волнений. Маршал и в шестьдесят лет сохранил молодость и предприимчивость, переходя обычные границы, за пределами которых люди начинают утрачивать те свойства, присутствие которых он еще доказывал. Жена следила за ним так неусыпно, что возможность ускользнуть от этой бдительности обуславливала радость и торопливость, овладевавшие им всякий раз, как время года и его долг вызывали его к границам. Отлучки эти служили ему некоторой передышкой, и в возмещение воздержания, которого он приучен был придерживаться, в беспорядочной жизни лагеря и в помещениях, предназначенных для легких связей, он находил наслаждения, к которым считал себя так же способным, как и всякий другой человек.

Конечно, жалобы, подозрения и обиды со стороны супруги сопровождали его на Рейн или Эско, но были они в форме писем, которые он рассеянно читал, спустя долгое время по получении, с очень независимым видом, который исчезал по мере приближения срока возвращения.

Возвращения он опасался из-за г-жи Маниссар. При свидании с нею следовало выказывать такое нетерпение, что маршал скорее мог его имитировать,

чем испытывать на самом деле. Не бывало недостатка и в упреках за это по его адресу. Г-н де Маниссар держался смиренно и покорно, ссылаясь на походную усталость.

Г-жу де Маниссар трудно было провести такими отговорками: она хмурила брови и кусала губы. Она знала, что даже во время похода муж ее ни в чем себе не отказывал, несмотря ни на что, и крайне заботливо относился к своему здоровью. Супружеские выпады бывали энергичны. Г-н де Маниссар обычно прекращал их тем, что укладывался в постель, начиная стонать и ругаться, и посылал за докторами. Они, как черные мухи, жужжали у его изголовья. Совещались на площадке лестницы, размахивая руками. Аптекари медленно поднимались по ступенькам. В руках у них были склянки и докторские сумки с инструментами, под мышкой поблескивали оловянные клистиры.

Тогда на г-жу де Маниссар напал страх, и она принималась ставить свечи. Маршал заводил речь о завещании и отходной. Толстое лицо его опровергало мрачные разговоры. Цвет его лица делался все более цветущим по мере того, как усиливались его перемиады. Малютка Виктория приходила прощаться с папой. Г-н де Берлестанж, наставник ее брата, шевалье де Фрулена, приводил мальчика в спальню. Чтобы получить родительское благословение, они опускались

на колени, а маршал в своей кровати, закутавшись в одеяла, мягко ласкавшие его тело, смотрел на все это своими большими глазами насмешливо и плутовато.

Сцены эти повторялись ежегодно. И ежегодно г-жа де Маниссар изъявляла желание, чтобы муж подал в отставку. Сначала он соглашался на эту комедию, потом кончал тем, что, сославшись на волю короля и приказ министра, снова весело отправлялся на Эско или Рейн.

Вероятно, поход 1676 года был особенно утомителен, так как маршал вернулся, поджав хвост. Правда, во время всей кампании г-н де Маниссар возил за собою в обозе очень красивую девицу, не оставлявшую его, которую он привез затем в Париж. Г-же де Маниссар была известна вся эта история, и гнев ее был непередаваем: она заставила прогнать интриганку, но не простила самой интриги, так что когда на следующую весну в марте месяце маршалу пришло время отправляться по назначению на Мёзу, она категорически объявила, что отпустит его только при условии, что с ним отправится г-н де Берлестанж, человек верный и рассудительный, который будет следить за его поведением и присылать ей отчеты.

Маршалу пришлось подчиниться и согласиться на подобную опеку. Этот г-н де Берлестанж, высокий, сухой и черный, был давнишним домочадцем семей-

ства Маниссаров. Войдя к ним в качестве ободранного поэта, из прихлебателя он сделался наставником, когда шевалье де Фрулен достиг таких лет, что ему можно было уже преподавать гербоведение и мифологию. Берлестанж был знаком с обоими предметами, так как, по его уверению, был хорошего происхождения и занимался служением музам. Шевалье от этого необыкновенного учителя получил полезные и диковинные сведения. Он мог объяснить значение всех изображений на поле герба и умел различить по атрибутам все морские божества, к которым г-н де Берлестанж имел особенное пристрастие.

Эти уроки скоро натолкнули шевалье на мысль поступить во флот. Тогда он принялся изучать количество и внешний вид королевских кораблей и решать вопрос, похожи ли они на перевозочные суда или барки, ходившие вверх по Сене. Сначала все смеялись над его намерением, на котором он, однако, упрямо настаивал. Когда он вырос и достиг необходимого возраста, он объявил, что ничто не сможет заставить его изменить свое решение. Будучи к своим детям воплощенною слабостью, так что позволил бы дочке Виктории изрезать на кукольное приданое свою орденскую ленту, маршал был не в состоянии успешно противостоять желаниям сына. Итак, шевалье добился того, что отправился завязать знакомство с сирена-

ми, nereидами и дельфинами. Он рассчитывал иметь дело именно с этими мифологическими существами, когда отправился в Тулон, чтобы сесть на королевские галеры. Гребцы из состава команды несколько удивили, но он успокоился, увидев на корме резных из дерева и позолоченных четырех тритонов, поддерживавших фонари; они трубили в кривые раковины и казались ему хорошим предзнаменованием. С отъездом шеваляе г-н де Берлестанж остался без занятий, пока г-жа Маниссар не поручила ему сопровождать маршала в полк. Берлестанж сначала поморщился, когда ему об этом объявили, но ему не оставалось ничего, как повиноваться, и, таким образом, 2 марта 1677 года он отправился в местность на Мёзе в собственной карете г-на де Маниссара, от которого, согласно приказу, он не должен был ни на шаг отходить и не терять его из виду. Вот в каких выражениях говорил г-н де Берлестанж о своем путешествии в первом письме к маршальше:

«Если я, сударыня, замешкался с письмом к вам, то это потому, что до сей поры ни одно событие не заслуживало того, чтобы извещать вас о нем, согласно вашему приказу, не опускать ничего, стоящего сообщения. Я ничего не имею к докладу относительно г-на маршала. Экипаж пришелся совсем по нем, так что он большую часть времени храпит, что не мешает ему и

ночью спать без просыпу. Таким образом, состояние здоровья и расположение духа его не оставляют желать ничего лучшего, несмотря на небольшое беспокойство, причиненное нам при приближении к городку под названием Фай местными жителями.

Незадолго до прибытия господин почувствовал себя нехорошо от тяжести в желудке, без сомнения от того, что утром покушал много воловану. Не успели мы высадиться, как стали отыскивать докторов; нам указали на двоих. Пока они явились, г-н маршал освободился через верхнее и нижнее отверстия от скопления газов, которое его отягощало, так что он был в шутовском расположении духа. Он уже потерял к этим ученым мужам уважение, которое внушается нам по отношению к ним чувством зависимости от их деятельности. Наружный вид данных личностей способствовал усилению веселости г-на маршала. Это были персонажи из другого мира, вполне подходящие для того, чтобы отправлять людей в «лучший мир». Тем не менее маршал с притворною серьезностью начал спрашивать у них советов. Диагнозы их не совпадали один с другим, а лекарства, прописанные ими, так противоречили между собою, что больной учтиво высказал свое намерение принимать и то и другое снадобье, после чего отпустил их. Они удалились, бросая друг на друга разъяренные взгляды, но лучше все-

го было то, что каждый из них потихоньку вернулся с доносом на полное невежество своего собрата. К довершению несчастья они оба встретились в передней, и поднялась перепалка, на которую г-н маршал мог смотреть из своей комнаты. Соперники осыпали друг друга самыми учеными ругательствами, платье их раздувалось, колпаки съехали на затылок, кулаки выставлены вперед. Г-н маршал достаточно уже развлекся их первым разногласием, но их стычка и ее чрезмерная смехотворность позабавила его до чрезвычайности. Он до сих пор рассказывает об этом и присовокупил этот анекдот ко множеству других в таком же роде, количество которых будет увеличиваться при его привычке лечиться от несуществующих болезней.

До Груа мы добрались только 7-го. Там мы застали отряд маниссарова полка, который поджидал нас, чтобы служить нам конвоем, и двинулся следом за каретой. Командование принадлежало г-ну де Корвилю, офицеру с большими заслугами. Таким порядком мы продолжали наш путь в течение следующих дней, пока во вторник не оказались приблизительно в четырех верстах от Виркура на Мёзе, где должны были заночевать. Было около четырех часов дня; мы маялись на песчаной дороге, лошади с трудом тянулись, дул довольно резкий ветер, раскачивая верхушки высоко-

го дрока, росшего по канаве.

Как раз в эту минуту слева раздался выстрел, и с дребезгом разбилось окно в карете. Над полем вился дымок. В одно мгновение г-н де Корвиль и четыре или пять кавалеристов пустили лошадей в галоп, перескочив канаву. Они почти сейчас же вернулись обратно. Г-н де Корвиль держал вытянутой рукой за штаны неосторожного охотника, стрелявшего так близко от дороги, и поставил его на землю в трех шагах от нас. Это был малый лет пятнадцати, довольно безобразный, рыжий, который, по-моему, нисколько не раскаивался в своем поступке и не был удивлен видом кареты и лицезрением г-на маршала, перед которым он стоял с ружьем в руке и со шляпой на голове, даже не подумав снять ее.

У него был такой потешный и необыкновенный вид, что г-н маршал не мог удержаться от смеха. Смех этот привел в ярость молодого человека, он бросился, подняв приклад, к карете. Он был на подножке, но г-н де Корвиль оттащил его назад.

Несколько конных спешилось, чтобы обезвредить этого бесноватого. Двое из лакеев хотели им в этом помочь, но первый же, который занес было руку, покатился на землю. Рыжий готов был защищаться, лицо его сводилось свирепой судорогой.

– Ну же! – вскричал г-н маршал. Началась странная

свалка. Мальчуган боролся яростно. То исчезал в куче, то показывался снова с поднятым кулаком. Рубашка вылезла из разодранных штанов, и в щелку видно было голое тело. Как раз по этому месту чья-то рука звонко хлопнула. Г-н маршал заливался хохотом. Вокруг потасовки образовался кружок. Вдруг туда ринулось новое действующее лицо и, проскользнув между ногами у лошадей, напало сзади на сражающихся. Рыжий, как и первый, мальчишка очень был похож на него. Действовал он при помощи сетки, утяжеленной кусками свинца, удары которой были опасны. Посторонились, на минуту приостановились.

Г-н маршал вышел из кареты, и так как почва была песчаной, его туфли ушли туда по самые пряжки. Он приветствовал обоих бойцов:

– Простите, милостивые мои государи, что я сразу не оценил ваши достоинства и заметил их только по превосходной вашей самозащите, сударь, и по вашему вторичному нападению. Не соблаговолите ли сообщить мне ваши имена и не откажетесь от стакана вина для подкрепления сил.

Покуда приносили дорожный погребец и открывали кожаный его футляр, г-н маршал вел переговоры с двумя проходимцами и жестами выражал сильнейшее изумление.

– Вот это здорово, Берлестанж! – сказал он мне,

возвращаясь в карету. – Эти молодцы некто иные, как сыновья старинного моего друга де Поканси, и замок, зубцы которого вы видите на холме, есть то место, куда он удалился пятнадцать лет назад.

Я помнил этого г-на де Поканси довольно хорошо, особенно потому, что я в свое время слышал много рассказов о нем, но г-н маршал, кажется, еще лучше сохранил его в памяти.

– Поканси, Поканси!.. – повторял он сквозь зубы. – Право, преудивительное приключение, и я хочу довести его до конца. Не попади дробь в стекло, я бы проехал, не останавливаясь. Во всем этом есть что-то подготовленное и непредвиденное, и я хочу знать, чем все это кончится.

Он задал несколько вопросов г-дам де Поканси Жерому и Жюстену, которые с хитрым видом совещались между собою вполголоса.

Г-н маршал объявил нам тогда, что он не намерен оставшиеся четыре версты до Виркура делать в такой карете, где сидящие подвергаются резкому ветру и всем капризам погоды, что лучше заночевать в Аспревале. Так назывался замок г-на де Поканси.

– Оттуда пошлю поправить окошко в Виркур, и на следующий день можно будет выехать.

Мысль снова увидеть своего г-на де Поканси привела его в хорошее настроение, так что он добавил:

– Служба королю не стоит смерти его слуги, и лучше сохранить для настоящих случаев здоровье, могущее от мелких случайностей сделаться непригодным к употреблению, которое потребует от него благо государства. Ну, Корвиль, в седло! А вы, господа, пожалуйте сюда.

Когда г-н Жером ставил свою ступню на подножку, к нему подбежала собака. Животное держало в пасти куропатку, причину всего происшествия. Г-н Жером принял дичь и сел, держа ее на коленях, рядом с братом, на скамеечку против г-на маршала, смотревшего на них с любопытством. Если г-н Жером не отказался от своей дичи, то и г-н Жюстен оставил при себе свою сеть, еще мокрую и покрытую тиной, и сачок с рыбой, которую он по одной, не стесняясь, вытаскивал оттуда и трогал заскорузлыми руками, между тем как брат его, молча, проводил пальцами, в ногти которых набилась земля, по красным и серым перьям куропатки, у которой на клюве висела капелька крови.

Так мы приехали в Аспреваль, где г-н де Поканси совершенно не ожидал нашего посещения, которым обязан был он случаю, причине всех событий, должествующих случиться, и даже многих таких, которые с таким же успехом могли бы и не случиться...»

II

Г-на де Маниссара с г-ном де Поканси соединило некогда обстоятельство, достаточно необыкновенное, странность которого заслуживает того, чтобы о нем упомянуть, раз с этого завязалась их дружба.

Во времена их молодости, около 1643 года, в Париже находилась некая молодая дама из Марэ, галантная, разбитная и статная, которая любила не только показывать, но и на деле доказывать тем, кто, по ее мнению, заслуживал этого, что одного лицезрения недостаточно для того, чтобы составить правильное представление о ее прелестях. Так что она охотно принимала доказательства поклонения, вызываемого ее красотой. Столь откровенный образ действий привлекал к ней множество почитателей, из которых каждый, в свою очередь, получал от нее удовлетворение своим желаниям.

К моменту нашего рассказа счастливым любовником при ней состоял г-н де Поканси, более известный в обществе под прозвищем прекрасного Анаксидомена, находившийся тогда в полном, расцвете сил. Против всякого ожидания Поканси задержался в этом положении, что начало возбуждать ропот против него. Всего нетерпеливее ожидал конца волокиты как раз г-

н де Маниссар, которому и принадлежала честь восстановления, посредством занятой уловки, порядка последовательности, слишком надолго приостановленной медлительностью г-на де Поканси.

Вот каким образом принялся г-н де Маниссар добиваться своей цели:

Сговорились поехать за город в увеселительный дом г-на де Маниссара близ Рюэйля. Не будучи чрезмерно пышным, этот дом был вполне хорош для того, чтобы провести денек в беседах или развлечениях, для чего в тот день и были приглашены г-да де Нонанкуры и де Борпре, не забыли и г-на де Сиго, чья толстощекая и блаженная физиономия уже одним своим видом веселила и побуждала к забавам. Поканси и его красавица тоже принимали участие в поездке. Она несколько удивилась, что оказалась единственной женщиной во всей компании и что перед ней нет другого лица, с которым она могла бы сравнить свое, чтобы предпочтение осталось на ее стороне. Ведь для женщин главное удовольствие собираться вместе и заключается в чувстве собственного превосходства над всеми окружающими и в преимуществах, которые они от этого себе приписывают. Это укрепляет их, каждую по отношению к себе самой, в том лестном мнении, которое они заранее составили о себе, потому что соперниц они признают только для того,

чтобы сильнее быть уверенным в том, что нет ни одной, не уступающей им в красоте и грации. Поканси не заметил этой особенности или принял ее за особое внимание к своей возлюбленной, которой, конечно, эти господа опасались противопоставлять своих любовниц.

Перед закуской все разбрелись по парку. Маниссар показывал его гостям и везде их водил, пока не подошли к трельяжному павильону, где был накрыт стол. Скрипки непрерывно играли во все время трапезы танцы и арии, которым подпевал г-н де Сиго, причем щеки его так надувались, что похожи были на волынку с человеческим лицом. Даже когда скрипки умолкли, он продолжал гудеть.

Не то вследствие вина, не то вследствие природной пламенности, г-н де Поканси, не успев встать из-за стола, вспомнил, что он заметил в доме прекрасную комнату с удобной кроватью. Туда то он и уединился от остального общества со своею дамою. Все, казалось, так усиленно занялись игрою в кольца, что галантный Анаксидомен тоже счел своей обязанностью как можно живее приступить к игре; но только он встряхнул свой рожок и не успел еще выбросить кости, как вдруг двери распахнулись, и в зеркало, помещенное в глубине кровати, он увидел отраженную фигуру г-на де Маниссара на пороге, а за ним цепью,

удаляющуюся в перспективу, г. де Нонанкур и де Бор-пре, за которыми можно было различить добрейшего г-на де Сиго. Остановившись посреди комнаты и сняв шляпу, г-н де Маниссар начал ораторствовать.

Речь его была превосходна. Он представил г-ну де Поканси всю неправоту его пред ним и пред этими господами, столь беззастенчивым продлением срока, предписываемого принятыми обычаями для связи, самый характер которой заключается в том, что она кратковременна. Он действовал вопреки специальным правилам галантности. Подобное поведение принуждало их к жестокой необходимости прибегнуть к окольным путям, чтобы добыть то, чего они желали бы достигнуть естественным ходом вещей и что получить иначе, как постепенным и узаконенным порядком, им внушает отвращение. Г-н де Маниссар эту речь расцвелит такими потешными подробностями, что лицо г-на де Поканси, который сначала нахмурился из-за всей этой истории, прояснилось. Все кончилось смехом, и дама так охотно приняла участие в этой шутке, что в тот же день никто из названных господ не имел причины жаловаться, настолько красавица поспешила исправить задержку, от которой она за один раз отыгралась.

Проделка эта послужила причиной для дружбы, завязавшейся между г-ном де Маниссаром и г-ном де

Поканси. Галантный Анаксидомен охотно вспоминал, как друг спас его от смешного положения, в котором всегда очутишься, если в любовных похождениях поверишь краткому счастью и будешь на этом настаивать. И г-н де Поканси продолжал свои похождения, по количеству которых он мог бы заслужить название распутника, если бы он с жаром не опровергал этого, указывая на то, что в данном случае играют большую роль темперамент и любопытство, чем убежденная преднамеренность. «Разве я виноват, – говаривал он, – что природа наделила меня определенно выраженным влечением к женщинам, а Бог создал их столь различными по цвету, формам и запаху, что нужно иметь их множество, чтобы получить то, что отличает их одну от другой? Человеку, прибавлял он, на которого действует хотя бы разнообразие их кожи, и то представляется обширное поле для изучения. Я знаю таких, у которых кожа атласная, у других нежная или мохнатая, влажная или сухая, у некоторых почти прозрачная, а у иных более обнаженная, чем у прочих. Заметьте себе, что у одних волосы густые и торчащие, у других гладкие или их нет совсем, у кого волнистые, у кого курчавые, – все это даст вам понятие, к каким исследованиям обязывает вас подобное разнообразие. Знакомство с характерами не менее трудно и требует не меньшего времени. Знакомство это –

один из самых необходимых пунктов. У каждой свои особенности, различать которые весьма важно, так как они служат ключом, посредством которого можно снискать их расположение раньше, чем упрочится их милость по отношению к вам. Знать хотя бы приблизительно женское тело представляет собою большой труд, особенно во Франции, где нужно брать каждую по одиночке, иначе прослывешь развратником и даже изменником, потому что для того, чтобы быть верным всем вместе, нужно изменять некоторым, меж тем как на Востоке, имея в серале триста жен, можно достигнуть тех же результатов и приобрести репутацию мудрого человека».

Такой репутации г-н де Поканси своим поведением не приобрел, но общее мнение было, что он человек компанейский и представительный. Он был высок и статен и казался смелым и сильным. Достоинства эти могли бы его далеко подвинуть, но он всегда приносил обязанности в жертву наслаждениям, за что мужчины его осуждали, но женщины были благодарны, так что многое ему прощалось, даже то, что он женился, что сделал он в 1650 году, как только стукнуло ему сорок лет. В конце концов, Мария Урсула де Бурлье состояла г-жою де Поканси ровно столько времени, чтобы успеть подарить мужу сына, которого называли Антуаном и при рождении которого она умерла,

оставив им в наследство большие средства.

Своих средств г-н де Поканси не жалел. Любовь стоит дорого. Расходы на нее значительны: и на подарки, и на собственный туалет. Прекрасный Анаксидомен имел изысканную внешность и щедрые привычки. Он любил и белье, и верхнее платье и не упускал из виду ни одного из новшеств, которые предписываются модою тем, кто хочет сообразоваться с ее капризами. Стоило появиться какой-нибудь ленте или духам, как он тотчас тратился на них. Разряженный, распомаженный, раздушенный прекрасный Анаксидомен с утра до вечера объезжал город с площади в переулки, из переулков в бани, то в своем портшэзе с ливрейными носильщиками, то в карете, запряженной лошадьми в яблоках, – всюду, где бы представилась возможность быть замеченной его приятной наружности. Время, проводимое дома, проходило в том, что он обдумывал цвет камзола, способ завязать бант или заставлял писать свои портреты на внутренней стороне шкатулочек, которые затем раздаривал.

Дом у него был благоустроенный и богатый, особенно богат он был всякого рода мебелью, в частности и главным образом всякими столами с ящиками и инкрустированными сундуками, приспособленными для хранения в своих недрах под замками драгоценных и редких предметов. На столе он любил редкост-

ный фаянс и цветной фарфор, который предпочитал серебру, и ничто его так не радовало, как некоторые персидские или венецианские изделия из стекла, прозрачные и хрупкие, казавшиеся сделанными из уплотненной и граненой воды. Зеркала у него были из Мурано, и он вблизи рассматривал в них свои черты и прическу; им приписывал он свой постоянный успех у женщин. Не было почти ни одной красавицы, от которой он не хранил бы то похищенный локон, то надушенную перчатку, то веер, чтобы вспоминать наслаждение, доставленное ему их благосклонностью. Эти любовные реликвии хранились у него в большом флорентийском шкафу, массивный фронтон которого поддерживали нимфы и сатиры, выступавшие по пояс и страстно переглядывавшиеся между собой.

Как раз это пристрастие к редкостям и свело знаменитого Анаксидомена с неким синьором Корлардони. У этой личности, чаще называемой на французский манер Курландоном, от венецианского происхождения сохранилось пришепетывание и привычка к путешествиям. От вида галер светлейшей Республики, пристававших к Эсклавонской набережной, в нем пробудилось стремление к морским пространствам, и у него не было недостатка храбрости, чтобы осуществить это стремление. Он побывал на Переднем Востоке, закупая ковры и розовое, масло. Торговля дра-

гоценными камнями завела его в Персию, откуда вывез он прекрасные экземпляры. Подвиги эти мало его обогатили; в Париже он жил в какой-то берлоге, где торговал стеклянными изделиями, зеркалами и косметикой. Г-н де Поканси время от времени посещал его лавку и выбирал какую-нибудь мелочь. Каково же было его удивление, когда однажды он застал старика в обществе женщины, красота которой произвела на него живейшее впечатление. У нее был тюрбан в турецком вкусе и полуоткрытая божественная грудь. Звалась она Аннета, ей могло быть лет шестнадцать, и Курландон выдавал ее за племянницу. С первого же взгляда г-н де Поканси по уши в нее влюбился и через три месяца женился на прекрасной Аннете.

Прекрасная Аннета рассчитывала играть роль в обществе, так что она почувствовала некоторую досаду, будучи осуждена проводить время в четырех стенах вдвоем с мужем. Поканси тогда, в 1664 году, было пятьдесят пять лет, и он впервые испытал чувство, которое он до сих пор только внушал другим. Он сделался ревнивым подозрительным букой. Просыпался по ночам, чтобы караулить свое сокровище и, возвращаясь с ночного обхода, удивлялся, видя в венецианских зеркалах свое сокровище со свечой в руке, будто человек, вставший с постели, чтобы проверить, заперты ли замки и ставни.

Стариковская влюбленность придает любви свойственный ей пыл, источником которого является сама ее ограниченность. Возраст является побудительным средством для того, чтобы пользоваться настоящей минутой. Этому-то с жаром предался и наш Анаксидомен. Аннета составляла единственный предмет его занятий, и, чтобы еще более ограничить себя в этом отношении, Поканси решил покинуть Париж и удалиться в деревню. Венецианка сначала запротестовала, но потом довольно спокойно примирилась со своей участью. Молодость иногда бывает неожиданно покладиста, у нее нет никаких сомнений относительно собственной длительности; прекрасная Аннета полагала, что с ее молодостью кончится и юность, обретенная вновь около нее прекрасным Анаксидоменом, юность, доказательства которой он доставлял ей с такой пылкой щедростью, что вечно это длиться не могло.

Г-н де Поканси для своего местопребывания избрал замок Аспреваль, доставшийся ему от первой жены Урсулы де Бурлье и расположенный в области Мёзы. Перед тем как туда уехать, он сговорился с г-ном де Маниссаром, что сын его Антуан останется на попечении барышни де Маниссар, сестры его друга. Ребенку было лет двенадцать, и он казался простым и послушным, хотя и рос очень заброшенным; у отца не

было времени для ухода за ним, а теперь, когда прекрасная Аннета занимала всецело его дни, времени было бы еще меньше. Маниссар обещал присматривать за воспитанием молодого Антуана, и, покончив на этом, г-н де Поканси уложил свои вещи и распростился с городом, откуда в лице новой своей супруги увозил средство забыть о чужих женах, к которым он так часто прибегал для своего наслаждения.

В течение трех дней, предшествовавших отъезду г-на и г-жи де Поканси, на подводы накладывали мебель и всякую рухлядь. Ящики со стеклами бренчали на мощеном дворе. Один сундук носильщики уронили с плеч, он вдребезги разбился и развились ковры. Наконец все было погружено, и г-н де Поканси, не желая терять из глаз столь драгоценный обоз, пожелал ехать за ним шагом в карете.

Путешествие по причине плохих дорог длилось более десяти дней. Ехали медленно; время от времени Поканси высовывал голову в окно, посмотреть, всё ли едет, как ему хотелось; он видел ряд возов, которые, раскачиваясь, то взбирались на бугор, то спускались под гору. Иногда он смеялся от удовольствия, поглядывая на прекрасную Аннету, заснувшую на подушках. Из ее длинных рук, опущенных на колени, выскользывали в складки платья то веер, то полумаска. И любовь прекрасного Анаксидомена усиливалась

при виде этих непреднамеренных, грациозных движений.

Ночей, проводимых в гостиницах, не хватало, чтобы удовлетворять желание, возбуждаемое столькими прелестями. Часто карета вдруг останавливалась у лужка или у поворота в лес. Г-н и г-жа Поканси высаживались, исчезали за опушкой или переходили полянку. Листья касались платья прекрасной Аннеты, мелкие ветки щекотали чулки де Поканси, потом деревья смыкались за ними.

Так как время было летнее, то в лесу пели птицы, а в траве трещали кузнечики. Слышно было, как скрипели оси у подвод, продолжавших ехать, и потрескивал лак на карете, остановившейся на солнцепеке. Ветерок развеивал лошадиные гривы. Одна из них билась копытом, и это казалось громким шумом в тишине спокойного воздуха, где мухи летали, жужжа вокруг спаренных лошадей.

Мухи эти не давали покоя г-ну и г-же де Поканси, когда они снова занимали места внутри кареты. Тем более что Анаксидомен вынимал из погребца дорожное печенье и бутылки. Мухи летели на сахар, повев крошек, они делались назойливыми, так что г-ну де Поканси не раз приходилось, поднеся бокал к губам, останавливаться и прогонять надоедливых насекомых, между тем как г-жа де Поканси обмахивалась

от них веером.

Так путешествие продолжалось без всяких затруднений, кроме самых обычных. Несмотря на медленность, обращали внимание на окрестности. За равнинами Шампани следовали другие местности. Наконец, достигли области Мёзе.

Мёза протекает среди густой травы и лесов. Аспреваль был невдалеке. Приехали туда к вечеру, но достаточно засветло, чтобы увидеть, что замок выстроен еще по-старому. Стены с башнями окружены были рвами. Лягушки квакали в тростниках. От факелов разлетались летучие мыши.

Кое-как привели в порядок лучшую часть здания. Разместили прекрасную мебель г-на де Поканси. Цветные ковры прикрыли неровности и углубления пола, и Анаксидомен узнал счастье находиться вне опасности от любопытных ухаживателей и воров и поздравил себя со счастливой мыслью отвезти прекрасную Аннету в такое место, где можно было поручиться за ее добродетель, и которое было полезно для ее тела, так как чистый воздух улучшит цвет ее щек, укрепит здоровье и разовьет грудь.

Скуке г-жи де Поканси в этом супружеском уединении ничто не приходило на помощь. Сначала она изливалась в длинных итальянских письмах старому Курландону, но тот перестал отвечать, так как че-

рез год после ее отъезда умер. В это время Аннета де Поканси сделалась беременна. Бешенство ее было неопишимо, и близнецы, которыми она разрешилась, нисколько ее не успокоили. Жером и Жюстен были толстые и плешивые. Каждое утро, причесываясь перед зеркалом, г-жа де Поканси заранее на весь день зевала. Анаксидомен, радостный и любезный, был счастлив всеми днями своей жизни. Протекли три года счастья. Собираясь пользоваться жизнью, г-н де Поканси каждый день после завтрака выходил проветриться, чтобы не обрюзгнуть и не отяжелеть. Прекрасная Аннета редко его сопровождала на эти гигиенические прогулки, так что он совершал их один, одетый по последней моде, стройный, подтянутый, словно бы он прохаживался по бульвару или красовался на королевской площади.

Вернувшись с одной из таких прогулок, он не нашел своей жены там, где она обычно находилась. Служанки ее не видели. Обыскали весь замок. Все засустились. Осмотрели колодцы и канавы с водою. К вечеру г-н Де Поканси стал опасаться несчастного случая. Тогда, открыв полог кровати, он увидел платье, которое обычно носила Аннета. Оно было разложено таким образом, что выходила лежащая человеческая фигура. Бархатная полумаска на подушке, казалось, издевалась над недостающим лицом.

Бедный Анаксидомен тщетно обшарил все окрестности, не находя ни малейшего следа беглянки. Через месяц с лишком он вернулся в Аспреваль. Для утешения ему принесли Жерома и Жюстена. Младенцы пищали. Он послал их на чердак и поднялся в свою комнату. Там он собрал в узел платья Аннеты, продолжавшие лежать на постели. Он запер их в сундук и велел бросить в пруд у Валь-Нотр-Дама. После этого он взял одно из своих венецианских зеркал, долго смотрелся в него и потом разбил.

На следующий день он написал г-ну де Маниссару, чтобы ему прислали сына его Антуана. Антуану было пятнадцать лет.

III

Когда г-н де Поканси оставил сына своего Антуана на попечение г-ну де Маниссару, тот не был уже повесой 1643 года, о котором рассказывали столько забавных историй в Рюэйле. Годы сделали маркиза де Маниссара личностью особого рода, одним из лучших лейтенантов короля. Женившись в 1660 году, он от этого супружества в течение двух лет имел сына и дочь. Властная г-жа де Маниссар дала понять мужу, что она и не подумает брать на себя заботы об Антуане, сговорившись, что его поручат барышне де Маниссар. Юный Поканси вошел в прекрасный особняк на острове св. Людовика, близ моста Марли. Его восхитили высокие потолки и в особенности большой камин, над которым был изображен г-н де Маниссар в виде Марса, но ему редко удавалось снова видеть эти чудесные вещи, так как маркиза сухо его отпустила, и он почти не сходил с верхнего этажа, где барышня де Маниссар, сосланная туда женою брата, как могла устроилась по своему вкусу.

Барышне де Маниссар было тогда около сорока лет. Она была высокого роста и возвышенных манер. Цвет лица у нее, блистательный в молодости, с годами потускнел, но от прежней наружности кое-что со-

хранилось, что и теперь делало ее внешность очень представительной, если только для женщины достаточно иметь красивые глаза и крепкие зубы во рту. Кроме того, у нее была упругая грудь и руки, немного большие, но такой формы, что нельзя было на них наглядеться. Правда, естественную свою привлекательность она не старалась усилить никакими ухищрениями. На платья она не обращала большого внимания, и, сообразно временам года, менялась только материя, из которой они были сшиты, но не покрой, установленный, казалось, раз и навсегда.

Образованная более, чем обычно бывают девушки, она довольствовалась быть умной, не претендуя на остроумие. Ее чердачок загроможден был гербариями и глобусами, так как хотя она и редко выходила из дома, но интересовалась внешним видом нашей планеты и знаками, произрастающими на ней. Это обстоятельство объясняло то, что на лестнице у нее можно было встретить самый разный народ. Она зазывала к себе путешественников, ботаников и расспрашивала их. Они рассказывали ей о дальних странах и редкостных травах. Кроме этих бродячих людей у нее можно было встретить большие парики и жабо, от которых за версту несло старыми бумагами и чадной свечкой. Она ничего не имела против педантов, если только они нищенствовали и их древние языки

ничего им не давали, говоря про них, что за неимением других знаний они знают, по крайней мере, как-то добывать средства к пропитанию ремеслом, имеющим целью питать умы других тем, что их ум приобрел наиболее здорового и существенного из общения с древними. Благотворительность ее распространялась на этих бедняков. Она давала им что могла, и они, в благодарность, сочиняли ей хвалебные двустишия и эпиграммы.

Барышня де Маниссар упорно отказывалась от замужества. Объясняли это увлечением молодости, к которому обстоятельства не были благоприятны. Хорошо осведомленные люди прибавляли, что предмет этого увлечения был столь низкого происхождения, что барышня уступила доводам сословной гордости. Говорили также, что, отказав возлюбленному в своей руке, она не отказала ему в более существенном, что весьма возможно, так как у девушек бывают подобные причуды. Но, может быть, этого и не было, так как у них встречается и необыкновенная щепетильность, и странная сдержанность, заставляющая их приносить свое счастье в жертву семейной чести. Как бы то ни было, но в известные дни барышня де Маниссар впадала в глубокую мечтательность, после которой грудь ей теснило, в глазах горел какой-то пламень, в котором смешивались, быть может, желание и сожаление.

Минуты слабости длились недолго, она скоро брала себя в руки и делалась по-прежнему деятельной, прямодушной, рассеянной и доброй.

Антуан многим был обязан этой доброте. Он много времени проводил около барышни де Маниссар. В ее обществе он научился прилично разговаривать и писать. Каждую неделю писал своему отцу, отвечавшему ему раз в год. Так что Антуан получил от знаменитого Анаксидомена три письма, четвертое было адресовано г-ну де Маниссару: Поканси требовал своего сына обратно. Новость эта, принятая довольно равнодушно маркизом и маркизою, очень взволновала барышню де Маниссар. Весь день перед отъездом она все бродила, ворча и толкаясь вокруг Антуана, который смотрел, как укладывали его пожитки в сундук. Он был грустен. Уткнув нос в окошко, смотрел, как течет Сена. На берегу лошади подымались от водопоя, лаяла собака. Наконец настал вечер.

Комната Антуана находилась как раз рядом с комнатой барышни де Маниссар. Они сообщались маленьким коридором, обе двери в который летом оставляли открытыми, чтобы воздуху было больше. Антуану очень нравилось это близкое соседство. Перед тем, как заснуть, он прислушивался, как барышня де Маниссар ворочается в своей нише. Иногда снова зажигался свет, барышня де Маниссар высекала

огонь из кремня, чтобы зажечь свечку. В проход проникала полоса света, и Антуан слышал, как переворачивают матрас, простыни, как по полу топчут босыми ногами. Барышня де Маниссар ловила блох. И Антуан, засыпая, считал их одну за другой, так как они щелкали под ногтями сухим звуком через неравные промежутки времени.

Последнюю ночь Антуан спал плохо, хотя ранним утром должен был отправиться в путь и силился сомкнуть глаза; ему хотелось плакать. Забывшись на минуту, он снова проснулся. Все было так тихо, что он не сдержался и потихоньку принялся рыдать. Слезы текли у него по щекам. Вдруг он услышал легкий шум, шли по коридору, и со свечкой в руке появилась барышня де Маниссар. Она была в ночном белье по случаю жары, вероятно, очень открытом. Рубашка у нее сползла с одного плеча, и, когда без церемоний она присела на кровать к Антуану, тот увидел, как от тяжести таза натянулась материя.

Голос, которым она заговорила, так изменился, что Антуан с трудом узнал его. Он продолжал потихоньку плакать. Барышня де Маниссар наклонилась к нему и стала гладить его по волосам. Он испытывал легкую томность. Он склонил голову, и щека его встретилась со свежей и полной грудью, неровное и тихое дыхание которой он чувствовал. Тогда он больше не шеве-

лился и так остался, изредка слегка вздыхая.

Они долго пробыли в таком положении. Свеча горела прямым огнем, оплывая крупными каплями воска. Барышня де Маниссар смотрела в глубину комнаты, где неясно белело окно. В дверь постучали пальцем. Она вскочила. Это утренний слуга пришел будить Антуана. Она скрылась бегом, и он не мог ее удержать.

Антуан оделся и перед тем, как сойти вниз, хотел проститься с барышней де Маниссар, но она заперлась на ключ, так что ему пришлось уехать, не повидав ее. Весь дом еще спал. Он прошел через галерею. Над высоким камином красовался г-н де Маниссар в виде Марса. Мощеный двор был сырым. Из фонтанной маски текла вода в каменный водоем. Антуан вымыл себе глаза. В соседней церкви ударил колокол. В свежем воздухе горланили петухи.

Первое время в Аспревале показалось Антуану долгим и однообразным, и не потому, что он по природе не способен привыкнуть к жизни без особых событий, так как характер был у него спокойный и склонный к порядку, а скорее потому, что нужен известный срок для того, чтобы приучиться иметь дело только с самим собою. Антуану, действительно, предоставлена была полная свобода. С отцом у него беседы были самые короткие – несколько учтивых слов и вопросы о здоровье; по обоюдному согласию они не выходили

из этих рамок. Можно было задать себе вопрос: зачем же г-н де Поканси выписал к себе сына из места его пребывания?

Конечно, он и сам этого не знал, так как ничего не имел сказать ему, ничему не мог научить, до такой степени, что иногда по нескольку дней подряд не видал его. Г-н де Поканси почти не выходил из своих апартаментов. Когда Антуан невзначай заходил туда, он заставлял отца или шарящим в ящиках, или роющим в глубине какого-нибудь сундука, Антуан замечал там веера, перчатки, ленты, коробочки и связки пожелтевших писем. Г-н де Поканси вновь переживал свое прошлое Анаксидомена. Настоящее и все, что его окружало, интересовало его очень мало. Он не думал о ремонте Аспреваля, которому грозило разрушение, и происходило это от равнодушия скорее, чем от скупости, поскольку Антуан никогда не получал отказа в деньгах. Так что Антуан мог считать, что отец его любит, особенно если принять во внимание, как он обращался с близнецами. Он виделся с ними очень редко и то с отвращением. Они были сильные малые, но неряшливые и горластые. Антуан терпел их. Он привозил им из Виркура пряники и ветряные мельницы из картона.

Виркур на Мёзе был ближайшим от Аспреваля городом. Из замка видны были его крыши и колоколь-

ни. В нем насчитывалось пять-шесть тысяч жителей – мещан и ремесленников – с необходимым для управления количеством судебных чиновников.

Кроме Виркура по соседству с замком находился еще монастырь в Валь-Нотр-Даме, у которого было много земель, лесов, прекрасных прудов и живорыбных садков. Общество монахов оказалось весьма приятным для Антуана. Прежде всего там находилось то, что можно было назвать «паствой», то есть толпа рабочих, привратников, садовников и пономарей, составлявшая однородную массу, одетую в грубые подряски и пахнущую козлом, из которых выделялось несколько духовных лиц больших заслуг и здравых учений, вроде игумена г-на де Шамисси.

Г-н де Шамисси жил сначала в миру и в монастыре сохранил благородные привычки, как, например, вкус к вину и хорошему столу. Речь его была искусна и касалась всевозможных предметов, особенно имеющих отношение ко Двору и к войне, к которым он был причастен. Игумен одновременно был твердым и скользким, как его деревянный посох, и заставлял свою паству ходить по струнке. Дисциплина в монастыре была превосходной. Никто не спотыкался.

Никакое отклонение не нарушало установленного порядка. Игумена де Шамисси боялись и уважали в Валь-Нотр-Даме, и если ему случалось подымать-

ся из-за стола с отуманенной головой и тяжестью в ногах, никто себе не позволял ни малейшей шутки на этот счет. Игумен любил хорошо поесть и выпить неразбавленного вина. Антуан не раз мог это заметить, так как мало-помалу сделался сотрапезником г-на де Шамисси, который стал с ним дружить, правда, неизвестно, почему, так как существует большая разница в образе мыслей монаха и двадцатилетнего молодого человека, робкого, доброго и наивного.

Посещения Антуана, начавшиеся на третьем году после его возвращения в Аспреваль, сделались все более и более частыми. Один или несколько раз в неделю Антуан отправлялся в Валь-Нотр-Дам, какое бы время года и погода ни стояли. Зимой, замерзшая или покрытая снегом земля звенела или скрипела под его ногами, сверкал льдом пруд. Случалось, что Антуан приходил промокший до костей или по уши в грязи, так как область Мёзы дождлива. Весною, наоборот, там очаровательно: поля вновь покрываются зеленью, на ветках появляются почки, – все это производит более приятное впечатление, чем где бы то ни было. Летом Антуан ходил через желтеющие поля. Быки смотрели, как он проходил, положив слюнявые и рогатые морды на поперечины загородок; карпы в пруду выскакивали над водой. Осенью, под вечер, возвращаясь в Аспреваль, он слышал токование тетере-

вов, а заяц с мохнатым животом и длинными ушами цвета палых листьев перебежал ему дорогу. Молодой Поканси всегда заставлял игумена приветливым и благорасположенным, то греющимся перед камином, где пылал хворост и поленья, то в тени увитой беседки в саду, с книгой, кружкой вина и глиняной трубкой, из которой он курил табак.

Игумен и ознакомил Антуана со многими событиями, между прочим, и с неожиданным бегством прекрасной Аннеты Курландон. Рассказал он ему, как посетил его печальный Анаксидомен, в поисках жены, которую нельзя было найти. Окончив рассказ, он с лукавым видом вытряхнул пепел из трубки. Кроме этих сведений о семейных событиях, Антуан там узнал то немногое, что знал он о мире и царствовании. От игумена ничто не ускользало из того, что происходило за стенами монастыря, касалось ли это войн или всяких других происшествий, и рассуждал он об этом довольно свободно. Зачастую беседа принимала более фривольный характер и большое место отводилось анекдотам о виркурских дамах. Охотнее всего игумен рассказывал о некоей даме Даланзьер, супруге г-на Даланзьера, комиссара по военным делам. Жила она в Виркуре, где у ее мужа была земля. По своей должности он часто уезжал на границу, обстоятельство очень удобное для женщины, с которым жена его удобно со-

образовалась.

Игумен замечал, что всякий раз при упоминании г-жи Деланзьер Антуан краснеет. По правде сказать, он видел ее несколько раз и был в том возрасте, когда женщины волнуют и смущают. Антуану был тогда двадцать один год. Без сомнения, он раньше бы заметил это в себе, если бы ему чаще приходилось думать о том, о чем обычно думают молодые люди. Его мыслям не к чему было прицепиться, так как пастушки и служанки не способны заставить мечтать человека деликатного и из хорошей семьи. Наоборот, глядя на г-жу Деланзьер, он всегда думал, как должно быть приятно побыть с ней под одеялом.

Однажды, придя в Валь-Нотр-Дам, он заметил, что во дворе стоит карета, у игумена были посетители. Антуан прошел по приемной, завтрак был еще не убран – по оставленным фруктам и недоеденному желе было видно, что гостей угощали. Он направился к саду, откуда доносились голоса.

Монастырский садик был квадратным, в середине устроено место для игры в шары, Г-жа Даланзьер и остальные гости, приехавшие в карете, окружали играющих. Она была красива и немного полна. Темные вьющиеся волосы выгодно оттеняли ее лицо. Косынка оставляла открытой верхнюю часть груди. Она кокетливо шепталась. Игумен собирался бросить большой

шар, еле помещавшийся у него в ладони, и взглядом ясно давал понять посетительнице, что он, конечно, предпочел бы держать в руках округлость более упругую и сладостную. Шар, брошенный как бомба, упал в двух пальцах от цели.

Приход Антуана прервал игру, и игумен предложил дамам пройти по саду к пруду.

Сад был обширен и в изобилии украшен цветами и буксами, распространявшими сладко-горький запах. Отсюда виден был игуменский флигель. Построен он был из белого камня и розового кирпича с балконами, выделанными, как клиросная решетка. Окна выходили на пруды. Тот пруд, к которому все направились, представлял собою довольно большое пространство воды посреди леса. Придя на место, увидели издали сквозь деревья, что весь берег занят довольно большим количеством монахов: одни стояли, другие лежали на траве. Многие начали уже развязывать свои сандалии. Из подоткнутых ряб видны были волосатые ноги. Г-жа Даланзьер поинтересовалась, зачем они разуваются, на что игумен ответил, что это купальные часы.

Игумен предписывал мыться часто и приказывал летом общие купанья под открытым небом, чтобы отбить запах пропотелых подрясников. Покуда он объяснял, купальщики продолжали раздеваться, не заме-

чая, что за ними наблюдают. Там было их всякого возраста и всякого роста. У некоторых под облачением были какие-то сложные штаны и длинные рубашки, у большинства платье надето было прямо на тело, так что, подняв рукава и сняв одежду через голову, они сразу были готовы.

Монахи ждали знака, чтобы начать купанье. Они расхаживали, с удовольствием чувствуя на теле теплоту воздуха. Некоторые потягивались, другие чесались. Высокий малый валялся на траве, задрал ноги, причем подошвы у него были такие заскорузлые и пожелтевшие, что можно было подумать, что он носит кожаные подметки. Толстяк блаженно скрестил руки на огромном животе. Двое-трое худощавых забавлялись тем, что щипали друг друга.

Вдруг, услышав звук колокола, верзила с задранными ногами поднялся и первым вскочил в пруд. Вода разбрызгалась вокруг него, и он снова показался весь мокрый. Другие последовали его примеру, осторожно или храбро. Умеющие плавать отплыли дальше, те, кто только бултыхался, остались у берега. Взбаламученная вода сверкала на солнце от бульканья голых тел, перекрещивались громкий смех и пронзительные крики. Вдруг все смолкло.

При виде приближающегося общества все смутились; монахи присели по горло в воду, на поверхность

выступала только влажная слоновая кость выбритых макушек, как будто цветы плавающих пенюфаров.

Колокол прозвонил к окончанию купанья.

Минуту колебались. Наконец, самый храбрый решился и побежал к своему платью. Другие последовали его примеру. Они искоса взглядывали на дам. Последним вылез из воды молодец, который только что первым вскочил в нее. Подрясник его находился как раз около г-жи Даланзьер. Он пошел к ней, чтобы одеться. Человек был высок и хорошо сложен. Г-жа Даланзьер посмотрела на него, и Антуан, находившийся от нее поблизости, мог видеть, от чего она покраснела, даже если бы она не указала кончиком вера на то, что вогнало ее в краску.

Игумена очень забавляло смущение его паствы и веселость дам. Когда он пошел от пруда обратно, они с сожалением последовали за ним. Г-жа Даланзьер все время оборачивалась назад и снова принималась смеяться. От смеха виднелись ее зубы, которые были превосходны, и раздувалось ее круглое и свежее горло. На солнце щеки ее казались розовыми, а в тени нежно смуглели. Вошли в игуменские покои. Г-жа Даланзьер вышла на балкон. Монахи возвращались гуськом, спрятав руки в широкие рукава. Бедняги, казалось, совсем обомлели от того, что гости застигли их во время купальных забав. Сандалии шаркали по

гравию.

Встреча с г-жою Даланзьер имела для Антуана де Поканси хорошие последствия. С этого дня он привязался к этой даме, постоянно оказывая ей различные услуги. Игумен, как человек добродушный, с улыбкой смотрел на их отношения. Отношение Антуана было несложно и состояло в том, что он взирал на г-жу Даланзьер с таким видом, будто находил в ней все совершенства. Со своей стороны, г-жа Даланзьер, по видимому, считала, что у Антуана налицо все те качества, которые первыми любят открывать женщины в мужчине. Она благосклонно относилась к его исканиям и принимала знаки восторженного обожания. С той минуты время для Антуана проходило незаметно, потому что он научился находить для него наилучшее употребление, т. е. посвящать его наслаждению, в особенности же не последнему из наслаждений — целоваться взапас и крепко прижиматься друг к другу, вкушая таким образом естественную игру плоти, которой, за исключением самых сокровенных наших частей, удовлетворяются глаза, руки и поверхность кожи. Г-жа Даланзьер в этом пункте сходилась с Антуаном. Они скоро согласились между собою относительно доказательств взаимного понимания и быстро достигли цели, к которой часто приходят разными окольными путями. Неопытность Антуана дала ему

возможность при содействии г-жи Даланзьер довести до конца дело, в котором оба они были заинтересованы.

К тому же с г-жою Даланзьер иначе и не следовало себя вести, так как она совсем не утруждала себя рассуждениями. Своею сообразительностью она пользовалась исключительно для измышления всевозможных средств и хитростей, чтобы г-н Даланзьер считал ее за добродетельнейшую из женщин. Покончив с этим, она думала только о своем удовольствии. Очень большое значение она придавала здоровью и нарядам. Она была довольна собою и никого так не любила, как себя. Ее происхождение казалось ей лучшим на свете, так как благодаря ему она пользовалась жизнью, которую любила. Она очень берегла себя во всем, кроме любви, и охотно соблюдала режимы, веря не только в медицину, но и в докторов; особенно доверяла она некоему Корвизо, жившему в Виркуре, у которого часто спрашивала совета. Она познакомила его с Антуаном, который в случае надобности приглашал его к отцу, на чьем здоровье начали сказываться лета, беспокоя его разными недомоганиями.

Г-н де Поканси очень изменился в обращении с Антуаном после того, как у того появилось что-то такое, что придает любовь. Он благожелательно наблюдал, как тот, прифранченный и надушенный, от-

правлялся в Виркур. Старый Анаксидомен из болтовни доктора Корвизо узнал о похождениях своего сына. Ему он ничего не сказал, но лучше стал с ним обращаться. Вместо того чтобы сухо отпустить его, он задерживал его при себе, рассказывал кое-какие анекдоты. С течением времени он стал рассказывать ему такие истории, довольно откровенные, где сам был героем. Г-н де Поканси в своих беседах заходил далеко. У Антуана начало складываться совсем новое понятие об отце, который, прежде чем сделаться старым затворником в кресле, был человеком как и все другие, и даже молодым человеком, как он сам. И это открытие его умиляло.

Таким образом, Антуан жил счастливо в Аспревале. Игумен из Валь-Нотр-Дама продолжал с ним дружить.

Г-жа Даланзьер доказывала свою любовь. Единственную заботу для него составляли его братья – Жером и Жюстен. Они с детства проявляли худшие склонности, которые теперь, когда они подрастали, делались тем более опасными, что ни у кого не было достаточного авторитета, чтобы подавлять их. Г-н де Поканси и слышать не хотел об этих парнях, а Антуан их побаивался, так как у них были полны карманы камней, заостренные палки, и они стали хитры и грубы.

Иногда он думал об этом по вечерам, ложась спать,

но кончалось все тем, что он тушил свечку, поворачивался на другой бок и засыпал. У него были предметы для мечтаний получше, чем домашние дразги, скучные для молодого человека двадцати пяти лет. Иногда он думал о предстоящей партии в шары в Валь-Нотр-Даме, иногда о вещах более нежных. Не предстояло ли ему отправиться на вечер к г-же Даланзьер? Конечно, там будут гости, но зато он будет иметь удовольствие видеть свою возлюбленную во всем блеске. Она не преминет украдкой послать ему особенную улыбку или какой-нибудь из тех небольших знаков внимания, которыми любовники при народе обмениваются, думая, что их никто не замечает, между тем как они настолько ясны для тех, кто их видит, что, по-видимому, их вовсе и не желают скрывать. Ему нравилось представлять ее себе обнаженной, с прекрасной грудью, с весом которой была знакома его рука и два сосца которой, нежные и шероховатые, оставляли на языке солоноватый вкус.

IV

Утром того дня, когда экипаж г-на маршала де Маниссара неожиданно въехал в Аспреваль, Жером и Жюстен де Поканси сидели рядом у замковой канавы. Воды в ней почти не было, и поверхность ее была покрыта зеленью, из которой там и сям торчали кучки камыша. По другую сторону рва круто подымались стены из серого камня, прорезанные узкими окнами. По пузатой массе большой круглой башни густо вился дикий виноград, оплетая ее зеленой сеткой с темными прожилками. Листья, перевернутые наизнанку, блестели более яркой зеленью. Сороки с пронзительным криком детали по аспидному небу. Они подымались в высоту, снова слетали на землю и ходили по луговой траве на пологом спуске Мёзы, которую видно было внизу; а за нею, за поворотом, виднелись крыши Виркура. Город расположен был по обоим берегам, соединяясь каменным мостом.

Оба подростка молчали; Жюстен занят был починкой сетей, разложенных перед ним на бугорке. Примятая трава выпрямлялась зелеными пучками через просмоленные петли. Нижняя часть снасти с поплавками и грузилом погружена была в ров. Пальцы Жюстена отыскивали прорехи, и сеть вздрагивала, как

живая. Окончив работу, Жюстен встал. Он поднял раму с сеткой, через которую предметы видны были затемненными густым квадратом, потом сеть снова шлепнулась наземь кучей, как палый зверь. Жюстен снова сел. Потом лег на живот и лежал неподвижно, оперев на руки свою желтую голову.

Он с удовольствием вдыхал запах рыбы от сетей. Из канавы к этому присоединялся еще запах стоячей воды и теплого ила, так как солнце проникало до него и согревало его тихонько. Жюстен благосклонно вбирал носом эту болотную плесень. Он любил воду, грязь, реку и пруд. Ему были известны все окрестные лужи и берега Мёзы вверх и вниз по течению. Он был терпеливым рыбаком, и со дней его детства у болотных жаб и канавных лягушек не было злейшего, чем он, врага; ни головастика, ни лягушатам он не давал спуска. Потом он попробовал настоящую рыбную ловлю. Монастырские садки могли бы кое-что рассказать по этому поводу. Мёзские рыбаки брали его с собой. Он приобрел необыкновенную ловкость в этом деле. Ничто не могло его остановить – ни лето, ни зима, когда по реке уже плавали льдины или темные ее воды текли между покрытых снегами берегов. Он сделался хитрым и грубым, быстро приходил в гнев, так что весь дрожал из-за потерянной рыбы или опорожненной плетенки. От привычки все время всматриваться

в прозрачную воду наклонившись, глаза его приобрели зеленоватый расплывчатый оттенок. Он то и дело откидывал назад прядь грязных волос, падавших ему на лоб, и бледные ногти на руке казались затвердевшей чешуей.

У брата же его, наоборот, посреди рыжего лица были живые, маленькие, как у птицы, глаза и во всей его фигуре были какое-то беспокойство, скрытность и, в то же время, настороженность.

Как раз переменился ветер и доносил теперь запах земли, поля и леса. Тростники во рву зашуршали, будто пробежало испугнутое животное. Жером заканчивал свою работу – чистку длинного мушкета. Он навел блеск на ружейную полку и вставил шомпол.

Жерома всегда интересовали деревья и трава. Всегдашним его занятием было разорять гнезда и норы, подстергать зверя и нападать на след. Он был изобретателен на всевозможные капканы и ловушки, но, как только он получил возможность добывать себе порох, он стал пропадать из дома и стрелять дичь с редкой ловкостью. Как и Жюстен, он сделался хитрым и выносливым, как и тот, подвержен вспышкам гнева, доводившим его зачастую до потасовок, так что его избивали до крови. Обычно они умели сговариваться и соединяться во всем против неприятелей, поэтому у них была еще склонность приносить вред другим,

что они и делали по мере сил. Они внушали страх, как люди опасные и злые. Речь их была пересыпана непристойностями. Вместе с этим, высокомерные и чванные, круглые невежды, в некоторых отношениях они не по возрасту были доверчивы и наивны. Грязные и оборванные, они походили скорее на бродяг, чем на дворян, хотя, разговаривая друг с другом, иначе не называли один другого как «сударь».

Они поднялись.

– Куда идете, сударь? – сказал Жером.

– На монастырские пруды, сударь. А вы?

– В Саблонье, стрелять куропаток.

В эту минуту они услышали звук голосов.

По луговой тропинке приближался Антуан в сопровождении верховного. Жером и Жюстен исчезли, один с мушкетом на плече, другой – уволокивая за собой свои сети. На их недавнее присутствие здесь указывала только помятая трава.

Антуан, пеший, и г-н Корвизо, верхом на муле, приближались бок о бок. На месте, откуда только что ушли Жером и Жюстен, они остановились. Корвизо высморкался, а Антуан погладил мула по морде.

Г-н Корвизо был маленького роста, довольно безобразен, одет в черное, с помятым белым воротником и остроконечной шляпой. Роговые очки сидели у него на носу. Лицо было желтое, рот растянутый, од-

на бровь выше и гуще другой, руки и ноги – огромные, голова – круглая, большой парик, короткая и зобастая шея, плечи подняты почти до ушей, длинных и волосатых.

– Ваше сообщение меня не удивляет, сударь, – говорил г-н Корвизо. – Положение вашего отца есть только результат времени. Тело наше, даже будучи в полной своей силе, не весьма удовлетворительно и довольно плохо исполняет свои обязанности. Так что упадок его может только усугубить соответствующие недомогания. Это закон природы, сударь, и все целебные травы, по которым ступает мой мул, помочь тут бессильны.

Корвизо рассуждал тоненьким голоском с довольным видом, как будто ему доставляло удовольствие констатировать тщетность своего искусства. Он наклонился с седла. У него были тонкие длинные руки, так что он, не слезая, мог сорвать травинку, которую начал кусать.

– В конце концов, сударь, – продолжал он, – с этим надо примириться. Все проходит; единственное, что есть непреходящего в нас, – это естественное расположение к тому, чтобы мы были существами преходящими. Все согласуется с этим правилом. Отец ваш старится, и замок его разрушается; говоря по совести, сударь, я не вижу в этом ничего худого, это лишит вас

всякого повода здесь оставаться. Не собираетесь же вы всю свою жизнь считать здесь ворон? Вы думаете, что нет других горизонтов, кроме здешнего, и других женщин, кроме г-жи Даланзьер? Неужели вы полагаете, что и я сам должен без конца торчать в Виркуре, прописывая промывательное местным мещанкам?

Антуан слушал. Игумен из Валь-Нотр-Дама иногда говорил ему нечто подобное и также упрекал его за заворническую жизнь, совсем не подходящую для молодого человека.

Корвизо продолжал:

– Нет, сударь, нет, честное слово Корвизо, я не останусь в этой дыре. Мы увидим. Говорят, что армия переходит Мёзу, и кампания будет суровой. Война, сударь, и любовь – лучшие друзья докторам. Я имею в виду не колотые раны от пик и не рваные раны от пуль – это дело хирурга и по сему меня не касается, но я говорю о следствиях походной усталости. Ничто не способствует так развитию вредных элементов в теле, не говоря уже об эпидемиях, которые часто от этого происходят и представляют из себя доход, которым не следует пренебрегать.

Корвизо расхохотался. Поднял нос и насторожился, как будто ждал, что ветер донесет звук пальбы или зловонную заразу, но не долетало ничего, кроме крика сорок, дерущихся на дереве. Мул махнул хвостом.

Корвизо взял из табакерки щепотку табаку.

Корвизо часто шутил, шуточки его были разнообразны, но по большей части низменны и циничны. В этом докторе было что-то от шута, что не мешало ему по временам говорить связно и рассудительно, даже до некоторой степени философически, но философия его сейчас же делалась тривиальной и грязной. Часто говаривал он, что в человеческом теле ничего нет хорошего, что это грязь, которую он стыдится даже описывать. Присовокуплял он также, что ум человеческий немногим лучше и что все вместе – жалкое соединение безобразия и подлости и нужно быть безумцем, чтобы придавать этому значение или гордиться этим. Все было бы превосходно, если бы он этим и ограничивался, но он всегда подкреплял эти рассуждения самыми отвратительными примерами и самым недостойным образом портил высказываемые истины. Если можно презирать человека за его существо, то все-таки нужно делать это с некоторым приличием и не слишком откровенно радоваться человеческим слабостям. Корвизо же они доставляли удовольствие. Он любил болезни не только за них самих, но и потому, что видел в них источник своей власти. Он утверждал, что самая незначительная боль делает из страдающего человека престранное создание и что в подобном состоянии люди, наиболее тонкие и

хитрые, могут поверить любым глупостям. На духе отзываются все изъяны тела, и он готов отдать что угодно за то, чтобы избавиться от них. Таким образом, по словам Корвизо, власть докторов неизмерима, и весь мир должен быть к их услугам вместо того положения, по которому они готовы к услугам всякого.

Тем не менее, неожиданные и острые колики, схватившие г-на де Поканси, заставили пригласить в Аспреваль эту странную личность. Корвизо с некоторых пор поселился в Виркуре. Он снимал маленький домик с садиком, выходящим на Мёзу. Часто можно было видеть, как он спускался к реке с колбами и ненадутыми пузырями, так как считал себя за ученого и немного химика и делал разные смеси. Его встречали и за городом, где он собирал в карманы растения и камни, а свежие травы нес в тулье своей шляпы. У него были необыкновенно длинные и грязные ногти, один ноготь сломанный; когда он щупал пульс у городских дам, ноготь этот всегда чувствительно впивался в их кожу. Тем не менее, он имел успех в Виркуре, хотя лекарства его были зверскими на вкус. Гримасы больных доставляли ему почти такое же удовольствие, как монета, получаемая им в плату за визит.

По приезде он выставил необходимые свидетельства, хотя он не был ни филиатором, ни лицензиатом парижского факультета и не защищал тезисов, не сда-

вал опытных работ, так же как и не получал докторской шапочки в Монпелье. Он проходил курс своего учения в Голландии, в Лондоне или Амстердаме. Он охотно говорил о городе с сотней каналов, воды которых, разделенные или соединенные, циркулируют, как кровь в человеческом теле. Хвалил жирные, мучнистые сыры, мочегонное пиво, толстобокие суда, что качают на волнах свои раздувшиеся, как в водянке, кормы. Он лечил там купцов, чиновников при бургомистре, городской гарнизон и моряков, привозивших странные и любопытные болезни, и похвалялся, что в этом отношении ему удавалось видеть лучшие примеры.

Болтливый, когда дело касалось других, Корвизо был очень скрытен относительно себя, и только по отрывочным признаниям можно было кое-что заключить. В молодости, очевидно, он совершал морские путешествия, вероятно, на каком-нибудь голландском судне в качестве доктора; но он так старательно пришивал к своим рассказам всякие несообразности и нелепости, отчасти из расчета, отчасти из шутовства, что в них трудно было отличить правду от выдумки. Можно было предположить, что он посетил Антильское море, если только вообще покидал материк, до такой степени все У него выходило неясно и путанно.

Рассказы эти снискали ему восторженное удивле-

ние со стороны Жюстена и Жерома де Поканси, которых зачаровывали повести о путешествиях и диковинных зверях, так как в бездельниках еще сохранился бродяжный дух их старого дяди Курландона и беглянки Аннеты. После сказок Корвизо карпы, которых Жюстен ловил в монастырском пруду, и дичь, что Жером стрелял около Аспреваля, казались им ничтожными. Им нужно было бы летающих рыб и птиц с человеческими головами. Корвизо, по его словам, видел таких на реке Боратунде и на горе Капподикюо.

Корвизо очень забавляла доверчивость этих мальчиков, и он пускался перед ними в рассказы, гордый, что ему поверят, так как был крайне тщеславен и не пропускал случая усилить и укрепить восторг по отношению к себе, которого он добивался. То обожание, что выказывали ему Жером и Жюстен, очень ему нравилось. Он им не пренебрегал и был за него благодарен. Однако это же обожание было причиной случая, возбуждвшего к ним глухую и долгую ненависть.

Однажды Жюстен, копаясь в монастырском пруду, вытащил оттуда деревянный ящик. В нем находилось женское платье и черная маска. Материя истлела от сырости. Молодцы стали придумывать, как бы использовать свою находку. Им и в голову не приходило, что это платье их матери, которое она носила в последний раз и которое г-н де Поканси когда-то ве-

лел утопить. Они вздумали из этих лоскутьев смастерить какое-нибудь животное, из тех, что им часто описывал Корвизо. А так как они были мастера на разные рукоделия, то им легко удалось при помощи ивовых каркасов устроить что-то вроде летучей мыши с растопыренными крыльями. Черная бархатная маска изображала траурную голову. В сумерках чучело производило довольно устрашающее впечатление. Они повесили его на ветку, так что от ветра оно колыхалось. Потом ушли, оставив его висеть.

Дерево же, на котором была повешена эта штука, находилось как раз на дороге из Виркура в Валь-Нотр-Дам, по которой Корвизо возвращался домой. Он шел потихоньку, луна только что взошла, как вдруг увидел перед собой это чудовище, которое, казалось, загораживало ему дорогу. Удивился ли он или напугался, но Корвизо упал ничком и долго бы так пролежал, если бы монастырский садовник, везший в Виркур корзину с фруктами для г-жи Даланзьер, не погрузил его на своего осла и не отвез в монастырь, где его привели в чувство.

Корвизо знал, что приключение это сделалось известным, и знал его виновников, так что дал себе слово не оставить им этого даром, но не подавал вида и продолжал забивать им голову дурацкими историями, с удовольствием видя, что они с каждым днем

делаются все опаснее и что с ними нет никакого сла-
ду. Антуан умолял его поговорить о них с г-ном де
Поканси, но старый Анаксидомен ушел от разговора,
принявшись снова за свои излюбленные анекдоты и
воспоминания. Корвизо эти рассказы доставляли удо-
вольствие и пользу, утверждая его в мысли, что чело-
век – жалкая кукла, надутая ветром и пылью, которой
женщины помыкают как хотят. Возможно ли поверить,
что он, Корвизо, потерпит неудачу там, где они име-
ют успех, когда к его услугам для принуждения людей
имеется рычаг более мощный, чем улыбки и ужимки, –
страх, питаемый людьми к телесным болезням, и пре-
имущество слыть за такого человека, во власти кото-
рого – облегчать страдания?

Корвизо был честолобив и видел в лице старого
Анаксидомена удобный случай проявить приписывае-
мое себе могущество. Не то, чтобы г-н Корвизо нахо-
дил в Аспревале, что-нибудь стоящее того, чтобы при-
лагать усилия к каким-либо предприятиям. Он расчи-
тывал, добиваясь власти, приобрести доверие, выиг-
рать ставку, если можно так выразиться. Действитель-
но, хороша пожива – дяденька, возраст и болезни ко-
торого предоставляли ему его в распоряжение: еще
сегодня Антуан приехал за ним для г-на де Поканси.
Что же касается Антуана, то к нему не стоило привя-
зываться, строить на нем какие-либо планы, не было

почти никакой надежды. Он не проявлял ни малейшего желания попытаться счастья в свете, и, когда Корвизо побуждал его сделать попытку завоевать себе положение, тот не слушал его и не высказывал никакой готовности отважиться на что-либо, что отступало бы от обычного хода его жизни, а образ жизни, который он вел, был таков, что не позволял надеяться, что в один прекрасный День в нем обнаружится что-нибудь, из чего можно было бы создать себе значительность в свете.

– Ну вот, сударь, – сказал, наконец, Корвизо, – вот мы и добрались без особенных приключений. Я всегда боюсь, чтобы мой мул Глоризета не угодил в капканы, которые ваши братцы расставляют повсюду, так что ни одна дорога небезопасна. Но благодарение Богу, мы добрались! А что до них, возьмет ли черт их или не возьмет, но в один прекрасный день они угодят на виселицу, несмотря на свое дворянство. А в таком случае вам не избежать многих затруднений, вам, сударь, и вашему семейству, чей здоровый и живой ствол представляете вы, а они – скрюченную и суковатую ветку.

Действительно, и сам Антуан шел с осторожностью, так как накануне он попал в силки, протянутые его братьями и чуть не сломал себе голову, шел, ничего не отвечая, и слышно было, как ветер шелестел в

плюще на большой башне. Он поднял глаза при звуке сухого голоса Корвизо.

– Ого! – сказал доктор, – этот мартовский ветер довольно резок, у меня совсем замерзли уши. Как бы отнесли вы к стаканчику вина? Я полагаю, что было бы недурно, перед тем как подняться к вашему батюшке, зайти в погребок, тем более что мне очень интересно посмотреть, не прибыл ли испанский мускат.

Погребок этот был чуланчиком, где г-н де Поканси собрал избранные вина. Время от времени старый Анаксидомен испытывал потребность согреть себя глотком вина. С возрастом теплота теряется. От вкуса нектара г-н де Поканси чувствовал, как легкое пламя пробежало у него по всему телу и ударяло в голову. Легкий румянец окрашивал ему щеки. Память просыпалась. Прошлое казалось ему озаренным усиленным сиянием, воспоминания делались более живыми и обостренными. Анаксидомен в нем возродился галантным и влюбленным.

Итак, он сам наблюдал за этим специальным запасом. Регулярно посещал его, вдыхая сырой подвальный и винный воздух. Никто туда не проникал кроме него и Корвизо, которому он доверил ключ от погреба, в чем этот маленький человечек видел одно из доказательств расположения к себе. Итак, он сошел со своего мула на землю двора с важным видом, высоко

подняв голову, и вошел в замок, не дожидаясь Антуана, который чистил о скобу грязные подошвы своих башмаков.

V

Антуан де Поканси был занят, вероятно, мечтанием о прелестях г-жи Даланзьер, когда в тот же день, около пяти часов, казачок, бывший у него на услугах, распахнул дверь в его комнату не постучавшись, как обычно, и вошел, в расстроенных чувствах, крича:

– Сударь, сударь, солдаты на дворе!

Казачок второпях заикался, запыхавшись от быстрого бега по лестнице. Антуан поспешил вслед за ним.

Из окна длинного коридора он действительно увидел десятка два всадников, окружавших полукругом большую карету с расписным кузовом, поддерживаемым ремнями из красной кожи; лошади только что сделали оборот, из экипажа в открытую дверцу выскочили Жером и Жюстен и быстро скрылись.

Зрелище было необычайное. Лошади стучали копытами. Испуганные вороны и голуби стаями летали в небе. Собаки лаяли. Одна из них, довольно паршивая, с оборванной цепью, скакала на грудь к лошадям и на сапоги верховым. Очевидно, несколько прикладов обратили ее в бегство, потому что, как только Антуан появился во дворе, она бросилась ему под ноги, и он чуть было не упал.

Ему понадобилось довольно много времени, чтобы выйти из столбняка, так что он вполне пришел в себя только тогда, когда провел г-на маршала в большую замковую галерею. Хотя г-н де Маниссар постарел и довольно сдал с того времени, как Антуан в детстве жил у него на острове Сан-Луи, он тотчас его узнал. Он знал от игумена Валь-Нотр-Дама о его военной карьере, и г-н маршал отлично помнил мальчугана, которого некогда приютил и о котором сестра его заботилась на своем чердачке. Антуан почувствовал на своей щеке щетину бритой бороды. Поцеловались. Потом Антуан услышал из уст маршала рассказ о разбитом стекле и о том, как, в конце концов, с одной стороны, боязнь вечерней свежести, с другой, желание снова увидеть друга привели г-на де Маниссара в Аспреваль.

Маршал, усевшись в кресло, протянул ноги к огню, снял парик и, держа его на кулаке, в результате чего обнаружился его череп с бритыми седыми волосами. Уже задавал себе вопрос, хорошо ли он сделал, поступив, сообразуясь со своим капризом и любопытством.

Помещение казалось ему несколько заброшенным. Огонь освещал красным светом разъехавшиеся плиты на полуголые стены, худое и воспаленное лицо г-на де Берлестанжа, который раздувал огонь своим

дыханием вместо продранных мехов. Г-н де Маниссар стал беспокоиться, не будет ли недостатка в удобствах в Аспревале, и немного утешился при мысли, что у него в сундуках находится все самое необходимое. От вида и запаха бульона, который ему принесли, он просветлел и мысленно похвалил себя за то, что не пустился в дорогу с разбитым окном, подвергая себя мёзским ветрам, которые в марте сохраняют еще зимнюю резкость и остроту.

– Нужно беречь свое здоровье, – думал он, – и целиком его сберечь для королевской службы; лучше умереть от пушечного выстрела, чем от порыва ветра.

Между тем, лакеи занялись устройством постели. Кровать была та же, на которой некогда г-н де Поканси нашел разложенным платье прекрасной Аннеты Курландон в вечер ее бегства из Аспреваля. Ее отнесли в нежилую комнату, рядом с большой галереей. Г-н маршал встал посмотреть, как стелют ему прекрасные простыни из фризского полотна. Он пощупал матрас и одеяло. Оно было из тончайшего китайского шелка. Г-жа Даланзьер уже давно на него зарилась. Она мало-помалу приучила Антуана заниматься домашними делами и потихоньку от старого Анаксидомена иногда приходила проверять, все ли в порядке в Аспревале. Маршал обрадовался при мысли хорошо поспать, так как любил тонкое белье.

– А, сударь, – сказал он фамильярно Антуану, – отец ваш не так изменился, как вам угодно было утверждать, узнаю его по этому белью. Никто больше, чем он, не любил хороших постелей. Ах, каким молодцом был он в постели! Я говорю это не для того, чтобы вас оскорбить, но вы уже в таком возрасте, что можете знать, что у вашего батюшки в свое время было много походов. Этой склонности вы обязаны рождением двух ваших братьев, с чем я вас не особенно поздравляю, хотя их мать была красивейшей женщиной на свете!

Антуан вспомнил, что два или три раза видел вторую жену г-на де Поканси; он поклонился в знак согласия.

– Черт возьми! – продолжал маршал, ударяя кулаком по подушке, причем рука его далеко вдавливалась в перья, – если бы я был с нею здесь, я бы непременно подарил вам третьего братца!

Г-н де Берлестанж смерил маршала укоризненным взглядом. Его вытянутое желтое лицо никогда не смеялось, оранжевые морщины бороздили шафранную наружность. Большой парик с локонами ниспадал ему на узкие плечи. Зеленоватый камзол подчеркивал худобу тела.

– Э, Берлестанж, об этом разговоре, по крайней мере, ты не будешь доносить жене, что входит в твои

обязанности? К тому же, в замке нет женщин, и той, о которой я говорю, здесь нет, так как я узнал, сударь, – прибавил он, обращаясь к Антуану, – из письма, которое вы послали моей сестре, каким образом Курландон отсюда убежала.

Антуан воспользовался случаем справиться о барышне де Маниссар. Он сделал это, краснея. В течение многих лет он продолжал писать ей, не получая никакого ответа. Тем не менее, он не переставал думать о ней с нежностью и с некоторой укоризной. Часто по вечерам, в своей одинокой комнате, он жалел о соседстве барышни де Маниссар, полоске света и звуке блох под ногтем, заменяемом иногда для него треском особенно какой-нибудь старой мебели. В начале своего пребывания в Аспревале он особенно чувствовал себя уединенным и печальным. Тогда, засыпая, он клал себе руку под щеку, чтобы вспомнить другую опору, более нежную и мягкую. Потом все это прекратилось. Прекрасный бюст г-жи Даланзьер заменил для Антуана воспоминание о теплой и далекой теперь груди барышни де Маниссар.

– Сестра все та же, – ответил маршал. – Все так же возится с картами, глобусами и травами. Ведь это она доставила маршальше г-на де Берлестанжа для ее сына, когда ему минуло семь лет; он превосходно воспитал его, и я удивляюсь, почему он не последо-

вал за своим учеником на суда, где тот теперь служит. Так нет! Г-н де Берлестанж предпочел увязаться за мною. Он предпочел Марса Нептуну! Это мой Аргус.

Берлестанж изобразил улыбку, от которой переместились его морщины.

– Однако я очень боюсь, Берлестанж, – снова начал маршал, – что ваш слух будет оскорблен, когда г-нде Поканси будет здесь. Анаксидомен – человек веселый, и если мы примемся, как бывает при встрече старых друзей, вспоминать нашу молодость, то держитесь! Но вы не будете и слушать, у вас сильно разыгрался аппетит, и я советую вам заняться его удовлетворением раньше, чем мы вступим в бой. А вам, сударь, не угодно ли будет доложить вашему батюшке о нашем приезде. Я горю нетерпением обнять его.

Антуан нашел своего отца в кровати. Ночная рубашка в цветочках была расстегнута на похудевшей шее. У изголовья горела восковая свеча. Шелковый халат висел на спинке кресла. Без парика у прекрасного Анаксидомена череп был голый и блестящий. Одеяло было покрыто связками пожелтевших писем. Старая перчатка корежилась, как плоская рука без костей. Некогда она, без сомнения, обтягивала чью-нибудь очаровательную надушенную ручку. Разрисованный веер полуоткрывал свое сломанное крыло. От этих старых вещей исходил печальный, нежный

запах. Когда входил Антуан, г-н де Поканси пытался удержать веер, который скользнул на пол. От движения старика из рукава выставилась тощая рука. И Антуан с грустью смотрел на эту постаревшую кожу, на лысый череп и эти любовные безделушки, разбросанные вокруг всего, что осталось у г-на де Поканси от прекрасного Анаксидомена.

Антуан сел у кровати. По мере того, как он говорил, г-н де Поканси выказывал все большее волнение. Он повторял вполголоса:

– Маниссар, Маниссар!

Вдруг глаза его заблестели, словно он глотнул вина из своего погребка, огненная влага которого зажигала у него на скулах временный румянец. Он сделал движение, чтобы соскочить с кровати, потом закрыл глаза и умолк. Антуан ждал ответа.

Ответ состоял в том, чтобы сын передал извинения г-ну маршалу, что он чувствует себя недостаточно крепким для того, чтобы перенести волнения такой встречи. Корвизо нашел у него неровный пульс. Г-н де Поканси поручил Антуану позаботиться, чтобы гостю были доставлены всевозможные удобства. Уже порядочное время Антуан как бы исполнял должность домоправителя. Г-жа Даланзьер руководила им в этих обязанностях. Благодаря ее наставлениям он умел организовать обед. Г-жа Даланзьер мечтала, что

Антуан перестроит Аспреваль, согласно требованиям моды, с парком для гулянья и зелеными павильонами. До этого было еще далеко, но если жилище и полуразвалилось, то стены его были достаточно крепки для того, чтобы г-н де Поканси совершенно не слышал, как приехал г-н маршал. Антуан оставил старика в его комнате, подав ему по его просьбе в кровать прибор для письма и очиненные перья.

Итак, Антуану предстояло одному возвратиться к маршалу и передать ему причину отсутствия и извинения г-на де Поканси. Он чувствовал некоторую неловкость, потому он все это изложил залпом, сославшись на болезненное состояние отца и некоторую ипохондрию, которая легко может развиваться от старости и одиночества.

Г-н де Маниссар выслушал его, слегка нахмурившись, так что Антуан, боясь досады с его стороны, к концу своей речи покраснел в смущении и опустил глаза. Подняв их, он с удивлением заметил, что у г-на де Маниссара вид спокойный и довольный.

– Что ж, сударь, – сказал маршал, – я не уверен, не мудро ли решил ваш батюшка. Во встречах, подобных нашей, мало веселого, так как слишком бросаются в глаза следы прожитых лет, о которых нам лучше не думать. Я предпочитаю представлять себе прекрасного Анаксидомена таким, каким он был в те времена,

когда и я был не такой, как теперь. А потому, сударь, идемте за стол и выпьем за здоровье г-на де Поканси. Мне было бы очень жаль, если бы мой визит ухудшил его состояние, ведь телесные недуги – худшее несчастье в жизни.

Стол был накрыт в галерее и по длине имел очень представительный вид. Серебро, вынутое из сундуков г-на маршала, пополнило посуду г-на Поканси, немного разрозненную. Действительно, последняя была самого различного происхождения. Китайские блюда стояли рядом с венецианским стеклом. От употребления многие вещи были потерты, и эмаль раскрашенных цветов потрескалась. Тем не менее, перед г-ном маршалом стоял хрустальный кубок такого вида, будто пьешь расплавленное золото. Приятный запах рыбы и дичи наполнял залу. Благодаря стараниям Жерома и Жюстена рыбное и дичь не переводились в кладовой замка. Оба молодца явились потихоньку к трапезе. Вместе с г-ном Берлестанжем и г-ном Корвилем они составляли сотрапезников. Другой свиты у маршала не было. Он путешествовал таким образом, чтобы не привлекать внимания, надеясь незаметно присоединиться к войсковой части, растянутой по тому берегу Мёзы, цель которой была не дать неприятелю возможности угадать настоящую ее численность.

С рассуждения об этом обстоятельстве и завязался разговор, г-н де Берлестанж изредка вступал в него, отвечая на колкости, направленные против него г-ном маршалом. Жером и Жюстен жадно ели, ничего не говоря. Г-н де Корвиль оставался молчаливым.

На вид г-ну де Корвилю было не более сорока лет, несмотря на загрубевшее и обветренное лицо и грузную тяжелую фигуру. Глаза на смуглом лице были у него бледно-голубые. Г-н де Корвиль был рассеян, и причиной вечной его рассеянности стала странная его судьба. Родившись среди полей отцовской усадьбы близ Босэра, он пристрастился к овощам и фруктам. Для него ничего не казалось лучшим, чем салат или груша, если не огород или фруктовый сад. Жатва и сбор плодов имели для него равную прелесть, и он испытывал волшебное удовольствие видеть, как зреет колос или набухают древесные почки. Он никогда не захотел бы другого занятия, как всю жизнь наблюдать за чередованием времен года и их попеременным возвращением. Он был упрям и простодушен, как все люди, любящие землю и довольствующиеся тем, что она представляет их взорам естественного и определенного. Г-н де Корвиль был человеком деревенским. Сильная отцовская воля принудила его к военной службе. Ему пришлось покинуть знакомый горизонт полей и сельских работ, надеть шпоры и опо-

ясаться мечом. Исполнил это он из повиновения, продолжал по привычке. Участи своей он покорился, но, случалось, во время похода замечали, что он останавливался сорвать цветок. В битве при Эрмелингене он пошел в бой во главе своего эскадрона, держа во рту былинку. Это не мешало ему быть хорошим солдатом и испытанным офицером, хотя он и вздыхал о временах, когда снова вернется в свое поместье, где вместо смертоносных ядер, что разрываются под ногами, по земле будут стлаться круглые тыквы.

– Ну, как же, г-н де Корвиль, не лучше ли нам здесь, чем в открытом поле? – закричал ему г-н де Маниссар. – Разгуляется ли только погода к нашему отъезду.

Г-н де Корвиль великолепно знал приметы близкого дождя, ветра и ясной погоды. Способность эта очень много значит в сельском хозяйстве, и он обладал ею. Ему был известен полный состав признаков и примет, которые редко его обманывали; материалом для этого служили ему и форма облаков, и качество воздуха, и полет птиц, и ползанье улиток.

– Там видно будет, г-н маршал, – ответил г-н де Корвиль нараспев, с провинциальным произношением, – вечер не так плох, но месяц уж слишком неверный. Всего можно ждать – и хорошего, и дурного. Скорей дурного, чем хорошего.

Несколько минут г-н маршал казался обеспокоен-

ным и серьезным и хотя говорил громко, видимо чувствовал, что ему не по себе. Под столом он ощупывал себе живот. Он был у него слабым и чувствительным к переменам погоды, так что маршал заботился сохранять его в хорошем состоянии, чтобы иметь возможность сверх меры обременять его кушаньями и лакомствами. Вот почему он был внимателен к малейшей рези. Вероятно, беспокойство его прекратилось, так как он очистил содержимое своей тарелки, но с последним куском откинулся в кресле, и лицо его исказилось болезненной гримасой.

Весь стол замолчал, наблюдая за ним. Антуан зашептался. На полное лицо г-на де Маниссара снова вернулась улыбка, он расстегнул свой жилет и почувствовал себя лучше.

– Ничего, господа, это только предупреждение. Но нет ли поблизости врача? Я очень люблю спрашивать у них совета при подобных тревогах...

Антуан упомянул о г-не Корвизо из Виркура и предложил послать за ним.

– Отлично, сударь, – отвечал г-н маршал, – принимаю ваше предложение. Не следует никем пренебрегать, и встречные люди могут дать хорошие советы. Действительно, те, что постоянно за нами ходят, с течением времени до того привыкают к нам, что, в конце концов, уже не обращают никакого внимания, меж тем

как для людей свежих вид нашего тела совершенно нов, и им ясно малейшее расстройство организма, за которым нужно следить, чтобы обеспечить действие и сохранность нашей машины. Я видал много докторов, сударь, и из соединения тех крупиц знаний, что в них есть, я мог составить себе понятие, что следует делать, чтобы быть здоровым.

Антуан обещал, что завтра, до отъезда, г-на маршала посетит г-н Корвизо.

После ужина г-н маршал не хотел, чтобы все разошлись, не выпив за здоровье г-на де Поканси. Когда он поднимал стакан, казачок Антуана вошел с письмом. Адресовано оно было г-ну де Маниссару. Словом печать, он протянул письмо Антуану.

– Ха, ха! – вскричал г-н маршал, от души смеясь. – Вот занятный способ действовать, в котором я узнаю моего Анаксидомена. Ну, господа, давайте вслух прочтем его послание.

Антуан развернул бумагу, г-н де Корвиль по-деревенски облокотился на стол, г-н де Берлестанж скрестил свои длинные ноги. Жером и Жюстен уже скрылись. Г-н маршал откинулся на спинку кресла, сложив руки на животе, и Антуан приступил к чтению.

«Вы не удивились бы, сударь, что я мог манкировать обязанностью, которая во всякое другое время была бы для меня удовольствием, если бы знали

причину, задержавшую меня сегодня вечером у себя, вместо того чтобы воспользоваться честью находиться в вашем обществе. Я держу пари, что вы не только извинили бы меня, но были бы счастливы на моем месте испытывать угрызения совести по отношению к вам самим.

Дело в том, что сегодня вечером я жду посещения одной дамы, имя которой напомнило бы вам галантную манеру обращения, примененную к нам вами однажды в вашем рюйельском доме. Особа эта, память о которой, конечно, не утрачена вами, будучи связана с началом нашей дружбы, соблаговолила пожаловать развлечь меня в одиночестве, и хотя она уже теперь не соответствует господствующей моде, но тем не менее мила моим воспоминаниям. Прелести ее производят то же очарование. Как видите, сударь, хотя я и живу уединенно, я не покинут и пользуюсь изысканным обществом. Снабжает им меня прошлое, самые приятные фигуры которого меня окружают и возвращаются ко мне не в виде туманных и пустых теней, но в подлинном своем возрасте, подобные тем, кто в свое время составлял отрады моего сердца и моих взоров. Так что комната моя полна томных и нежных вздохов. Тут болтовня и смех. Так жизнь моя остановилась на том, что некогда было в ней прелестнейшего. Я держусь за это и без конца возобновляю власт-

ные и нежные воспоминания.

Итак, я плохо осведомлен о ходе теперешних событий. Знаю только, господин маршал, что вы занимаете в них место, достойное ваших заслуг. Свет признал их существенность: не позволите ли вы мне обратиться к вам за помощью.

У меня есть сын, сударь, которого я не хотел бы дольше держать вдали от всего. Мне бы желательно было, чтобы он узнал свет и людей, чтобы и ему, в свою очередь, было о чем вспомнить. Он не глуп, но рискует поглупеть. Нужно, чтобы он посмотрел на свет божий. При вас он будет в состоянии послужить королю. Могу ли я просить вас взять на себя заботу об этом? Надеюсь, что послушанием своим и предупредительностью он облегчит вам эту задачу. Вот просьба, с которой я обращаюсь к вашей дружбе.

Что касается младших моих сыновей, я был бы вам премного благодарен, если бы вы согласились и их увезти с собою. В войске нужны люди для того, чтобы их убивали, и они как раз пригодны для такого назначения...»

Г-н маршал много смеялся над посланием. Окончив, он встал и положив руку на плечо Антуану, направился к своим покоям. Г-н де Берлестанж светил ему, и г-н де Маниссар сказал Антуану на прощание, что он будет счастлив иметь его при себе и доставить ему

случай отличиться.

Антуан благодарил его раскрасневшись. От мысли покинуть Аспреваль и отправиться в поход у него шумело в голове. Голос г-на маршала вернул его к действительности.

– Ну, сударь, пора ложиться, поздно. Берлестанж, ты можешь спать спокойно, не боясь за мою добродетель; не думаю, чтобы тени, скрашивающие досуг г-на де Поканси, вздумали удостоить меня посещением. К тому же, я не очень лаком на такую добычу, я люблю все натуральное, и любая горничная больше для меня подходит, чем самый любовный призрак. Анаксидомен волен удовлетворяться по своему вкусу. Все это доказывает, как мало мы значим, и что возраст и обстоятельства могут пошатнуть и самый крепкий ум. Прощайте, господа.

И г-н маршал, взяв ночник от Берлестанжа, повернулся к нему спиной, вышитой по швам толстого синего бархата золотым плетеным позументом.

Антуан вышел вместе с г-ном де Корвилем посмотреть, все ли в порядке. Большой костер освещал замковый двор. Два кавалериста стояли на карауле. Остальные храпели на соломе. Через открытые двери конюшни слышно было, как фыркают лошади. Прошел слуга с фонарем; Антуан спросил, послали ли экипаж г-на маршала в Виркур для починки. Г-н де

Корвиль оканчивал свой обход. Остановившись, он послюнил свой палец и поднял его в воздух. Антуан наблюдал за ним. Наконец, г-н де Корвиль поднял руку и произнес:

– Все-таки вечер неплох, сударь, и полагаю, что завтра будет хорошая погода.

Потом, помолчав, прибавил будто про себя:

– Хорошее время для земли. Все скоро начнут в полях работать – пахать для ярового, боронить. Нужно будет уничтожать кротовые норы и подрезать лозу. Можно будет переносить ульи. Время рассаживать розовые кусты.

Он посвистел сквозь зубы.

– Да, сударь, люблю я землю и все, что на ней произрастает, а между тем, скоро нам придется идти напрямик по полям, рискуя все попортить. Правда, сударь, мне всегда жалко, когда нога моей лошади давит то, что растет у нее под копытом. Что делать! Война всегда война, и я утешаю себя мыслью, что кровь удобрит борозду и что трава произрастает лучше там, где происходили битвы. Вечер не плох!

И г-н де Корвиль поднял мокрый палец, причем рука казалась черной на красном огне.

VI

В тот вечер много людей окружало карету г-на маршала де Маниссара. Лошади сильно стучали копытами по острой мостовой Виркура, когда увезли ее пустою, а по бокам ехали двое лакеев верхами. Люди сторонились, потом оборачивались на нее. Они могли видеть, что остановилась она перед вывеской Лобине, продававшего обывателям стекла для рам, а также зеркала дамам, чтобы смотреться в них. Известие о событии передавалось из уст в уста и так распространилось, что к ужину не оставалось ни одного семейного стола, где бы этот приезд не обсуждался. Самые любопытные решили пойти на площадь удостовериться собственными глазами, хотя уже наступила темнота и дул резкий ветер. Некоторые, не доверяя висевшим на цепях или на палках уличным фонарям, которые должны освещать улицы, брали с собою свои. Они наводили их свет на кузов с гербами. Восхищенно удивлялись фасону и украшениям. Двое-трое самых отчаянных, поднявшись на маленькую лесенку, ухитрились заглянуть внутрь. Там все было обито атласом. Известие это расходилось по группам. Толкались. Раздавался смех женщин, которых ущипнули. Говорили, что лошади стоят в «Синем щите», прибав-

ляли, что у них длинные хвосты и заплетенные гривы, что доказывало знатность их хозяина.

В эту минуту через тесноту протискался какой-то толстый человек. Четыре подбородка высились один над другим. Одет он был в красный костюм, расшитый галунами, так что ему дали дорогу. Он взял фонарь и направил свет на дверцы.

– Черт побери, – проворчал, отдуваясь, г-н Даланзьер, – это безусловно герб маршала Маниссара.

Посреди блестящего лака красовался красный крест на золотом поле. Позади щита два голубых жезла с лилиями располагались крест-накрест.

– Так что, г-н комиссар... – робко спросил г-н Жинорье, – это значит...

– Это значит, Жинорье, – ответил г-н Даланзьер, отдавая портному с Гусиной улицы взятый у него фонарь, – это значит... Но вы хотите, чтобы я проговорился, Жинорье.

И г-н Даланзьер скрестил руки, надвинул шляпу на глаза, как человек, который много кое-чего знает, и, обратившись к окружавшим его людям, сказал:

– Это собственный экипаж маршала де Маниссара. Фамилия маршала повторилась по группам, сопровождаемая различными воспоминаниями.

– Значит, война тут будет происходить!

– Да нет же. Воюют во Фландрии.

– Как-никак, ничего хорошего в этом нет, мадмуазель Дениза. Очень может быть, что имперцы невдалеке.

Мадмуазель Дениза, толстененькая и розовая, казалась, совсем не боялась их прихода. Конечно, она думала, что приятная ее наружность не заставит ее терпеть, чего-нибудь другого, кроме того, на что она наталкивает, и при этой мысли мурашки пробежали у нее по спине и меж плеч. Она представляла себе, как перед ней теснятся грубые лица со шрамами, пахнущие вином и порохом, говорящие на непонятном ей языке. Для храбрости она прибавила со смехом, потому что, когда она смеялась, у нее на щеках появлялись две неровные движущиеся ямочки:

– Полно, мадмуазель Винет! Они не перейдут Мёзы. Мадмуазель Винет покачала головой. Мёза отнюдь ее не успокаивала. Девушка была тощей и сухой. Носился слух, что она богата. У нее было подтянутое лицо, одно из тех, будто человек все время вспоминает, где его деньги. Мадмуазель Винет имела причины опасаться, что у солдатья она не возбудит других планов, как подпалить ей пятки, чтобы она показала, где спрятаны у нее деньги.

– Подождите, красавица, – кисло отвечала мадмуазель Винет, – вы еще испытаете, в чем дело.

Г-н Даланзьер ораторствовал, окруженный фона-

рями. Они освещали его красный костюм с блестящими галунами. Он восхвалял воинские подвиги маршала де Маниссара, как во главе своей кавалерии, в битве при Эрмелингене, он врезался в левое вражеское крыло и решил этим исход дня, как при Боргестрикте он выдержал натиск соединенных войск и этим дал время маршалу де Вораю обойти их с тыла и обратить в бегство. Два эти подвига доставили ему жезл. Итак, по словам г-на Даланзьера, присутствие здесь г-на де Маниссара предвещало большие события. К тому же, все было подготовлено для кампании. В складах продовольствия было в изобилии, и комиссар заявлял, что он в состоянии поставлять по десяти унций хлеба на солдата в день и мяса три раза в неделю. Все ему верили, тем более что он сам в своем багровом костюме похож был на мясную тушу на крюке у мясника.

Г-н Даланзьер потер свои широкие руки или чтобы выразить свою готовность, или чтобы размять их от холода. Действительно, дул ледяной ветер, заставивший, вместе с успокоительными речами г-на Даланзьера, разойтись любопытных. Площадь опустела; фонари бежали низко над землею, в одиночку и по двое; скоро освещенной осталась только лавка зеркального мастера, вырезавшего из стекла кусок, чтобы поправить изъян в карете г-на маршала.

На подушках этой кареты г-н Корвизо расселся с

раннего утра, чтобы ехать в Аспреваль, куда пригласил его Антуан посетить г-на де Маниссара, присовокупив, что он может воспользоваться его экипажем. При всяком другом случае Корвизо лопался бы от гордости, видя себя, и особенно будучи видим другими, в подобном экипаже, но теперь он слишком был занят обдумыванием, как себя вести в столь новом для себя положении.

Он впервые входил в сношения с такою значительною личностью, как г-н де Маниссар, потому что на г-на де Поканси он смотрел, как на простого чудака, а на Антуана, как на глупца. Кроме них он лечил только добрейших обывателей Виркура или горожан Амстердама и Гарлема, а чаще всего на кораблях разных бедняков, от которых пахло рассолом и сажей. На этот раз положение изменилось, и он уже строил свою судьбу на этой нечаянной встрече.

Он мечтал остановить путешествие маршала, задержав его в Аспревале, или даже последовать за ним в армию, так как могло случиться, что г-н де Маниссар захочет постоянно пользоваться услугами такого человека, как Корвизо. Что касается болезни, послужившей поводом к этому неожиданному приглашению, то Корвизо колебался насчет выбора – желать ли ему, чтобы то была сыпная лихорадка, или злокачественная, или гнойная, или же какое-нибудь

из внутренних заболеваний, трудно определимых для медицинской науки, испытывающих терпение больно-го и отдающих его в полное подчинение человеку, который сможет облегчить страдания. Редкие случаи, когда болезнь проявляется с силой и натиском, также казались Корвизо достаточно желательными. В преодолении их есть заслуга, почти боевая. И Корвизо представлял себе на разные манеры г-на маршала в его руках кричащим в бреду, покрытым горячечным потом, затем спасенным и благословляющим своего спасителя; в лекарствах своих он не сомневался, несколько не смущаясь недостаточной своею опытностью и неполнотою знаний.

Г-н Корвизо приходил в возбужденное состояние от собственных своих мечтаний. У него пересохло в горле и шумело в ушах. Густые брови его то подымались, то хмурились, и он теребил воротник лихорадочною рукою, на которой острился черный сломанный ноготь.

Вид маршала сбил его с толку – на этом полном и румянном лице были все признаки неоспоримого здоровья. Успокоило Корвизо простодушие, разлитое по этим чертам. Так как, по его мнению, нетрудно было запугать маршала, наврав ему с три короба, он приосанился, засучив грязные рукава, и приступил к осмотру.

Мало-помалу Корвизо делался все более мрачным, и, глядя на него, мрачнел и маршал. Что-то найдет в нем этот маленький, скрюченный и молчаливый человек, который, ничего не говоря, ощупывал его с мрачным и нахмуренным видом. Привыкнув к докторской болтовне, г-н де Маниссар преисполнился уважением к этому немому исследователю. Он был готов признать его за самого Гиппократата, и если бы Корвизо выдержал до конца роль молчальника, возможно, г-н маршал поддался бы на эту удочку. Но Корвизо гордился своим красноречием, обеспокоенное и удрученное выражение г-на де Маниссара заставило его подумать, что он имеет дело с какой-нибудь недалекой знаменитостью, на чей ум производят впечатлительные слова, и он заговорил.

Содержание его слов, где в ужасающей смеси встречались латинский и греческий языки и зазыванья шарлатанов, сводилось к тому, что он предупреждал г-на маршала не слишком полагаться на видимость здоровья; что природа – предательница и что мы ближе всего находимся к болезни именно в ту минуту, когда считаем себя от нее весьма далекими. Корвизо был неистощим. Он продолжал дальше. От зоба приподымалось жабо. Он размахивал длинными руками. Г-н де Маниссар смотрел на него лукаво, подмигивая Берлестанжу. Несомненно, виркурский доктор был та-

кой же, как и доктора из Фаи, и смешон несколько не менее их. Корвизо не останавливался.

– Пойдите, сударь, пойдите! – вскричал маршал, – я вижу, что положение мое неважно. Но у вас, конечно, не хватило бы духа сообщить мне об этом, если бы у вас не было наготове какого-нибудь лекарства мне предложить.

Средство Корвизо отличалось простотою.

Задача состояла в том, чтобы вывести г-на маршала из досадного состояния его здоровья, до которого довело его именно само превосходство его организма. Для этого нужно было воспользоваться счастливым случаем предоставившим его в руки искусного человека, чтобы тот старательно избрал род болезни, наиболее способной освободить столь крепкое тело от избытка силы и хорошего самочувствия, которые в свое время не преминут оказаться пагубными. Прежде всего, было важно искусственно вызвать неизбежный кризис, чтобы затем определить его характер и сделать выбор для человека, столь опасно здорового, лучшего и наиболее целесообразного способа заболеть. Нужно было нарочно ускорить то, что не преминуло бы само последовать под действием природы, которая, будучи предоставлена сама себе, часто бывает неловка, между тем как он, Корвизо, берет по всем правилам провести незначительное за-

болевание г-на маршала, которое будет иметь то преимущество, что предохранит его от большего и искоренит в нем самонадеянность и дерзость тела, о присутствии которых свидетельствовала полнота его фигуры и цвет его лица. По словам Корвизо, настала пора сломить эту гордыню, и если за это не примется наука, то этим займется природа по своему усмотрению, капризу и в свой час. Корвизо присовокупил, что для применения этих мер предосторожности не найдется места лучшего, чем Аспреваль, и что он, Корвизо, берется в десять-двенадцать дней последовательного лечения поставить г-на маршала в приличное состояние здоровья и что лучше платить свой долг в рассрочку, чем ликвидировать его единовременным взносом.

Г-н маршал, не шевелясь, выслушал речь Корвизо. – Без сомнения, сударь, – отвечал он очень вежливо – я чувствую справедливость ваших слов и очень желал бы последовать вашему совету, но время не терпит, и меня призывает к себе королевская служба. Лучше мне подвергнуть себя опасностям войны. Быть может, они исполнят ту задачу, которой вы занялись бы с большой старательностью, и избавят вас от труда, который я не хочу налагать на вас. Тем не менее, сударь, перед отъездом я охотно воспользовался бы вашим любезным предложением. Сейчас, пока

я вас слушал, я почувствовал, что меня что-то тревожит в левой части живота, нужно бы сделать небольшое промывание, Я знаю, что это занятие аптекаря, но и мне доводилось, будучи маршалом Франции, исполнять обязанности простого солдата, так что я полагаю, вы не откажетесь последовать моему примеру.

Корвизо принужден был согласиться.

Из сундуков извлекли футляр тисненой кожи. В нем находилась серебряная клистирная трубка, украшенная маршальскими гербами и сделанная по мерке. Г-н де Маниссар не путешествовал без нее. Хотя она была наполнена только теплой водой, она обожгла руки г-на Корвизо, так он был взбешен грубым пренебрежением по отношению к себе. Виною в этом чувстве были голландские памфлеты. Из постоянного чтения их он почерпнул ложные представления о великих мира сего. Памфлетисты обычно изображают наиболее значительных лиц в государстве неспособными исполнять должности, которые они занимают. Стоит какой-нибудь личности выдвинуться каким-нибудь важным назначением, как они начнут унижать этого человека, утверждая, что он лишен способностей. Они не могут допустить, что фортуна не всегда ошибается и что пристрастия ее справедливы. По их мнению, всякий возвышающийся человек обязан возвышением своему ничтожеству, а человек не отличившийся

должен винить в этом неудачно для него сложившиеся обстоятельства. В вопросе о распределении почестей все должно быть переделано, и они этим занимаются. Не следует слишком верить голландским газетам.

Г-н маршал покинул общество только для того, чтобы дойти до экипажа. Г-н де Корвиль был уже в седле. Верховые выстроились шпалерами. Перед тем как садиться в карету, г-н де Маниссар поцеловался с Антуаном и обещал его известить, куда будет нужно ему с братьями поехать, чтобы присоединиться к войскам. Корвизо, подкравшись, насторожил уши, услышав, что Антуан, Жером и Жюстен скоро покинут Аспреваль. Отъезду близнецов он обрадовался и приятно изумился отъезду Антуана, тем более что это благоприятствовало некоторым его планам. Кучер тронул, ремни, поддерживающие кузов, скрипнули, колеса задели за камень у секретных выходов ко рву.

Антуан и Корвизо выбежали на канаву. Они увидели, как карета выехала на Виркурскую дорогу. Конвой следовал за нею. Внизу блестела на солнце Мёза. Городские колокольни поднимали над крышами свои сверкающие острия. Погода стояла ясная, г-н де Корвиль оказался прав.

Корвизо, сняв шляпу, насмешливо раскланялся, потом обернулся к Антуану.

– Вот, сударь, бедняга, который недалеко уедет. Дар красноречия к нему вернулся, и он рассказал Антуану, как трудно было ему разглагольствовать перед маршалом, чтобы скрыть от него истину. По мнению доктора, это был конченный человек, хотя некоторое время он и может еще прожить.

– Как раз достаточное время для того, чтобы помочь вам, сударь, поставить ногу в стремя. Ведь вы теперь состоите на королевской службе, с чем я вас и поздравляю. Не найдется человека более к ней способного, нежели вы, и я знаю личность, которая не преминет принять самое близкое участие в новом вашем положении, ибо она настолько к вам привязана, что не сможет не блюсти ваших интересов даже в ущерб собственным.

Корвизо касался одного из затруднительных пунктов для Антуана, не знавшего, как отнесется г-жа Даланзьер к известию о его отъезде. Ему не терпелось выяснить это, потому он отправился в Виркур бок о бок с Корвизо. Прямой дорогой идти туда было час с небольшим. Они расстались на площади Пон-де-Ньер, поблизости от дома г-жи Даланзьер, в который Антуан и постучался, между тем как Корвизо направился домой.

Антуан воспользовался тем, что у его возлюбленной были гости, и сейчас же объявил о своем реше-

нии. Со всех сторон раздались похвалы. К ним присоединилась и г-жа Даланзьер. Когда все ушли, Антуан и г-жа Даланзьер прошли в кабинет.

В глубине души Антуан ожидал упреков, криков и слез. Он был несколько разочарован, встретив вместо этого со стороны своей возлюбленной нежное сочувствие и искреннее довольство. Ему не приходилось испытывать по отношению к ней никакого неистового чувства, что составляет удел любовников и обычный признак любви. Между ними никогда не происходило ни ссор, ни размолвок никакого рода, так что Антуан иногда задавал себе вопрос, любим ли он на самом деле. Г-жа Даланзьер сошлась с ним без ужимок и теперь расставалась с ним без огорчения.

Тем не менее, они сочувственно смотрели друг на друга и оба одновременно почувствовали некоторое сожаление при мысли, как мало дней осталось им видеться. Они обещали друг другу найти все необходимые возможности воспользоваться этой отсрочкой, меж тем как над их головами раздавались тяжелые шаги Даланзьера, который завтра должен был отправляться в армию и таким образом предоставлял любовникам по их усмотрению проводить время в его отсутствие.

VII

С этой минуты Антуан начал заботиться о своем снаряжении и снаряжении братьев. Он охотно посоветовался бы насчет этого с г-ном Даланзьером, привычным к военной жизни, но комиссар был уже далеко. Итак, он решил прибегнуть к игумену Валь-Нотр-Дама, который в юности своей носил оружие. Игумен отложил трубку с табаком, взял большой ключ и, доведя Антуана до какой-то двери, открыл ее. Комната была наполнена всевозможными костюмами и вооружением. На стенах помещались казакины из буйволово́й кожи, заскорузлые от пропитавшего их пота, короткие кольчуги, широкополые фетровые шляпы с султанами, мушкеты, пищали и даже двое лат, одни из которых, почти полные, с ножными приборами, сделанными чешуйчато. Все это пришло в ветхость, покрылось ржавчиной и пылью.

– Вот это было на мне в сражении при Ворли, сударь, – сказал игумен, – славный был денек! Но люди изменились, и, надень вы всю эту амуницию, странный у вас получился бы вид: я слышал, что теперь и кирасу-то застегивают только тогда, когда спускаются в окопы, место, как вы сами увидите, самое опасное и подверженное обстрелу.

Из слов игумена Антуан понял только то, что тот мог быть в свое время бравым мушкетером, но что ему придется руководствоваться собственным природным здравым смыслом. На г-на де Поканси нечего было надеяться. Старый Анаксидомен объявил Антуану, что он в этом деле ничего не смыслит; если бы речь шла о балете или маскараде, можно было бы спрашивать совета, но военные обычаи всегда были ему чужды.

Так что Антуан по собственному усмотрению раздобыл для себя и братьев крепкие шпаги и длинные пистолеты. Он приобрел трех здоровых лошадок со стриженными ушами, карету и телегу с кожаным верхом для багажа. Он вызвал к себе г-на Жинорье, портного с гусиной улицы, чтобы он сделал братьям приличные костюмы, и заставил их надевать парики. Жером и Жюстен согласились на это. Отъезд их занимал. Корвизо расписывал им выгоды, сопряженные с ним, и болтал им всякий вздор. Приготовления продолжались неделю.

Антуан ежедневно ездил на своей лошадке, приучал ее делать круги и обороты. Г-жа Даланзьер приходила любоваться, как он сидит в седле. Она с похвалой отзывалась о его посадке. Антуан приосанивался. Новая участь казалась ему прекраснейшей в мире, а время, проведенное в Аспревале, самым по-

средственным прозябанием по сравнению с тем, что с ним не преминет произойти. Он питал честолюбивые мысли и уже видел себя великим военным деятелем. Как не соответствовало этим мечтаниям о славе однообразное существование, которое он вел до сих пор! Едва-едва он чувствовал некоторое сожаление от того, что подкидал родные места для неведомых горизонтов.

Он раздумывал обо всем этом как-то днем, в четверг. День был таким мягким и приятным, что Антуан пошел посидеть на свое любимое место. Это был лужок на косогоре в нескольких шагах от замка. Там росла высокая трава и открывался прекрасный вид на окрестности, поля, холмы и леса. Повернувшись спиной к Мёзе, Антуан видел несколько вправо Аспреваль, а прямо перед собой монастырские пруды с прибрежными рощами. Большая дорога в Фуаньи проходит неподалеку и соединяется с дорогой Саблоньер, что идет вдоль Мёзы по направлению к Виркуру. Воздух был легкий и прозрачный. Трава качалась. Беглая тень птиц скользила по лугу.

Вдруг Антуан, прикрыв глаза рукою от солнца, стал пристально вглядываться.

Большая телега, запряженная тройкой лошадей, выезжала на Саблоньерскую дорогу, как раз в том месте, где она выходит из Ларпенского леса. За ней

следовала вторая, четвертая, потом кучка пеших людей, из которых последний нес на палке котелок. Шествие продолжалось. Антуан различал все подробности. Запряженные животные тянули. Показалась группа оседланных мулов и лошадей. Доносилось скрипение осей и щелканье бичей.

Количество телег все увеличивалось и грузно спускалось к Виркуру.

Антуан, стоя, повернулся к дороге в Фуаньи. Она до самого горизонта покрыта была движущейся массой. На солнце из пыли вспыхивали короткие молнии. Мало-помалу Антуан понял – то была королевская кавалерия. Уменьшенные расстоянием размеры не уменьшали величия зрелища. Крошечные всадники двигались на маленьких лошадках. Приятно было смотреть, как они увеличивались; приближаясь, эскадроны и полки образовывали разноцветные, разнообразно различию формы, пятна. Они уже были почти в человеческий рост, так как передовые линии касались монастырского пруда.

В эту минуту из общей войсковой массы выделился отряд и выдвинулся вперед. Отдельно видимые ноги лошадей двигались рысью. Стук их копыт звучал глухо. Антуан слушал, как звонко и равномерно он приближался, ударяясь по сухому грунту дороги, как раз срезавшей линию горизонта в лугах, где он находил-

ся.

Они галопом проследовали мимо него.

Их было, по меньшей мере, сотни две; одеты они были в серые мундиры с синими обшлагами и ехали на темных лошадях. На головах были шляпы с тремя желобками. От ветра, производимого быстрой ездой, шевелились парики и завитые перья. Крепко сидя на суконных пополах, они сжимали бока лошадей высокими сапогами. Антуан следил за ними взглядом; они доехали до перекрестка, где сходятся дороги из Фуаньи и Саблоньера, оставили там пикет для прикрытия повозок, которые начали прибывать, и исчезли за деревьями по направлению к Виркуру.

Тогда Антуан поднял свою шляпу и вернулся в Аспреваль, меж тем как вся окрестность, доселе пустынная, была наполнена королевскими солдатами. Он видел себя уже в их рядах. Сердце у него билось новой жизнью. В Виркуре звонили колокола. Благовест по воздуху несся звучный, веселый и воинственный.

Переход войск у Виркура продолжался пять дней, переправлялись частью через каменный мост, частью на барке, которую соорудил понтонный батальон через Мёзу для ускорения операции и которую использовали всевозможные экипажи, так как в армии находится их большое количество, причем самых разнообразных: не только тележки штаб-офицеров и подво-

ды с бесконечным офицерским багажом, но госпиталь и аптека, не считая провиантских обозов с мясом, мукою и овсом для кавалерии.

Она прошла первою. Вид кавалерии возбудил восторженное удивление жителей Виркура. Никогда еще королевские войска не казались такими красивыми. Командующий полковник как раз находился среди них, ставка его всегда разбивается по правую руку, и белый штандарт его отдает честь только королю и принцам. Командный состав – на серых лошадях, меж тем как в эскадронах лошади вороной масти. За ним следуют другие начальники, все в полной парадной форме. Один за другим проследовали они по каменному мосту, перила которого были покрыты народом, приветствовавшим каждого по очереди. Зрелище было великолепным. Все офицеры в парадной форме; у многих были усы. Один за другим прошли жандармы и легкая кавалерия. Копыта выбивали искры из мостовой. Несколько лошадей встали на дыбы, пронзительно крикнули женщины и дети, приходившие в восторг от звуков военной трубы и барабанов, особенно, если барабанщиками оказывались негры, у которых кроме пестрой формы были еще тюрбаны и султаны. Нужно было видеть, как блестели их зубы при улыбке и как барабанили они черными руками по натянутой коже украшенных гербами барабанов. К это-

му концерту присоединялись драгунские барабаны, прорезываемые звуками гобоев. За ними драли уши маленькие флейты пехоты. Воздух звенел от их пронзительной остроты. Первыми шли роты французских гвардейцев. Серо-белые их кафтаны были по всем швам расшиты серебряным галуном. На плечах торщились банты из лент. Офицеры выделялись пунцовыми мундирами, тоже расшитыми серебром. Высокие раззолоченные воротники подпирали их подбородки. У них были шпаги и пики.

В каждой роте других полков находились копейщики, мушкетеры и гренадеры. Мушкетеры были в сером, голубом или белом, на портупях висели у них пороховницы с зарядным порохом. Гренадеры в голубых мундирах с красными отворотами были снабжены охотничьими сумками с ручными гранатами и топориком. Виркур был наполнен непрерывным гулом, тем более что подобная толкотня не обходится без беспорядков, несмотря на усилия офицеров, палки которых не раз прогуливались по солдатским спинам. Кое-какой ущерб потерпели магазинные выставки и девицы. У мадмуазель Денизы, после того как ее удостоили своим постоем трубачи Рубильерского полка и барабанщики негры, больше недели щеки оставались красными, по наблюдениям мадмуазель Винет. У г-жи Даланзьер столовалась преизрядная компания. Анту-

ан познакомился там со многими офицерами, уверявшими его в своей дружбе и не раз бравшими у него взаймы. Все расхваливали ему преимущества военного ремесла, в котором они заранее считали его своим сотоварищем. Имя маршала де Маниссара и его покровительство производили сильное впечатление. Антуан учился у этих господ, как нужно прикреплять шпагу и надевать шляпу, чтобы не казаться новичком. Он не уезжал больше из Виркура. Вечером, возвращаясь в Аспреваль, он видел зажженные огни, и молчание полей поразило его после дневного шума. Можно было подумать, что стекла в домах полопаются и разлетятся в куски, когда тяжелые колеса артиллерии, надавливали на мощенные мелкими камнями улицы. Тяжелая упряжка тянула орудия. Бронза пушек, украшенная лаврами и девизами, вытягивалась по лафетам. Прошли тучные, зияющие мортиры. Затем каменный мост снова обезлюдел: на поворотных камнях белели свежие царапины, кучки помета сохли на солнце. Виркур вошел в обычное свое спокойствие; снова было слышно, как лают собаки.

В Аспревалле Антуан мог констатировать, что птичий двор опустошен, оставшие солдаты сделали свое дело. Саблоньерская дорога была изрыта огромными колеями. Луга начисто скошены, – по ним прошли фуражиры. Фермеры охали, что разграблены

их скотные дворы. В лесу Валь-Нотр-Дама найден был монах повешенным на сук. Г-жа Даланзьер с прискорбием обнаружила пропажу лучшего предмета из ее серебра.

Неизвестно еще было, проследует ли король через Виркур и остановится ли в нем. Ручаться за это было нельзя. Но тем не менее вопрос этот занимал умы. Соединится ли он с Фландрской армией, которой начальствовал г-н маршал де Ворай, или направится к армии на Мёзе, во главе которой стоял г-н маршал де Маниссар? Даланзьер этого не знал. По крайней мере, так он писал жене с места своей стоянки и таковы были сведения, полученные от нее Антуаном.

Так неукоснительно он каждый день ездил в Виркур. В Аспревале все вошло в обычную колею. Г-н де Поканси встал с постели, снова надел свой халат в цветочках, парик и колпак. Старый Анаксидомен продолжал рыться в своих сундуках и шкафах, вдыхать запах прошлого, подкрепляясь несколькими бокалами испанского муската, за которым он сам ходил в свой погребок. Ничто не мешало Антуану все время проводить у г-жи Даланзьер, тем более что близкий его отъезд вменял ему это в обязанность. И он и она сошлись в желании встречаться как можно чаще. Через неделю приблизительно после ухода войск она известила Антуана, чтобы тот пришел к ней на следую-

щий день под вечер. Им не хватало ночи переговорить обо всем, что интересует любовников.

Чтобы дожидаться назначенного часа свидания, Антуан направился к дому Корвизо. При входе он столкнулся с мадмуазель Денизой, которая поклонилась ему, краснея. Она встречала его у г-жи Даланзьер, для которой она делала вышивки.

Заперев двери, Корвизо воскликнул:

– Вот, сударь, последствия прохода военных людей, девица эта, которая только что вышла отсюда, вся ими нагружена и носит в себе тяжесть, от которой не освободится раньше девяти месяцев. От этого пострадает ее здоровье и наружность. Все это виною пламя, зажигаемое в девичьих сердцах звуками труб, барабанною дробью, свистеньем флейт и всей показной стороною войны... И кого же, как вы думаете, удостоила честью эта красотка? Усача драгуна или какого-нибудь здоровяка мушкетера? Ничего подобного! Одного из африканских барабанщиков, у которых все лицо в саже. Об эту-то черную кожу и потерлась она своей белою кожей. Девушки уж таковы. У них странные вкусы и необыкновенные причуды. В делах любви иногда самый безобразный детина имеет преимущество перед наигалантнейшим кавалером. Так свет устроен, сударь.

Корвизо посмеивался, франтовато рассматривая

себя в осколок зеркала, который он достал из кармана.

Безобразное лицо его гримасничало в стекле весело и хитро. С некоторых пор Корвизо начал замечать, что г-жа Даланзьер, по-видимому, не совсем безразлично относится к его наружности. Она поминутно посылала за ним без всякого повода, только для удовольствия лицезреть его, причем единственная польза от посещений заключалась в том, что она заставляла его ощупывать такие части тела, относительно которых дамы обычно очень щепетильны. Она спрашивала у него советов по всяким пустякам. Правда, эти пустяки для женщин имеют большое значение. У г-жи Даланзьер был очаровательный цвет кожи, и она дорожила им. Так что Корвизо приходилось вплотную его рассматривать при малейшей показавшейся красноте. Г-жа Даланзьер жеманничала под его взглядом. Не успевал он уйти, как она, посмотревшись в зеркало, находила предлог звать его обратно. Корвизо сохранял полное спокойствие при всех этих уловках и фасончиках. Он прописывал мазь и уходил, насвистывая сквозь свои испорченные зубы.

Антуан рассматривал его с удивлением. Его забавляла мысль, что Корвизо может нравиться какой-нибудь женщине. Он ограничился тем, что пожалел о мадмуазель Денизе, и заговорил о прекрасном зре-

лице, которое представляло собою дефилирование войск на этих днях. Корвизо захихикал сильнее.

– Стоит ли об этом говорить, сударь, – сказал он, пожимая плечами, – прекрасное зрелище человеческого безумия. Из числа всех этих людей, которых мы видели вооруженными пиками или сопровождающими пушки, найдется ли хоть один, который не рассчитывал бы прожить до конца своей жизни, как бы тускла она ни была? Всякий, при малейшем нездоровье, думает о результатах и последствиях и зовет к себе врача или хирурга. Все более или менее заботятся о своем аппарате, и расположение их зависит от болезненного или здорового его состояния. Они думают только о том, чтобы наполнить себя пищей и освободиться от нее в хорошо переваренном виде. В обозе столько же клистирных трубок, сколько пушек в артиллерийском парке. Стоит им заболеть, поднимаются крики и жалобы, не напасешься мазей и пластырей. И заметьте, сударь, что люди, благополучные в этом отношении, не более как случайность. Где же найдется человек, у которого в организме не было бы какого-нибудь скрытого недостатка, готового парализовать ту или иную функциональную способность, из наиболее необходимых? Уверяю вас, желчь и гной только выжидают время, чтобы проявить себя. Есть места, прямо предназначенные для скопления мокрот. Если бы они

сознавали свое состояние, единственной их заботой было бы обеспечить себе средства к излечению. Если бы они были сообразительны, они бы на коленях стояли перед людьми, носящими докторскую шапочку и воротник. Куда там! Они доходят даже до того, что издеваются над медициной и медиками!

Корвизо снова вспомнил о досадной своей истории с маршалом и продолжал:

– Вместо этого, смотрите, что они делают: они скопляются в полки, эскадроны, роты, грохочут в бубны и барабаны, дуют в флейты и гобои, хватаются за сабли, копья, мушкеты, готовят гранаты, тащат за собою бомбарды и мортиры, преодолевают труднейшие переходы, утомительнейшие труды, торопятся, бегут, скачут, добиваются, наконец, того, что увидят перед собой других, подобных же людей, которые от них отличаются только фасоном мундиров и цветом штандартов. Тогда-то начинается главная потеха, сударь. Надо видеть, как они, сами не зная, почему, с непередаваемой яростью бросаются друг на друга, так что через несколько часов возможно большее их количество лежит мертвыми или ранеными, с переломанными руками и ногами, с выпущенными из живота кишками, с пробитыми черепами, добровольно испытывая страдания, к которым так стремились, и малейшего из которых, во всякое другое время, они бы старались по

возможности избежать. Повторяю, сударь, разве это не отменное безумие? Кроме того, я не должен был бы говорить вам об этом, раз вы сами скоро будете принимать во всем этом участие. Но я всегда готов оказать вам услуги, когда они вам потребуются.

Антуан расстался с Корвизо с довольно мрачными мыслями, которые доктор злорадно внушил ему. Правда, Думал Антуан, мне там нечего будет делать. Король прекрасно может обойтись без меня, и ничто меня не заставляет предоставить в его распоряжение какую-нибудь часть своего тела. Впервые война ему представилась в настоящем свете, так как при виде всех этих людей с мушкетами на плече и с пистолетами У седла, он не задумывался о том, что они собираются делать. Только теперь он начинал иметь некоторое понятие об этом и не испытывал особенного желания находиться среди них, когда ядра примутся падать в их ряды, а пули срывать перья со шляп или рвать их кафтаны. Ему мысленно представилось облако дыма, прорезываемое молниями. Но он слишком далеко зашел, чтобы отступить.

Думая таким образом, он вставил ключ в садовую калитку г-жи Даланзьер. В сумерках буксы пахли сильнее. Поднимаясь по тайной лестнице, Антуан заметил, как легка и осторожна его поступь и подумал, как будет жалко, если какая-нибудь шальная пуля или

осколок гранаты испортят эту прекрасную походку. В конце концов, сражения бывают не так убийственны, чтобы из них нельзя было вернуться целым, подумал он в виде утешения. Игумен Валь-Нотр-Дама жаловался, что они пощадили брата его, г-на де Шамисси, генерал-лейтенанта, которого он терпеть не мог. Г-н маршал де Маниссар вышел невредимым из самых опасных битв. Антуан представил себе его здоровое лицо, толстые бритые щеки, темно-серый парик, — и почувствовал успокоение. Маршал всей своей персоне казался воплощенным ответом на слова Корвизо и на опасения Антуана.

Г-жа Даланзьер ждала его и встретила очень нежно. В углу комнаты на столе была поставлена закуска. Служанки отпущены, и любовникам предоставлена счастливая свобода. На г-же Даланзьер был галантный ночной туалет, и она велела переменить постельное белье.

Она любила хорошее белье, и оно никогда не казалось ей достаточно тонким. Ее требовательность на счет этого была единственной причиной размолвок с мужем. Толстяку было все равно, на каком полотне спать, сон у него был так глубок, что отнимал всякую чувствительность в этом отношении. Он бы не обращал внимания и на многое другое, но жена его придерживалась иных взглядов: она была весьма чисто-

плотна и требовала, чтобы всё вокруг нее содержалось в опрятности. Нужно было видеть, как она послала толстого Даланзьера мыться, когда он возвращался с какой-нибудь закупки быков и баранов, весь пропахнув хлевом и стойлом. Где-то он теперь, бедный Даланзьер? Может быть, в неприятельской стране, лежит на сене или соломе! Главное, конечно, что его здесь нет.

Антуан поздравил себя с его отсутствием, на которое не жаловалась и г-жа Даланзьер. Если ей случилось не без удовольствия думать о безобразной наружности Корвизо, то внешность Антуана, конечно, преобладала в ее мыслях. В тот вечер она наглядно доказала, что равнодушна к нему. Так что Антуан счел своим долгом повести свою возлюбленную до такого состояния, что она не могла оставаться в кресле из боязни, как бы тисненый узор бархатной обивки не отпечатался на нежной ее коже. Вскоре кровать скрипнула под тяжестью колена г-жи Даланзьер. Она была очаровательна в таком положении, с полным тазом под тонкой рубашкой и с полускинутой туфлей, державшейся на большом пальце, причем видна была голая пятка.

Все предвещало темную и спокойную ночь. Звонили, чтобы тушить огни. В соседних окнах свет погас. Лаяла собака.

Г-жа Даланзьер уже опустила затылок на подушку. Антуан, держа башмак в руке, прислушивался к необычному шуму шагов на улице и на площади, так как дом стоял на углу и выходил на ту и на другую. Ему слышно было, как бегают и разговаривают. Ударили с грохотом молотком в двери. Удары с яростью учащались; стучали у г-на Ландражо, старшины. Голоса сделались более громкими. Рамы снова осветились. Очевидно, происходило что-то необыкновенное. Шум усиливался.

Антуан подошел к окну. У моста находилась кучка людей с фонарями. Они размахивали руками. В конце улицы скакал всадник, крича что-то неразборчивое. Он сидел на лошади без седла и махал факелом. Подъехав к окну, он поднял голову, рот его округлился.

При его крике «король! король!» открывались захлопнутые ставни и закрытые окна.

Оттуда высовывались мужские головы в ночных колпаках и женские в чепцах. Люди показывались на пороге, протирая глаза спросонья. Виркур просыпался, изумленный и ошеломленный. Голые ступни спешили к обуви, ноги к брюкам. Колебались огни зажженных свечей. Г-жа Даланзьер, вскочив на кровати, топала ногами по подушкам и танцевала от радости, похлопывая себя обеими руками по выпяченным ягодицам и крича:

– Едет король! Едет король!

В Виркуре три колокольни с семью колоколами, из которых один большой. В маленькие начали звонить. Прежде всего зазвонили у Сент-Этьена, к нему присоединились колокола Сент-Николь. Слышно было, как они перекликаются. Антуан дал знак г-же Даланзьер, чтобы она прислушалась. По мостовой раздался звук копыт. Г-жа Даланзьер бросилась к окну. Чтобы их не видели, Антуан и она подняли только часть жалюзи. Звук копыт приближался.

То были ливрейные скороходы и конюшенные пажи. В руках у них светились зажженные факелы. Они расположились в несколько рядов вдоль всей главной улицы, на площади и при въезде на мост. Многие из них, спешившись, забрались на тумбы. Красные перья на их шляпах, казалось, горели от огня; было светло как днем.

Г-жа Даланзьер раздвинула жалюзи, чтобы лучше видеть. Плотная толпа теснилась около домов. Площадь кишела народом, хотя многие помчались на городские окраины. Ветер разносил искры от факелов. Вдруг в конце улицы, занимая почти всю ее ширину, показалась конная гвардия.

Серебряные галуны на синих мундирах у них поблескивали. Они проходили, прямо сидя в седлах, рукою в перчатке держа узду лошади; лошади грызли

удила. Длинные хвосты били по мохнатым бокам. Затем камзолы легкой кавалерии залили красным всю дорогу. Они приближались, стуча копытами. Колокола удвоили звон, к прежним присоединилась колоколья Сен-Ламбера. Когда прошли красные жандармы, образовалось пустое пространство и наступило молчание.

Вскоре к отдаленному и все усиливающемуся гулу присоединился большой колокол Сен-Ламбера. Он звонил только по большим праздникам. Звон его, полный и глубокий, наполнял весь воздух. Г-жа Даланзьер не выдержала, распахнула жалюзи и вышла на балкон. Махали факелами, чтобы они разгорелись, и наконец, в красноватом блеске появились головы шестерки лошадей, запряженных попарно в большую карету, золоченая верхушка которой возвышалась над ними. Сбруя у них была из красной кожи с золотыми гвоздиками, шлеи украшены огненными лентами. Голова кучера, правившего ими, приходилась вровень с окнами второго этажа. Он был огромным и плечистым. Карета, поддерживаемая широкими колесами, представляла собою сооружение с великолепными лепными украшениями и с прозрачными стеклами. Они проезжали как раз под балконом. Г-жа Даланзьер, захлопав в ладони, так перевесилась с балкона, что Антуан ухватил ее за рубашку.

На пунцовых подушках сидело трое господ. Один из них, в глубине, одет был в камзол из золотой материи поверх красного жилета. Кисейный галстук окружал его шею. Шляпа с несколькими рядами перьев покоилась поверх большого черного парика, ниспадавшего на плечи, где красные ленты сплетались бантом. Профиль сильного лица, багрового и солнцеподобного, с тяжелой отвисшей губой и горбатым мясистым носом, силуэтом выделялся при свете. Выражение славы и величия дополняло эту личность. Дым от факелов поднимался как ладан. Большой колокол наполнял небо медным звуком. Антуан испытывал большое волнение.

Г-жа Даланзьер выходила из себя. В одной рубашке, не боясь быть узнанной, забыв прикрыться, наполовину свесившись с балкона, она показывала свою пышную грудь. Она так громко и весело кричала «Да здравствует король!», что король поднял глаза к балкону, откуда неслись эти крики и улыбнулся этой красивой женщине, сдобной и свежей, в небрежности ночного туалета. Он пальцем указал на нее двум сидевшим с ним вельможам.

Карета продолжала свой путь. Королевский профиль исчез за поворотом. Г-жа Даланзьер разглядела еще плечо в лентах, на которое струились локоны парика. Большой колокол Сен-Ламбера заглушал

крики. Сотня дворян с крючковатыми носами замыкала шествие. На площади дворца королевской кареты открылась перед городскими чинами, ставшими на колени. Они представляли смешное зрелище: платья надеты наспех, парики нахлобучены кое-как. Г-н Ландражо, старшина, совсем забыл надеть свой парик, голый и гладкий череп его лоснился при свете факелов.

Карета выехала на мост между двух рядов факелов. Золотой купол ее колыбался, и огромный кучер, до половины освещенный, казался безголовым великаном. Лошади прибавили шаг. Длинные парики крючконосых господ запрыгали по их пестро расшитым спинам.

В эту минуту подошли мушкетеры. Они снова наполнили улицу лошадиным стуком. Черные и серые прошли одни за другими. Мост застонал. Серебряные кресты пересекали синее сукно безрукавок. Блистали мощные крупы. Из одного упал золотистый помет, как медаль с изображением какого-нибудь властителя. Затем все смешалось во мраке вместе с факелоносцами, потрясавшими своими дымящимися головнями. Звук смолк вдали.

Улицы понемногу опустели. Окна закрылись, огни погасли. Слышно было, как захлопываются двери. Только колокола упорствовали. У Сент-Этьена и

маленький колокол Сент-Николь умолкли первыми, Остальные вслед за ними. Трезвон большого колокола Сен-Ламбера замедлился, сделался более редким и вдруг прекратился. Виркур снова погрузился в сон, темный, спокойный, молчаливый, меж тем как королевская карета на широких колесах с золочеными ободьями мчалась через ночные поля к границам, битвам и славе.

VIII

В течение почти целого месяца Антуан не получал никаких известий от г-на маршала де Маниссара. Он мог подумать, что о нем позабыли, и очень мучился этим. Лицезрение короля возбудило в нем благородный пыл и непреодолимое желание отличиться. Пожертвовать частью своего тела не казалось ему чрезмерной ценой за такую милость. Он охотно дал бы что-нибудь большее, столь она казалась ему драгоценной. Королевское солнце обогрело его своим лучом, и он должен был вследствие этого всю свою жизнь чувствовать внутреннее пламя.

Старый Анаксидомен узнал от Корвизо о проезде короля через Виркур и о появлении на балконе Антуана с г-жою Даланзьер в полуголом виде. Игумен Валь-Нотр-Дама поздравил по этому поводу Антуана, который по-прежнему расспрашивал его о военной и придворной жизни. Игумен отвечал между двумя затяжками своей маленькой трубки. Понравиться королю – единственное средство иметь успех. Король – единственный источник всех почестей и милостей. Все зависит от его благоусмотрения. Вот все, что мог вывести и чему мог научиться Антуан из игуменских речей. Они запали ему глубоко в душу. Он как сейчас видел

старшину Ландражо и все городские чины на коленях среди мостовой, перед дверцами раззолоченной кареты, при свете факелов, под звуки восклицаний и трезвон колоколов, – и это положение показалось ему самым естественным. Он сам готов был стать в такое же и только искал случая к этому.

Случай медлил. Никаких известий о г-не де Маниссаре не поступало. Антуан предпочитал приписывать эту задержку военным заботам. Конечно, маршал ждал, когда пули сделают в рядах бреши, которые могли бы заполнить г-да де Поканси. Среди различных слухов, походивших до Виркура, главные были до сих пор насчет разных передвижений взад и вперед, так как очевидно присутствие его величества налагало обязанность воздерживаться от решительных действий, которые могли бы поставить его величество в неловкое положение. Славу и неприкосновенность его личности нужно было оберегать в равной степени.

Антуан запасся терпением. Он осматривал свое вооружение и лошадей, на которых от нечего делать ездил его отец. Старый Анаксидомен рассказывал ему историйки. Большое место занимала в них любовь, и у Антуана появилось сомнение, не лучше ли было бы посвятить остальную часть своей молодости женщинам и наслаждению вместо того, чтобы подвергать ее

опасностям войны. Слова Корвизо звучали у него в ушах.

Корвизо часто бывал в Аспревале. Антуан расспрашивал его, что говорят в Виркуре относительно войны и короля. Нигде в другом месте с Корвизо не говорили так охотно, как в маленьком погребе, ключ от которого был у него. Антуан входил туда вслед за ним. Корвизо, поставив свечу, снимал с гвоздя висевшую там кружку. По краям она была украшена выпуклыми гроздьями. От вина Корвизо делался болтлив. Его сухой и высокий голос гулко раздавался в подвале. Антуан слушал, как тот изрекал нравоучения и сальности. Он говорил их вперемежку, присоединяя к ним обычные свои рассуждения о бедственности нашей природы.

– Что за жалкое и скарредное положение, сударь, быть человеком, – говорил он, поднимаясь по ступенькам обратно. – Все в нем преходяще, даже тот маленький жар, что возбуждает в нем бургундское. Хмель от него почти тотчас же проходит, едва мы перестаем ощущать вкус. Нечего пытаться превысить меру: нет более отвратительной картины, чем пьяница с шатающимися ногами и винной отрыжкой. Сама природа враждебна нашим наслаждениям, и если мы хотим ее насиловать, жестоким образом мстит нам, предлагая нам зрелище наших немощей. Самой

необходимостью наших органов она унижает нас в наших собственных глазах и делает постыдными в глазах других, и какое бы прекрасное вино мы ни пили, нужно сознаться, что в результате проявляется наименее лестная для нас сторона нашей природы, рабство по отношению к самим себе.

После этих слов он выпивал мускатное вино из кружки, которую он поворачивал между пальцев, рассматривал на серебре выпуклые листья и гроздья, потом вешал ее на гвоздик и прислушивался, в свежей и гулкой тени подвала, к тихому звяканью, чистому и металлическому. Поднявшись к старому Анаксидомону, он щупал у него пульс, рассказывал какую-нибудь вольную историйку или изрекал смешную нелепость и отправлялся на своем муле обратно в Виркур.

Подъезжал и отъезжал он от Аспреваля всегда с некоторым страхом: Жером и Жюстен буйствовали около замка. С той минуты, как было решено, что они идут на войну, оба непрерывно упражнялись в стрельбе из мушкета. Удивительно, как еще они никого не убили. Корвизо всякий раз казалось, что у него мимо ушей свистят пули, и он еще больше возненавидел двух братьев за тот страх, который перед ними испытывал.

Курьер от маршала прибыл только к концу апреля. Вот уже несколько дней как Антуан был на себя непо-

хож: окрестности облетела весть о победе. Г-н де Маниссар подтверждал событие. Король имел удовольствие обратить неприятелей в бегство, и его величество было так доволен оборотом, какой принимали дела, что постановил всю тяжесть кампании переложить на маршала и вернуться в Версаль.

Антуан был в отчаянии, но маршал убеждал его, что в случаях отличиться не будет недостатка и чтобы он ехал к нему в Дортмюде, к осаде которого он собирался приступить. Он прибавлял, что так как г-н Даланзьер приезжает на несколько дней в Виркур и затем возвращается обратно в войска, то они могли бы совершить путь вместе.

Возвращение толстого комиссара имело следствием то, что прощание Антуана с г-жою Даланзьер происходило на лоне природы. Она отправилась посетить хутор Бюрон, и Антуан встретился там с нею как бы случайно. Луговая трава мягка была для них в последний раз. Они долго просидели друг подле друга. Воздух был теплый и легкий. Каждый думал о своем, в чем уже есть начало забвения. Любовь, основанная только на взаимном наслаждении, не переживает его, и отсутствие Антуана полагало ей естественный и насильственный конец.

Если прощание с г-жою Даланзьер было легко, то расставание г-на Поканси с сыновьями было коротко.

Жером и Жюстен удостоились с его стороны только довольно сухого кивка головой. Старый Анаксидомен удержал Антуана за руку и закрыл дверь на лестницу, по которой, толкаясь, спускались младшие братья.

– Настала минута, сударь, – сказал он, – расстаться, причем неизвестно, увидимся ли мы еще раз.

Антуан сделал движение. Г-н де Поканси засмеялся.

– Успокойтесь, сударь, я боюсь за себя.

Г-н де Поканси ходил по комнате. Длинная хламида в цветочках хлопала по его тонким икрам. Со своими широкими рукавами, пестрыми и раздувающимися, он имел вид старой бабочки, блестящей и вылинявшей.

Он снова начал:

– Я должен извиниться перед вами за то, что так долго продержал вас в этом старом замке, где единственным занятием вашим было слушать мои рассказы о прошлых временах. Они не должны были внушить вам высокого мнения обо мне. Вы не будете там об этом вспоминать! Мне бы хотелось, чтобы вы нашли в них заслуги, которые я, как и всякий другой, мог бы оказать государству, и чтоб это послужило вам подспорьем, но там нет ничего подобного, и вы должны рассчитывать на себя одного. Вам достаточно будет вашей наружности и ваших достоинств. Если я имею некоторое отношение к первому, то ко второ-

му не причастен. Я сделал вас одним из Поканси, ваше дело – сделать Поканси кое-чем. В моем лице он был только старым Анаксидоменом. Выпейте за его здоровье и за ваше и возвращайтесь к нам рано или поздно.

Он поставил бокал, окрашивавший его руку красноватыми бликами и подставил молодому человеку свою Щеку. Тот почтительно поцеловал розовую, гладкую и свежую скулу, влажную от слезинки.

Отъезд произошел без всяких помех. Антуан предложил г-ну Даланзьеру место у себя в карете, которое тот без церемоний принял, чего бы он не сделал, будь ему известно приключение на балконе с его женой. Антуан быстро успокоился. Даланзьер ничего не знал. Проведение времени с утра до вечера, с глазу на глаз и коленка в коленку сближает. Вскоре Антуан узнал от Даланзьера состояние его доходов и разные особенности его вкусов. Даланзьер любил звонкую монету, хороший стол и полных женщин. Собственная жена его представляла минимальный объем, которым он мог довольствоваться, но он предпочитал большие и среди других женщин, уроженок Голландии и Фландрии. Там в изобилии встречаются тела молочные, приятной мягкости. Прекрасные рыжие пряди волос рассыпаются по полным плечам. Он расхваливал изобильные прелести и широкие формы, делающие

эту страну весьма удобной для ведения войны: там можно найти роскошную и основательную поживу. И толстяк воодушевлялся при воспоминании о голландских, фламандских и брабансонских девицах, которыми он удовлетворял свой голод в предшествовавшем походе. Покончив с воспоминаниями, он снова перешел на г-жу Даланзьер. Он выставлял на вид ее физические и умственные достоинства. Антуан молчал. Толстый комиссар, казалось, был удивлен.

– Вы думаете, без сомнения, сударь, слушая менял что не совсем безопасно хвалить то, что нам принадлежит. Ха, ха! Но с вами я охотно рискую. Мы, горожане, знаем наш долг перед дворянином и смотрим благосклонно, если наши жены придутся ему по вкусу. Если бы моя понравилась вам, я бы ничего дурного в этом не видел; но я бы не потерпел, если бы она вздумала влюбиться в какого-нибудь Корвизо. Буквоед этот страшно к ней лезет. Он проникает в дом и под предлогом лекарств вмешивается в то, что его совсем не касается. Но я скоро наведу порядок, я много кое-что знаю про этого молодчика. В Льеже он занимался странным лечением, а когда он служил на голландских судах, что отправляются за море...

И Даланзьер продолжал говорить, мешая Корвизо, жену, девиц из Фландрии в болтовню, прерываемую сообщениями цен на муку и припасы. Антуан едва его

слушал, глядя в дверцы экипажа.

Местность, по которой они теперь проезжали, была сильно опустошена. Поля голы, на постоянных дворах нельзя было найти ни одной курицы – ни в печке, ни в курятнике. А петухов можно было видеть только на остриях колоколен.

Колокольни виднелись или в глубине долин, или за лесами на горах, так как почва в Замёзье очень неровная.

В деревнях крыши из серого шифера блестели над стенами из желтой глины. Дорога шла или вдоль возделанной земли, или вилась между лесными участками. Она была так выбита колеями и так испорчена, что карета раз десять чуть не опрокидывалась. Дня через два такой езды достигли завоеванных земель. Это заметно было по сожженным домам с провалившимися крышами, по тому, что навстречу попадались или оборванные крестьяне, или подозрительные личности. Они пускали вслед карете косые взгляды или улюлюкали. Нужно было иметь, по крайней мере, семь или восемь конных и хорошо вооруженных слуг, чтобы держать этих негодяев на приличном расстоянии. До лошадей даже долетали камни.

Один раз пришлось пустить в ход оружие, дело принимало дурной оборот. Человек двадцать занимали дорогу и, по-видимому, хотели помешать проезду.

Слуги обнажили оружие, и г-н Даланзьер разрядил пистолет. Толпа от выстрела разбежалась. Один из бродяг продолжал приближаться. Это был бедняк с завязанными глазами и опоясанный какими-то лохмотьями. Он протягивал к карете шляпу. В ту минуту, как Антуан бросал туда монету, человек раскинул руки и упал навзничь. Жером у дверец другой кареты, в которой он вместе с Жюстеном следовали за Антуаном, держал еще дымящийся пистолет, из которого он только что прицелился в оборванца. Вышли из экипажей, он был мертв. Жером и Жюстен с любопытством рассматривали лужу крови на земле.

Все снова сели в экипажи. Только сделали несколько шагов, как раздался страшный шум. Бродяги опять собрались вокруг своего товарища и с бешеными криками спорили, кому достанутся серебряные монеты, которые убитый продолжал держать зажатыми в закорузлой руке. Они образовывали неистовую группу, беснующуюся посреди пыли.

Выехав из Веруанского леса, очутились на Могенской равнине. Она простиралась на довольно большое пространство, но ее всю можно было окинуть взглядом. Почва необыкновенно исковеркана. Местами земля была вытоптана и затвердела. Там и сям большие кучи недавно выкопанной земли образовывали горбы. Две деревни, Моген-новый и Мо-

ген-старый, представляли собой или груды развалин, или скелеты обуглившихся стен. Колокольня в Могене-старом еще стояла как с распоротым животом. Около кареты ближайшее поле было усыпано всевозможными обломками. Обрывки материи валялись вперемешку со сломанным оружием. Тощая собака, выставив хребет, лизала кость.

Ветер доносил приторный, смрадный и тошнотворный запах. Он слышался не все время, но минутами бросался в нос. Подошел старик, только что подбравший что-то. В руках у него был металлический нагрудник, от которого он отдирал зеленоватые клочья разложившегося мяса.

Антуан с восторгом взирал на поле битвы, где король одержал победу. Может быть, как раз с этого места тот наблюдал, как бежали неприятельские эскадроны, нарушив стройную линию. Антуан представлял себе платье из золотой парчи, высокий парик, красноватый и мощный профиль. Был превосходный закат, наполнявший воздух золотым величием. Лошади зафыркали. Большие мухи, жужжа, перелетали с места на место. Деревцо, сломанное пулей, оканчивалось обломком ветки, где как раз качался маленький, сморщенный, нежный листочек, только что распутившийся.

На следующее утро, двадцать седьмого апреля,

прибыли в Домден. Армия стояла в двух верстах отсюда и, следовательно, самое большое в семи-восьми от Дортмюде, который собирались брать.

IX

Г-н маршал де Маниссар занимал, неподалеку от Домдена, уединенный дом, на некотором расстоянии позади лагеря и на полусклоне небольшого холма. Дорога к нему была оживлена постоянным движением всадников и экипажей. К счастью для Антуана, одним из первых лиц, встреченных им, было отдающее желтизной лицо г-на де Берлестанжа. Строгая внешность этой личности обещала неожиданную помощь. Г-н де Берлестанж делал вид, что имеет большое значение, но кончилось тем, что он ввел Антуана и его братьев в сад и обещал, что придет туда за ними, как только г-н маршал будет иметь свободное время их принять.

В ожидании Антуан стал осматривать местность. Дом был из серого камня, хорошо построен по местной моде, с двумя угловыми павильонами. Довольно обширный сад состоял из ровных цветников и аллеи, усыпанных разноцветными камешками, которые скрипели под ногами. Далее тянулась терраса с балюстрадой, украшенной вазами. В каждом конце ее стояло по статуе, на одну из которых, вероятно для шутки, была напялена шляпа с перьями, надет мундир и рядом поставлен мушкет. Это были остатки бала, данного на-

кануне прекраснейшей из домденских дам. Танцевали при лунном свете, как Антуан узнал от г-на Берлестанжа, пришедшего ему сообщить, что г-н маршал их примет, как только окончит дела с офицерами. Г-н де Берлестанж с большим порицанием относился к подобным увеселениям и, по-видимому, был настроен враждебно по отношению к домденским дамам, считая их причиной данного праздника, устроенного г-ном Маниссаром в благодарность за присылку ему прохладительных напитков, печенья и лакомств. Г-н де Берлестанж недолюбливал подобный обмен учтивостями. По его мнению, было известное бесстыдство развлекаться подобным образом при стечении столь важных обстоятельств и перед полным боевым аппаратом, один вид которого мог бы вернуть к серьезным мыслям самого ветреного человека. И движением длинной своей руки он указал на лагерь, разбитый в образцовом порядке на равнине.

Он покрывал широкое пространство, окруженное правильным валом. Палатки пеших полков тянулись отдельно от кавалерийских. Видны были привязанные лошади и мушкеты, составленные в козлы. Дым от костров прямо поднимался в спокойном воздухе. Все похоже было на шахматную доску с расставленными перед игрой шахматами. В артиллерийском парке на своих местах виднелись пушки. Ядра, сло-

женные кучами, симметрично высились небольшими пирамидами. Дальше обоз, заставленный телегами, имел простонародный вид базара, возвращалась партия фуражиров с большими вязанками сена за седлами. Вестовые выезжали галопом.

Когда маршал принимал молодых людей, перед ним на столе лежала развернутая карта. Он любезно поговорил с ними. Находившийся там г-н де Керленг взял на себя Жерома и Жюстена, чтобы сейчас же отвести их в роту, где они должны были служить волонтерами.

– Что же касается вас, сударь, – сказал г-н маршал Антуану, – я вас сохраняю при себе и надеюсь, что вы не будете об этом жалеть. Помещение и стол вы будете иметь у меня. Г-н де Берлестанж получил от меня распоряжение. К тому же, мы не навсегда останемся здесь. Скоро нам нужно будет сниматься с места. Я жалею об этом, так как этот дом весьма благоустроен. Шкафы в нем полны белья и в погребах много вина.

Антуан удостоверился в этом за ужином. Сотрапезники оказали честь напиткам. За столом находились г-н де Шамисси, г-н герцог де Монкорне и г-н маркиз де ла Бурлад, генерал-лейтенанты и еще другие важные чины, человек около пятнадцати. Тяжелые парики обрамляли отличающиеся друг от друга лица. Там были и красноватые физиономии, и смуглые, и бледные.

У г-на де Шамисси было сморщенное лицо, с постоянной улыбкой, причем губу он закусывал зубом вроде клыка. Под казакином чувствовалась узкая грудь, длинные костлявые руки, меж тем так сутулая спина доказывала, что еще немного – и он был бы горбуном. Антуан с любопытством смотрел на него и сравнивал с братом его, игуменом Валь-Нотр-Дама, но не мог найти между ними какого-то сходства. Г-н герцог де Монкорне был человеком дородным, и особенностью его было маленькое худое личико с острым носом, на котором кожа была так натянута, что того и гляди лопнет. Что касается г-на де ла Бурлада, то он был стар, приземист, коренаст, с седыми бровями.

Г-н де Маниссар с особой внимательностью относился к г-ну герцогу де Монкорне, рекомендуя ему некоторые блюда. К тому же, стол был хорош. Из разговора Антуан понял, что солдатские харчи менее аппетитны. Продовольствия не хватало. Хлеба было мало из-за дурного качества муки. От посредственного скота получалось плохое мясо. Виноваты в этом поставщики и комиссары. Антуану теперь стали понятней источники доходов толстого Даланзьера, который каждый год к бывшему у него уже имению прибавлял то ферму, то мызу. Антуан весь обратился в слух. Эти господа не придавали ему значения и говорили при нем довольно свободно. От них он узнал, что сраже-

ние при Могене было кровопролитным и победа одержана ценою ужасающей бойни, что лошадей недостаточно, роты поредели, что с отъездом королевской свиты армия сокращена и нужно рассчитывать на значительную слабость неприятеля, чтобы осада Дортмюде увенчалась успехом. К тому же, нередко были случаи дезертирства. Затем от общих вопросов разговор перешел на частные темы.

Коснулись личностей и, в первую очередь, г-на маршала герцога де Ворая. Герцог вел кампанию во Фландрии на Эско и Скарпе. Противник у него был смел и ловок. Каждый что-нибудь про него сказал. Разобравшись во всех этих отзывах и учитывая обстоятельства беседы, Антуан вынес такое впечатление, что по общему мнению г-н де Ворай был человеком наименее подходящим для занимаемого им положения. Некоторые с похвалой отзывались о его происхождении, другие о храбрости, кто хвалил его за набожность, кто за добрые намерения, но никто не заикнулся о его способностях. И Антуан наивно задавал себе вопрос, не прав ли был Корвизо и неужели заслуги и чины так редко соединяются, что нужно отказаться от желания найти их вместе. Да сам маршал де Маниссар составляет ли исключение из этого правила несоединимости?

Улыбаясь, он не останавливал говоривших, зная,

что некоторые говорят таким образом из зависти, другие из низости, думая ему понравиться тем, что уничтожают его соперника. Исчерпав тему о г-не де Воэрае, каждый перешел к себе самому, о чем давно уже мечтал. Все, как оказалось, стремились к своим выгодам и удобствам. Не было ни одного, кто о чем-нибудь не жалел бы; может быть, особенно о том, что он находится в таком положении, в каком находится. Обменивались придворными новостями. Лица оживились. Очевидно, то, что происходило в Фонтенбло и в Версале, интересовало их больше, чем то, что должно было произойти перед Дортмюде. Движение против неприятеля было только способом продвижения при дворе, и никто не был доволен своим положением в армии. Вино развязало языки, и претензии высказывались совершенно открыто. Тщеславие тем, чего ты достиг, может быть иногда меньше тщеславия тем, чего ты хотел бы достичь. Всякий считал, что он не на своем месте. Недовольство сквозило в их словах, и все завистливо косились на толстого г-на де Маниссара, сидевшего в кресле, с голубой лентой на животе, как бы воплощавшей в себе все их тщеславные желания. Чем ближе по чинам к нему находились, тем более его ненавидели.

Когда они ушли, г-н де Маниссар задержал Антуана и стал смеяться над его расстроенным видом.

– Я отлично вижу, сударь, – сказал он ему, – что все это вас оскорбляет, но не надо буквально понимать речи этих господ. Они все превосходные офицеры. Судить о них следует по их поступкам; будьте уверены, что каждый из них на своем посту будет вести себя как нельзя лучше. Именно в этом большое преимущество нашего ремесла, что в нем частные интересы подчинены высшему государственному интересу. Сегодня вечером вы видели нас в настроении, которому минутами все мы бываем подвержены, но постоянно только одно желание: хорошо служить королю. Вы и по себе скоро узнаете, насколько эта великая власть преодолевает в нас самих все, что ей противопоставляется. За сим, сударь, пойдемте-ка, отольем избыток выпитого вина: я не знаю более приятного занятия, как мочиться на свежем воздухе.

Они помочились. Сад был пуст. Подстриженные буксы напоминали пирамиды сложенных ядер. Шахматная доска цветников и аллей походила на разбивку лагеря. Маршал облокотился на балюстраду террасы. Внизу на равнине все спало. Мрак краснел от сторожевых костров. Ночь была спокойна, прозрачна и серебриста от луны, поднимавшейся в небе, как молчаливая и светлая бомба. Тысячи людей слились в один сои. Там были люди всякого сорта, пришедшие из бургундских виноградников и от пикарских земель,

уроженцы Мансо и Босерона, перигурдинцы и гасконцы. Здесь спала Франция. Все они покинули свои города, свои замки или лачуги, чтобы образовать эту живую массу. Теперь они одеты в синее или красное, носят мушкет или пику, тащат пушки, следуют за рожком или штандартом. Могущество, сильнее, чем они, заставляет их действовать, имея в виду только общую цель – идти, останавливаться, сражаться или спать. Стоит раздаться тревоге – и они будут на ногах, каждый в своем ряду, готовые принять своим телом такие удары, что его останется лишь похоронить или оставить на корм воронам.

И Антуан стал представлять гулкий шум этого пробуждения и небо, вдруг охваченное пушечным и мушкетным огнем, крики, сигналы, звуки копыт, трубы, – и выделяющийся на этом зареве могучий профиль с царственным носом и величественно-отвислой губой, каким он уже его видел мельком при свете факелов, в тяжелом парике и в костюме из золотой парчи, среди восторженных приветствий, ночью. И Антуан испытывал некоторую горечь, что подвиги, которые он не преминет совершить, не будут иметь свидетелем королевский взгляд, умеющий различать даже в пыли сражений тех, кто заслуживает внимания короля, для которого спят здесь тысячи людей, положив рядом с собою мушкет или пику, на шахматной доске битв, при

светлой, прозрачной бомбе молчаливой луны.

Молчание было полным. Антуан слышал, как ветерок тихо шевелил перья на шляпе у г-на де Маниссара. На обратном пути они встретили г-на де Берлестанжа с бумагами. В прихожей несколько кавалеристов играли в карты. Маршал запросто подошел к ним, они были из полка его имени. На площадке лестницы нашли они г-на де Корвиля. Сельский воин спал, сидя на ступеньке, и зеленая веточка была заткнута за шнур его шляпы. Маршал отдал ему кое-какие распоряжения. Г-н де Корвиль выразил Антуану свое удовольствие вновь с ним встретиться и пригласил принять участие в рекогносцировке, которая ему поручена.

Около двух часов пополудни Антуан скакал по дороге бок о бок, сапог в сапог с г-ном де Корвилем. Весь отряд состоял из сотни людей полка Маниссара. Они носили казакины верблюжьего цвета, расшитые красным. Кобуры пузатились от пистолетов. Лица всадников отличались одно от другого – круглые, костлявые, длинные. Скоро выехали в открытое поле. Несколько деревьев венчали довольно пологий спуск. Главная часть отряда остановилась, отделилось пять или шесть лазутчиков. Вороны кружились над деревьями, словно там была засада. Антуан смотрел, как удаляются лошадиные крупы; шпоры жали бока, над пле-

чами выдавались острия сабель. Всадники поднимались в гору, ясно выделяясь на зелени деревьев.

Вдруг одна из лошадей встала на дыбы. На опушке расплылся дымок, раздался звук выстрела. Густые ветки внезапно расступились, обнаружив лошадиные груди. Лазутчики живо повернули обратно, оставив товарища, запутавшегося в седле. Беглецы удирали, преследуемые по пятам. Еще один из них выпал из седла. Лезвие, достигнув его со спины, прошло насквозь. Лошадь продолжала скакать с пустыми стременами. Враги остановились, громко крича. Антуан взглянул на г-на де Корвиля, поглаживавшего шею лошади, и повернул голову.

За ними эскадрон стоял выстроившись. Наведенные пистолеты блестели. В промежутках первой линии видны были головы следующих. Лица внезапно изменились, покраснели или побледнели, глаза округлились или прищурились. Антуан заметил разинутый от страха рот на загорелом лице. Толстая жила синела, вздувшись на чьем-то лбу. На щеках блестели капли пота. Кто-то снял шляпу.

Раздался залп. Эскадрон снялся навстречу. Сшиблись в пыли. Антуан выстрелил, не целясь. Около щеки почувствовал ветер от лезвия. Крики и порох кружили голову. Что-то теплое потекло в сапог, в то же время лошадь мягко осела под ним. Он очутился пешим,

один, Какой-то всадник ринулся на него. Он выстрелил, человек с оранжевой перевязью взмахнул руками. Антуан снова очутился в седле.

– Ну, сударь, – кричал ему г-н де Корвиль, – здесь больше делать нечего!

Недосчитались около пятнадцати человек. Раненых посадили за собою на круп лошадей. Антуан, возвратясь, был слегка удивлен, что г-н де Маниссар не выказал достаточного интереса к тому, что только что произошло и что казалось ему достойным внимания. Не менее он удивлялся и самому себе, как ему удалось совершить нечто противоречащее природе. Но, будучи человеком рассудительным, он не мог не согласиться, что, в конце концов, сам факт нахождения там принудил его поступать как следует, потому что погнать лошадь вперед и выстрелить не целясь считается поступком доблестным.

Но дело это, научившее Антуана, что он при случае может полагаться на самого себя, должно было предупредить г-на маршала, что враги начинают действовать.

Праздношатающиеся по дорогам ежедневно приносили какие-нибудь новости. Они извещали, что большие запасы продовольствия и пороха сосредоточиваются в Дортмюде, что с каждым днем усиливаются работы по укреплению, так что с каждой минутой

он делается более трудным для взятия и будет стоить больших потерь.

Было бы совсем иначе, если бы пошли на него прямо сейчас же, после сражения при Могене. Отсрочки маршала и бездействие в домденском лагере подорвали успех предприятия; сильное предостережение напомнило ему также об опасности предпочесть уединенный дом палатке. Действительно, в одну прекрасную ночь была дана тревога несколькими залпами мушкетов, которая заставила вскочить пехоту на ноги, а кавалерию сесть в седло. В минуту весь лагерь был на ногах. Факелы зажигались, барабаны били. Ожидали общей атаки.

Г-н маршал от всего этого шума соскочил с кровати. Антуан нашел его уже во дворе, верхом. Волосатые ляжки его сжимали без седла шкуру животного. Казакин внакидку, парик наискосок, он собирал свой штаб. Вокруг него теснилось несколько всадников из его стражи и лакеи, вооруженные как попало. С минуты на минуту можно было быть сбитыми с позиции. Достаточно было бы сотни людей, чтобы произвести решительный удар. Опасность эта, казалось, почти не смущала г-на де Маниссара, равно как и необыкновенность находиться полуголым в позе, которая легко могла бы показаться смешною. Антуан не находил в этом ничего смешного, настолько лицо маршала вы-

ражало храбрость и решительность.

Они были кстати, так как слышалось уже приближение конской рыси. Тягостное ожидание скоро разрешилось, это был отряд, приведенный г-ном де Корвилем. От него узнали, в чем дело. Натиск был произведен неприятельской кавалерийской частью, которая, рискнув угнать несколько голов скота, быстро рассеялась. Г-н де Маниссар мог отправляться обратно в постель. Он пролежал в ней несколько дней, боясь, не схватил ли он простуду. Он питался лучшими мясными блюдами и прохладительным. Домденские красавицы присылали ему изысканные сласти. Он принимал посланных представительниц, накрывшись одеялом, а г-н де Берлестанж стоял у него в изголовье. Г-н де Берлестанж неусыпно наблюдал за ним. Маршалу это надоело, и он жаловался Антуану. С самого начала кампании бедный г-н де Маниссар жил воспоминаниями, с грустью вспоминал время, когда война для него сопряжена была с любовными приключениями, и, лежа на своей постели, с сожалением думал об удовольствии, которое испытываешь, разделяя эту постель с женщиной. Но Берлестанж находился при нем. Он часто писал жене маршала и исполнял свои обязанности добросовестно. Антуан, в свою очередь, мечтал о г-же Даланзьер, испытывая некоторую горечь при мысли, что Корвизо в данную минуту, быть

может, щупает ей пульс и чувствует, как он несколько ускоряется от присутствия его гнусной личности.

Тем временем прибыл курьер от короля с приказом поспешить с осадой Дортмюде. Г-н де Шамисси, все время торопивший с этим г-на де Маниссара, торжествовал. В глубине души он надеялся, что г-н маршал, часто подвергавший себя опасности в окопах, кончит тем, что рано или поздно получит достойную награду за свою отвагу. При этой мысли желтый зуб Шамисси еще глубже закусывал его губу; это очень забавляло маршала, говорившего, что Шамисси так внимательно следит за малейшим случаем, который мог бы приблизить его к маршальскому жезлу, что он, Маниссар, охотно ему его дал бы.

Х

Три дня назад, т. е. 27-го мая, были вырыты окопы перед Дортмюде. Неприятель оставил в городе достаточно хороший гарнизон под управлением г-на де Раберсдорфа, человека больших достоинств и твердости. Место было в изобилии снабжено провиантом и пушками, а потому нельзя было рассчитывать взять его врасплох. Оно сдалось бы только при правильной осаде. Г-н де Маниссар принялся за более активное выполнение этой задачи. Он не скрывал, что подобного рода операций недолголюбивает. Действительно, они требуют постоянной заботы и напряженной бдительности. Тут нужны настойчивость и терпение, чего не было в характере г-на де Маниссара. Он был человеком поступков быстрых и решительных. В них, раз выйдя из обычной своей лени, он выказывал изумительную стремительность и пылкость. При его нелюбви к рассчитыванию переходов и маневров, к комбинированию планов, раз войска выстроились к битве, он особенно хорошо умел одерживать победу каким-нибудь смелым ударом. Его удача в этом отношении вошла в поговорку – донесения нравились министрам, так как чаще всего в них заключались благоприятные новости.

Несмотря на свое отвращение к копанью земли и проведению траншей, г-н маршал энергично вел саперные работы, чтобы как можно скорее добраться до гарнизонного корпуса. Кирки взрывали землю, выгребаемую лопатами. Окопы проводились правильно, один за другим, и все уже сжимали крепость. Звучала пушечная пальба.

Дортмюде расположен на крутом повороте Мёзы, которая образует естественную защиту с одной стороны. Город почти целиком находится на правом берегу, соединенном мостом с левым, где почти нет построек, кроме редких отдельных домов. Г-н де Маниссар поместил туда много людей и сделал достаточное количество ретраншементов, чтобы оттуда не могли подать никакой помощи осажденным и чтобы для них с этой стороны не было никакого выхода. Со стороны равнины Дортмюде был превосходно укреплен. Его бастионы и рвы были в прекрасном состоянии, кроме того, как добавочные укрепления у него были рavelины, люнеты и т. п.

Все это отлично было видно из палаток г-на маршала. Они разбиты были на некоторой высоте позади линий и стояли так, чтобы до них было легко добраться. Оттуда ясно был виден Дортмюде за углами своих скатов. Широкие валы, обсаженные деревьями, окружали его; из-за них виднелись неровные крыши до-

мов. Они были красные и серые, низкие, словно присевшие, как бы прося извинения за то, что там находятся. Церкви высили свои колокольни, у одной из них была толстая квадратная башня, немного наклоненная на бок, между тем как набатная башня прямо и мощно возносила свои колокола.

Их звон был слышен, когда утихали на время канонады и наступал перерыв между мушкетными залпами. Тогда воронье, ошалевшее от всего этого шума, на минуту переставало кружиться и опускалось на карнизы крыши и ветки деревьев. Гнезда их раскачивались от ветра, доносившего запах пороха. Затем атака возобновлялась. Пушки били в парапеты. Ядра отскакивали и застревали в стене. Обменивались выстрелами с обеих сторон. В траншеях было небезопасно, в крепости не лучше.

Трудность работы усугублялась еще дождем, который лил сначала один день из трех, потом, по крайней мере, один из двух. Шлепали по грязи. Грязь доходила до щиколоток, до колен. Г-н де Маниссар чертыхался, возвращаясь с прикрытия, с набухшими сапогами и насквозь мокрым, как губка, париком. Дождь сеткой струился над Дортмюде. Казалось, город был в плену текучих сетей воды.

Когда г-н де Маниссар обсыхал, в палатку входил господин де Шамисси. Он не переставал внутренне

злиться. Маршал отдал приказ, чтобы остерегались бросать в город раскаленные бомбы и ядра, от которых могли бы загореться дома, и разрешил целиться в крепостные валы. Он объяснял это тем, что ему нечего будет делать с кучами золы и развалин, что он хочет преподнести королю вовсе не плоды разрушительной артиллерии, но город, взятый аккуратно, чтобы каждый камень был на своем месте. Г-н де Шамисси, напротив, хотел бы видеть Дортмюде объатым пламенем, а всех жителей спрятавшимися в подвалы. Он советовал пустить в ход мортиры и горько жаловался, что не внемлют его советам.

Антуан присутствовал при спорах. Он повсюду сопровождал маршала и учился у него, как вести себя под огнем. Г-н де Маниссар не кланялся пулям даже в самых опасных местах. Казалось, он забывал, что у него есть тело. Антуан достаточно помнил об этом и иногда наклонял немного голову, а по коже у него пробегал совершенно особенный холодок. Но, несмотря на это, он держался довольно стойко.

Иногда он интересовался, как ведут себя Жером и Жюстен. Полк, где они служили волонтерами, стоял около Мёзы. Туда он ходил навещать их. Выражение лица у них было хитрое, лбы нахмуренные. Отзывы, которые о них давал их ротный, г-н де Берту, были самые отрицательные. Они выказывали себя сварливы-

ми, неуживчивыми и водились с отъявленными негодяями. Неоднократно их почти силой приходилось водворять в траншеи. По правде сказать, оба бездельника были удручены тем, что там находились. Они представляли себе войну в виде охоты и грабежа и думали, что можно целиться в неприятеля, как в дичь, или поймать его на удочку, как мелкую рыбешку. Вместо этого надо было действовать заступом и мушкетом. Корвизо не это обещал им. Так что они жалели об Аспревале, о монастырских прудах, где целыми днями были заняты изготовлением капканов и ловушек, и подумывали, не вернуться ли им обратно. Единственным удовольствием для них было раскидывать по Мёзе большие сети, чтобы в них запутывались лодочки, возившие по течению из Намюра почту в Дортмюде. Те пробовали переправляться вплавь, и Жером с Жюстеном очень забавлялись, когда один раз поутру в сети попался совершенно голый человек с кожаной сумкой на груди. Но ловля людей совершенно не могла разогнать их скуки. Они бы ушли с дезертирами, которых было много, но увидели, как однажды кое-кого из них привели обратно в лагерь и провели сквозь строй. Нужна была крепкая дисциплина, чтобы удерживать солдата, тем более что много людей теряли то после перестрелки, то во время вылазок из крепости, которые дортмюдский комендант г-н де Раберсдорф

назначал часто.

Во время одной из них был убит де Керленг. Антуан помнил его, так как видел у г-на де Маниссара в первый день своего приезда в Домден. При нападении на укрепления он был опрокинут взорвавшейся миной и наполовину засыпан обломками. Его принесли на носилках умирающим. Случайно на дороге встретили человека верхом на муле в одежде доктора. Солдаты привели неизвестную личность к г-ну де Керленгу, находившемуся без чувств. Тот объявил, что ему нужна помощь, но это дело хирурга, которым он не является. Солдаты очень любили г-на де Керленга, так что подобный ответ вызвал у них взрыв негодования, и они начали расправляться с Гиппократом, как вдруг к скопищу подъехал Антуан, только что кончивший разговор с г-ном де Бертю. К крайнему своему удивлению он узнал в таком бедственном положении Корвизо. На виркурском лекаре была напялена странная шляпа со стальной тульей и из-под плохо застегнутого костюма видна была горбатая выпуклость кирасы. Корвизо взял ее на подержание из арсенала игумена Валь-Нотр-Дама. Он объяснил это Антуану, когда тот вывел его из затруднительного положения, т. е. когда солдаты увидели, что бедный г-н де Керленг во время пререканий скончался.

Находясь около рощицы, позади линий, вне пущеч-

ных выстрелов, Антуан при взгляде на Корвизо не мог удержаться от смеха.

– Черт возьми, г-н Корвизо, – сказал Антуан, – чему мы обязаны честью видеть вас, да еще в таком прекрасном убранстве? Дело вам здесь найдется, так как тут здорово мрут, и мрут именно так, как вы любите, от болезней, а не только от ранений и всяких случайностей.

– Я с удовольствием замечаю, сударь, – ответил Корвизо, – что как ваше здоровье предохранило вас от опасностей первого рода, так ваша счастливая судьба не допустила вторых. – И Корвизо всунул палец в дырку, простреленную у Антуана на отвороте мундира. – Но будьте осторожней, сударь, и не забывайте, что будущность благородного дома Поканси покоится исключительно на вас. Ах, сударь, зачем вы не остались в Аспревале и зачем там родились в один прекрасный день ваши братья?

– Что вы хотите сказать, г-н Корвизо? Наружность Корвизо приняла странное выражение. Дурное известие обнаружилось на ней в виде гримасы, которая легко могла бы сойти за улыбку. Он промолчал.

– Но говорите же, Корвизо! Что с отцом?

– Он скончался, сударь, – ответил Корвизо, выпрямляясь в своей кирасе, которая скрипнула на соединениях.

Антуан вскрикнул и стал смотреть прямо перед собой. Дождь прекратился. Пушки молчали. Вдали над Дортмюде вороны кружились в светлом и свежем небе. Все это казалось ему отдаленным и прозрачным пейзажем, из которого выступала фигура старого человека в пестром халате и шелковом колпаке, с розовыми скулами и в тонком парике. Потом образ стал слабеть и исчез; снова на ясном небе показался Дортмюде, его крыши, колокольни, неправильные углы укреплений и летучий веноч черных птиц. Антуан плакал, может быть, не потому, что испытывал сильное горе, но потому, что слезы навернулись ему на глаза.

– Извините меня за неожиданное сообщение, сударь, – сказал Корвизо, – но я думал, что между военными людьми разговор должен быть прост и короток. Г-н де Поканси умер, и умер не совсем своею смертью...

Корвизо сошел с мула. Он нюхнул понюшку табаку, пока Антуан поглаживал морду Глоризэты.

– Вот как было дело. Неделию спустя после вашего отъезда мне докладывают, что батюшка ваш исчез. Искали его везде с того самого вечера, как толстый Жакелен понес ему ужин наверх и нашел комнату пустой. Я отправился в Аспреваль. Все в помещении г-на де Поканси находилось в обычном порядке. Откры-

ли шкафы: один из них был битком набит всеми лекарствами, которые я ему прописывал с тех пор, как удостоился пользоваться его. Я принял всевозможные меры к тому, чтобы найти его, но старания мои были напрасны. Я очень разгорячился от всей этой кутерьмы, и мне вдумалось спуститься в погребок. Каково же было мое удивление, сударь, когда в самом низу лестницы я наткнулся на распростертое тело! Я подношу свечку и узнаю вашего отца! Он был мертв.

Антуан бросил морду Глоризэты и закрыл лицо руками. Он представил себе снова старого Анаксидомена в халате с цветочками и с румянцем на скулах.

Над Дортмюде сияло солнце.

— Когда я крикнул народ и его хотели перенести наверх, — снова начал Корвизо, — оказалось, что что-то не пускает. Тогда я разглядел, что ноги у г-на де Поканси запутались в своего рода силки, сделанные из веревок и палок и поставленные там для того, чтобы первый, кто вздумал бы спуститься, запутался и свалился; так случилось, что это г-н де Поканси разбил себе голову при падении. Согласитесь, сударь, нужно приписать чуду, что я еще жив, так как вы, наверное, догадываетесь, чьих рук это дело и кому эта ловушка была предназначена. Вот как ваши братцы распростились с честным Корвизо и сделали косвенной виною смерти вашего благородного батюшки!

Антуан слушал удрученно, он испытывал ужас к Жерому и Жюстену. Пока что он попросил Корвизо держать дело в секрете.

– Согласен, сударь, хотя негодяи не заслуживают этого. Ведь, в конце концов, – воскликнул Корвизо с неподдельным гневом, – я бы мог, благодаря их милости, погибнуть от несчастного случая, т. е. умереть самым нелепым и пошлым образом, поскольку мы сами в подобных обстоятельствах не играли бы никакой роли, и ни при чем тут недостатки наших органов или неблагоприятная отвага. И ничто бы меня не огорчило до такой степени, как быть обязанным своим небытием хитростям двух злостных безумцев, на опасность которых я вам неоднократно указывал и освободить вас от которых должна была бы первая пуля.

Антуан сообщил маршалу о понесенной им утрате, Гн де Маниссар, конечно же, посочувствовал ему, но был скуп на слова, так как его очень занимал приказ атаковать рavelин, мешавший работам.

Приступ начался с наступлением ночи, сопровождаемый грохотом канонад и залпов, и закончился, когда укрепление уже было взято взрывом мины, причинившим большой вред победителям.

От шума битвы Корвизо чуть не лишился чувств, обливаясь потом от ужаса в своей кирасе, которую он ни за что не хотел снять, зная, что он так близко на-

ходится от опасного места. Однако ему все-таки пришлось выйти из Антуановой палатки, где он притаился, чтобы умерить свой страх. Это он сделал с разными кривляниями, глядя как по темному небу летели блестящие бомбы, посылаемые, несмотря на запрещение, мортирами г-на де Шамисси в самую середину Дортмюде.

Корвизо дорого бы дал, чтобы находиться подальше от этого грохота, от которого у него страдал слух и расстраивался желудок, и он жалел о путешествии, предпринятом не столько для того, чтобы известить Антуана о печальной участи г-на де Поканси, сколько для того, чтобы побудить г-жу Даланзьер к решительным поступкам. Она, которая без вздоха сожаления отпустила Антуана, чуть не упала в корчах, когда Корвизо объявил ей о своем намерении отлучиться. Доктор обращался с нею высокомерно и предоставлял ей изнывать по его непрезентабельной личности. Г-жа Даланзьер, не привыкшая к подобным строгостям, почувствовала с удвоенной силой капризное желание к этому человеку, странному до такой степени, что он пренебрегал самыми ясными и подчеркнутыми авансами. Корвизо был до оскорбительности равнодушен. Иногда женщинам не стоит особенного труда предлагаться, но они с трудом переносят, когда их отвергают, и часто впадают в гнев вследствие этого; но г-

жа Даланзьер терпеливо переносила грубости Корвизо. Напрасно она выставляла! ему напоказ лучшие части своих толстых прелестей. Корвизо продолжал чваниться. Можно было подумать, что он дал ей принять какого-нибудь зелья из своих реторт, так мало поддавалась объяснению ее любовь к такому уроду.

Самым сильным ударом было объявление Корвизо, что он едет в действующую армию. Он уверял, что вызван маршалом де Маниссаром – со времени своего визита к нему в Аспреваль Корвизо важничал. Виркурские горожане, видевшие, как он ехал в одно прекрасное утро в карете с пунцовыми подушками, почувствовали, как увеличивается их уважение к этому уроду. Г-жа Даланзьер при этой новости разразилась жалобами. Ничто не помогло. Единственное, чего она добилась, это чести застегнуть кирасу, которую Корвизо из благоразумия пожелал надеть. Для этого она и пришла к нему. Он принял от нее сию услугу, но ничем на нее не ответил, г-жа Даланзьер с глубоким вздохом должна была покориться равнодушию своего возлюбленного. Весь Виркур подошел к дверям посмотреть, как уезжает Корвизо верхом на своем муле Глоризте.

На его же спине, следующим утром, оправившись от ночных страхов, Корвизо пустился на поиски Жерома и Жюстена. Он попросил точно указать место их стоянки. Было объявлено перемирие, чтобы убрать

убитых и раненых во время взятия рavelина. Так что Корвизо ехал смело, прислушиваясь к колокольчикам своего мула. Так как погода была хорошая, множество горожан и горожанок воспользовались случаем выйти погулять по крепостным валам. Видно было, как они разгуливали взад и вперед, под ручку и группами между солдат, которых они наделяли деньгами и вином. В другом месте танцевали под скрипки. Женщины щупали похолодевшую бронзу пушек. Комендант г-н де Раберсдорф останавливался то там, то сям со своими офицерами. С ним усиленно раскланивались. Дортмюде казался праздничным. Перезвон колоколов отчетливо несся в небо.

Чтобы найти молодых де Поканси, Корвизо пришлось отправиться к месту, где наказывали упрямых, нерадивых или нечистых на руку солдат. Их было достаточное количество, и дня не проходило, чтобы кого-нибудь не наказывали розгами или на деревянной кобыле. Зрелище это развлекало Жерома и Жюстена, и они старались не пропустить его. Наказание привлекало много зрителей, маркитанток и шинкарей, а так как они часто терпели ущерб от солдатских проступков, то любили смотреть, как за них наказывают. Место было очень оживленное, тем более что местные и приехавшие вместе с обозом девки с удовольствием слушали, как щелкали розги по покрасневшей

коже обнаженных тел.

Господа де Поканси заседали в этом злачном месте на скате пригорка, по обеим сторонам у них было по растрепанной потаскушке, потому что они вдалились в распутство и, начав сравнительно поздно, старались наверстать потерянное время, с утра начиная пить. Жюстен пил из горлышка бутылки, а Жером ждал, пока он кончит, когда Корвизо, сойдя со своего мула, отыскал их в толпе.

Какого-то человека, обнаженного по пояс, заканчивали пропускать сквозь строй. Ему кричали ругательства и подбадривали. Он был бледен и едва держался на ногах. Корвизо медленно приблизился к двум братьям и коснулся длинным крючковатым ногтем плеча Жерома, который порывисто обернулся. Желтое лицо его загорело, и веснушки потемнели, как вареная че-чевица. Жюстен, равно как и брат его, казалось, удивились, увидя Корвизо.

– Вы очень благоразумно поступаете, господа, – начал он с лукавым видом, – присматриваясь к тому, что здесь делается. Наблюдая действие розог на другого, вы научаетесь здесь многому, что может вам пригодиться. Жаль, что здесь не вешают и не укорачивают людей, зрелище было бы для вас полезным, хорошо бы вам и к нему приучиться.

Жером и Жюстен насторожились при таких словах

и отвели Корвизо в сторону. Когда он расстался с ними более чем через час, он потирал руки, веселенький и довольный, словно кто-нибудь заплатил ему старый долг.

Жером и Жюстен узнали от Корвизо о смерти их отца и что виною ее были их опасные сооружения. Он хотел предупредить их о том положении, в котором они находятся. Суд их разыскивает и скоро на месте арестует. Тюремны им никак не избежать. Корвизо с удовольствием сгущал краски. Сделать это ему было нетрудно, так как, несмотря на ненависть, которую они к нему питали, влияние его на их доверчивость было велико. Их наивные и грубые души, хотя физически они сделались уже взрослыми мужчинами, во многих отношениях оставались в состоянии детства. Так что Корвизо получил большое удовлетворение, увидев, как они задрожали от страха, как желтые лица их побледнели, а глаза расширились, словно они уже видели, как высится виселица и квадратится плаха.

Именно до такого состояния и хотел довести их злопамятный Корвизо с тем, чтобы легче погубить Был у него, по его словам, способ спасти их из этого положения, но он колеблется, предложить ли им его. Они стали умолять, так как Корвизо заставлял себя упрашивать. Средство заключалось в том, чтобы они с письмом и деньгами, которые он им даст, сегодня же ночью

удрали, стараясь быть не замеченными и никому не говоря ни слова, и добрались до Льежа, находившегося не далее чем в пятнадцати верстах по Мёзе. Там они спросят, где живет Ван Спердик. Ван Спердик друг Корвизо, предоставит им возможность достигнуть Амстердама и сесть на морское судно.

Молодые господа де Поканси задрожали от радости при описании жизни, ожидавшей их на корабле, которую нарисовал им Корвизо. Это нисколько не походило на жалкое существование в лагере. Жерому представлялось как на диких островах он убивает необыкновенных животных, Жюстен мечтал, как будет ловить летучих морских рыб. К черту ружейные приемы и саперные работы! Они будут свободными! Правосудие может гоняться за ними. Они чувствовали, будто гора у них свалилась с плеч, так что к концу его речи оба дезертира охотно бы расцеловали Корвизо, особенно когда он вручил им тяжелый кошелек. Правда, набит он был фальшивыми монетами. Неизвестно откуда они были у Корвизо. Он очень дорожил ими, и его забавляло пересчитывать их, не без мысли о глупости людей, прилагающих такие труды к подобному производству, меж тем как сами они представляют из себя рассадник всяческой лжи, худшей, чем обман суетными изображениями. Корвизо не нашел лучшего применения опасному этому кошельку, чем

вручить его молодым беглецам. Он не преминет доставить им затруднения, которые могут далеко их завести.

К тому же тут замешан Ван Спердик, и скоро оба молодца поплывут к океанским островам, и будет чудом, если они оттуда вернутся – Ван Спердику отдан приказ следить, чтобы этого не случилось. Что касается Антуана, то если он узнает когда-нибудь об этом, то должен быть лишь благодарен Корвизо за то, что тот освободил его от неудобных родственников и наказал виновников смерти старого Анаксидомена.

И меж тем, как господа де Поканси мчались по предначертанному судьбой пути, Корвизо из Виркура снова тихонько сел на своего мула. Да и пора было – перемирие кончалось с заходом солнца, и обе стороны начали приготавливаться. Солдаты бежали вооружаться и шли на свои позиции. Дортмюде казался весь позолонченным, в большом отдалении, со своими крышами, колокольнями, каланчою, в изломанном кольце своих укреплений.

Г-н Корвизо спешил. Он доехал до Домденской дороги. Мул его шел в облаке пыли, шел иноходью смешная тень от его ушей удлинилась сверх меры потом побледнела и исчезла. Корвизо обернулся. Солнце село за Дортмюде, теперь совершенно черном на поалевшем небе. Раздался пушечный выстрел; это

было сигналом к возобновлению огня, и г-н Корвизо, довольный, что пальба у него за спиной, удалялся тихим шажком, удовлетворенный всем сделанным за день и результатами своего путешествия. Чтобы прочистить ум и быть готовым воспринимать приятные мысли, которые не замедлят прийти ему в голову, он взял из табакерки понюшку табаку и медленно забрал ее носом до последней крошки.

XI

Г-н де Маниссар довольно резко заткнул рот г-ну де Шамисси, когда тот на общем совете заявил ни более, ни менее как о том, что следует бросить Дортмюде, который заняли всего семь дней назад, так как это было 21 июня, а гарнизон оттуда вышел 15-го утром. Переговоры о сдаче начались 13-го сдачею заложников. Комендант, г-н де Раберсдорф, соглашался сдать крепость на следующих условиях: выйти с лошадьми, оружием и обозом, при барабанном бое, с распущенными знаменами, с ядрами в пушках, фитиль которых был бы зажжен с двух сторон. Разногласие происходило из-за артиллерии. Г-н де Раберсдорф хотел всю увезти с собою. Но ему пришлось удовлетвориться двадцатью четырьмя орудиями. Он прошел между выстроенными шпалерами войсками, отдававшими ему честь мушкетами и пиками. Г-н маршал к этим почестям присоединил еще кучу любезностей, к чему г-н де Раберсдорф, по-видимому, был весьма чувствителен. Город он оставлял в хорошем состоянии, целым и с весьма незначительными повреждениями в укреплениях, что делало мало-понятной поспешность, с которой он сдался и покинул крепость.

Причины этой поспешности выяснились из показа-

ний лазутчиков и бродяг. По ту сторону Мёзы происходило скопление вражеских войск. Большое количество свежих сил, конвоя и обоза указывало на какие-то важные планы, и г-н де Раберсдорф несомненно получил приказ во что бы то ни стало присоединить к общему корпусу старый гарнизон Дортмюде и себя лично. Значительно ухудшало положение то обстоятельство, что приближалась армия с Мозеля, которая легко могла зайти в тыл г-н Маниссару. С другой стороны, нельзя было особенно рассчитывать на маршала де Вораю, который старался приблизиться к Мёзе, но до сих пор встречал к этому сильные препятствия.

На этих основаниях г-н де Шамисси и советовал оставить Дортмюде и отойти на позицию более выгодную, чтобы выдержать двойную атаку или, по крайней мере, не открывать границы. Настойчивость его раздражила г-на де Маниссара и побудила к грубости, от которой г-н де Шамисси побледнел. Все молчали, признавая справедливость слов г-на де Шамисси. Г-н де Монкорне и г-н де ла Бурлад смущенно переглядывались, но Шамисси не считал дело проигранным и начал с удвоенной силой.

Г-н де Маниссар выслушивал его доводы с красным и упрямым лицом. Обычная мягкость покинула его. Он ударил кулаком по столу и объявил, что остается в Дортмюде. Однако главные силы армии он согла-

сился отправить в тыл, чтобы наблюдать за движением неприятеля. Что касается его самого, то он считал себя достаточно сильным, чтобы занять людей по ту сторону Мёзы. Итак, пусть г-н де Монкорне и г-н де ла Бурлад отступают, а он запрется в Дортмюде.

– И я надеюсь, сударь, – обратился он к г-ну де Шамисси, – что вы не откажетесь разделить со мною кампанию.

Г-н де Шамисси, позеленев, поклонился.

– Г-н маршал, сочту за честь повиноваться вам, но возьму на себя смелость отписать ко Двору мое мнение относительно всего этого.

Г-н де Маниссар сделал жест, что это ему почти безразлично, и закрыл собрание.

Когда все ушли, он довольно долго ходил взад и вперед по комнате. Это была довольно обширная зала, высокие окна которой выходили на главную площадь Дортмюде, где находились городская ратуша, рынок и каланча. Стенные ковры были оправлены в резное дерево. На них изображена была зелень деревьев, роши и цветы. Маршал долго смотрел на них, наконец поправил перед зеркалом парик и толкнул потайную дверцу. Она вела в соседнее помещение. Молодая женщина, сидевшая в кресле, поднялась при входе г-на де Маниссара и сделала самый светский поклон, отчего залаяла маленькая собачка

и запрыгал скворец в позолоченной клетке, спускавшейся с потолка на красном шелковом шнуре с мохнатыми кисточками. Дама была живой, черноволосой и хорошенькой. Шелковое платье ложилось красивыми складками вокруг ее тела и падало на кончик зеленой туфли. Около нее на столе пузатился музыкальный инструмент с деревянной инкрустацией, а из горлышка китайской вазы вырывались тонкие стебли пестрых тюльпанов.

Дортмюдские горожане хорошо встретили королевские войска, в особенности же самого маршала де Маниссара; еще немного и они украсили бы флагами его путь. Они были ему благодарны за то, что он избавил их от бомб. Так что все наперебой старались заполучить себе господ офицеров на постой. Бургумистр Ван Верленгем упросил г-на де Маниссара оказать ему честь остановиться у него в доме, как самом вместительном и удобном во всем городе. И действительно, г-н де Маниссар чувствовал себя там очень хорошо, особенно дней через пять, так как на второй же день г-жа Ван Верленгем дала понять, что она хочет по-своему тоже способствовать благосостоянию гостя. Г-н маршал, быстро поняв сущность благоприятствующих обстоятельств и томясь с самого начала кампании, был в восторге и чувствовал себя на седьмом небе, тем более что телом дама была свежа и

деликатна, наружностью красива и привлекательна, и кожа ее при лампе казалась смугло-золотистой, что делало г-на де Маниссара влюбленным.

Чувство это заставляло г-на маршала находить пребывание в Дортмюде превосходным. Место это сразу показалось ему лучшим, какое может быть, раз он ежедневно здесь виделся со своей возлюбленной. Ему оставалось только придумать способы удалить Ван Верленгема; в них не было недостатка. Г-н де Маниссар чувствовал себя счастливейшим человеком в мире. Он думал об этом по ночам, со странным удовольствием, покуда не услышит, как звонят колокола на каланче и ходят патрули по мощеной площади. Он прислушивался, как жужжат проснувшиеся мухи в стеклянной бутылке, подвешенной на стенке, чтобы они туда попадались, и, разумеется, во время своей бессонницы он скорее обдумывал свои любовные уловки, чем военные планы. Но более всего ценил он и считал козырем в своей игре сознание, что в это время внизу г-н де Берлестанж, прикованный к постели припадком каменной болезни, кричал от колик и собирал на тарелку мелкие камешки, извлечение которых стоило ему достаточного труда, чтобы он забыл о миссии, возложенной на него супругою маршала.

От этих прелестных благоприятных обстоятельств и нежданной свободы г-н де Маниссар ни за что не со-

гласился бы отказаться, потому-то он с таким яростным упрямством и оставался в Дортмюде. Г-ну де Шамисси не были известны эти личные причины, да если бы он и знал их, то не придавал бы им значения, будучи некогда гугенотом и достаточно сохранив суровые взгляды на жизнь. Они не мешали ему иногда предаваться отчаянному разврату, но фантазии г-на маршала показались ему чудовищными, так как они вредили интересам кампании и особенно славе, на которую в этом деле мог надеяться г-н де Шамисси.

Остальные офицеры, принужденные оставаться в Дортмюде с г-ном маршалом, приспособились довольно хорошо. Осада, которую предстояло выдержать, имеет свои преимущества, одно из которых — это легкость, с какой можно иметь женщин, а дортмюдские женщины привлекательны и податливы. По крайней мере, таково было мнение г-на Даланзьера, с которым Антуан встретился на площади. Комиссар казался вполне довольным. Он был толст, краснолиц и имел представительный вид в широком красном кафтане, обшитом серебряным позументом, шляпа на затылок и упругие икры под чулками клинышками. Он очень обрадовался Антуану и задержал его, чтобы выразить свое удовольствие. Он был как частное лицо и не стремился к общественным занятиям. О последних он выразился с гримасой: провианта не

было в достаточном количестве; конечно, гарнизон не сразу почувствует недостаток в нем, но обывателям придется подтянуть животы. Он не жалел их, но в осажденном городе недостаток продовольствия имеет свои неудобства, производя возмущения и порождая измену.

К женщинам, однако, он относился с жалостью.

– Они, сударь, здесь как раз в меру и от первой осады не пострадали. Правда, она недолго длилась. Боюсь, что вторая будет для них менее благополучна и окончится не в нашу пользу. Ах, сударь мой, у них груди как на заказ и соответственные зады. Кожа их бела.

Даланзьер уже выбрал себе двух любовниц и, чтобы ни одной не обижать, обеих клал к себе в кровать. Он в подробностях описал их Антуану.

– Ах, сударь! – говорил он. – Они лучшие из здешних молодых женщин, а только в молодости подходит быть толстой. Молодая кожа нежнее растягивается от полноты: ткань, если она тонка, делается еще тоньше, и ничто не может с этим сравниться. Можете вы себе представить сухощавый плод?

Он продолжал:

– И какое изголовье, сударь, две эти груди! Что может быть приятнее неопределенности, когда точно не знаешь, кому из двух принадлежит эта ягодица и это бедро, до такой степени они равны, свежи и выпуклы!

Г-н Даланзьер облизнул толстые губы. Он предложил свои услуги Антуану и обещал кое-что найти для него. Разве он не знает его вкуса? Антуан покраснел, так как это могло быть намеком на его связь с г-жою Даланзьер. Она представилась ему на балконе при свете ночных факелов, под звон колоколов, в тот вечер, когда король проезжал через Виркур. И он считал себя счастливым, что содействовал прославлению такого великого владыки, взяв для него этот Дортмюде, который теперь придется оспаривать у врагов.

Расставшись с г-ном Даланзьером, Антуан отправился к валам, где производились работы. Валы нужно было поправить и сделать более плотными, а мосты, наведенные через Мёзу, – сломать. Устанавливали батареи. Пространство между кольями засыпали хворостом и слоем свежей земли на каждый слой хвороста, все это обильно шпиговалось кольями. Готовили мины и фугасы. Порох закопали под землю в верном месте. Вся армия для ускорения участвовала в этих работах, и только после их окончания г-н де Монкорне и г-н де ла Бурлад удалились, как было условлено. Немного спустя после их отбытия известили о приближении неприятеля. Кавалерия его показалась прямо против редута, находившегося перед мостом. Антуану было видно, как крупные немецкие лошади встали на дыбы от пуль, которыми их встретили.

Обложение производилось правильно и последовательно. Г-н де Раберсдорф лично руководил им и удивительно преуспевал в этом, хотя ему и мешали частые вылазки, вносящие беспорядок в его линии. Во время одной из них дело дошло до того, что саперы сравнивали с землей начатую работу. Несмотря на это, г-ну де Раберсдорфу удалось завершить окопную линию и установить свои батареи.

Вскоре они открыли огонь, хотя дортмюндские пушки часто их сбивали с позиций. Г-н де Раберсдорф не церемонился, как маршал де Маниссар, так что ядра и пули ежедневно осыпали город. Г-н де Маниссар являлся повсюду, где его присутствие могло быть полезно для поднятия духа солдат. Антуан с восторгом наблюдал, как он непрерывно подвергает себя самым настоящим опасностям, меж тем как он же старался избегать опасностей мнимых. Настоящие опасности встречал он с таким спокойствием и равнодушием, что г-н де Шамисси бывал пристыжен. Последний, разумеется, держался прилично на укреплениях, но ходил там так сгорбив и без того довольно сутулую спину, будто столь желаемый им маршальский жезл как палкой колотил его по плечам. У г-на де Маниссара, наоборот, под огнем вид был расцветающий. Нужно было видеть, как сам он отдавал команду наводить пушки и следил глазами за фитилем. Он высовывался

из-за прикрытия, чтобы посмотреть, куда попадет снаряд, и хлопал в ладоши, когда ядро взрывало траншею или разваливало палисад.

Повсюду, где бы он ни появлялся, вражеский огонь усиливался. Однажды ядро шло прямо на него и не попало только чудом, убив двух человек около него и его самого обсыпав землею. Г-н де Шамисси, находившийся в пяти шагах за ним, подумал уже, что сделанся маршалом. Черты эти воодушевляли солдат, и г-н де Маниссар был очень популярен. Он запретил в окопах снимать перед ним шляпы.

Г-жа Ван Верленгем вознаграждала его за труды, и все свободное время он проводил с нею. Он находил ее сидящей у своих тюльпанов. Скворец качался в клетке. Г-н де Маниссар просил ее петь. Она брала инструмент со стола и заставляла звучать струны. Их дребезжащий звон смешивался с заглушенной пальбой.

Антуан с восторгом наблюдал, как легко переходил г-н де Маниссар от военных забот к утехам любви. Впрочем, в Дортмюде не было недостатка в удовольствиях. Господа офицеры развлекались как нельзя лучше. Даланзьер менял своих парных любовниц, и Антуан задавал себе вопрос, почему он остается одиноким. Он думал об этом однажды, идя по мостовому реду, как вдруг услышал, что его окликнули по

имени. В стене, мимо которой шел Антуан, была только одна калитка с окошечком. Он вошел и очутился лицом к лицу с г-ном де Корвилем. Офицер был без мундира, в рубашке, и в одной руке держал заступ, в другой – лейку.

– Ах, это вы, г-н де Поканси! Посмотрите, сделайте милость, как они растут!

И он указал Антуану на гороховую тычинку в углу спокойного, залитого солнцем садика, где летали бабочки.

– Погода для них самая подходящая, – продолжал г-н де Корвиль, – не слишком сухо, не слишком сыро, и такая погода продолжится, сударь, потому что ветер благоприятный.

Г-н де Корвиль был счастлив. По его приезде в Дортмюде г-н Даланзьер указал ему домик, видневшийся в конце сада с выступающим наличником и узкими окнами, к которым были приделаны зеркала, чтобы видеть, кто подходит. Когда г-н де Корвиль проник в него, молодая женщина, прилично и просто одетая, вздрогнула, но приняла его учтиво. Все у нее было крайне чисто. Пол в белую и черную клетки блестел под ногами. Синий фаянс и красная медь стояли друг против друга, и перед стульями лежали квадратные половички, чтобы ставить на них ноги, если подошвы в грязи.

В первую же ночь г-н де Корвиль, по военному обычаю, постучался в дверь хозяйки, но в ответ услышал только, как щелкнула задвижка. На следующее утро молодая женщина бросилась к его ногам, умоляя в самых трогательных выражениях пощадить ее честь. Муж ее, купец, не мог вернуться в Дортмюде вследствие двух осад. На портрете, висевшем на стене, у него было честное лицо. Он женился на ней по любви поскольку был богат, а она, дочь бедняков, пасла овец по Мёзе. У нее были волосы цвета влажного песка и глаза серые, как река утром.

Г-н де Корвиль был тронут и оставил ее в покое. Они вели долгие беседы и отлично сошлись. Она чистила ему платье и штопала ему дырки. Однажды, когда он долго не приходил с атаки, в которой пятьдесят маниссаровых кавалеристов отправились поджечь пороховую кишку от мины, он по возвращении застал ее в слезах. Так что с тех пор он старался возвращаться из отлучек аккуратнее, отчасти чтобы не волновать ее, отчасти из удовольствия вкушать отдохновение от ружейной трескотни под трельяжной купой садика, где верещали птицы и где хорошенькая г-жа Слюис говорила с ним о том, что его больше всего интересовало.

Действительно, она была деревенской и знала толк в растениях, цветах и плодах. Они часами говорили

о прививке, черенках и посевах, меж тем как от пушечных ударов звенела медь и дрожал фаянс. Весь этот грохот не мешал г-ну де Корвиллю заниматься садоводством. Он окапывал, подрезал, полол. Июньское солнце пекло ему спину, и время от времени он подымал глаза к окну, откуда хорошенькая г-жа Слюис смотрела на него в свое наклоненное зеркало как на картину.

XII

Г-н де Корвиль нес на синем фаянсовом блюде первые вишни из своего сада для маршала де Маниссара, когда перед самым носом у него, посреди главной площади, разорвалась бомба. Вишни чуть не рассыпались по мостовой, что было бы очень жаль и г-ну де Маниссару, который, по-видимому, был очень доволен этим лакомством, и г-ну де Корвилю, который имел честь видеть, как прекрасные зубки г-жи Ван Верленгем сейчас же принялись за его вишни.

Действительно, стол в Дортмюде стал весьма посредствен, поскольку прошло больше месяца с тех пор, как началась осада и резервы продовольствия крайне уменьшились. Запасы муки мало-помалу иссякли, и молоть зерно было сопряжено с большими затруднениями, так как неприятельский огонь разрушил почти все водяные мельницы. Хлеб сделался редкостью, и жителям Дортмюде приходилось подбирать животы. Даланзьер, будучи по своим занятиям в курсе дела относительно этих подробностей, рассказывал обо всем Антуану. В желудках бурчало. Первый восторг добрых дортмюдцев по отношению к маршалу де Маниссару значительно спал. Они тревожно переглядывались и начали желать снова увидеть сухое

лицо г-на де Раберсдорфа, у которого было достаточно вкуса защищать крепость ценою только солдатских жизней.

Г-н Даланзьер, по-видимому, не так плохо себя чувствовал во время голодовки. Наоборот, он все толстел, и его красный кафтан с натянувшимися галунами едва мог сдерживать его телеса. Несомненно, у него был какой-то тайный запас продовольствия. Очевидно, с любовницами своими он им не делился, так как жаловался, что они худеют и ему приходится иметь двух зараз, чтобы составить одну себе по вкусу.

Наоборот, г-н маршал продолжал быть довольным своею, и она казалась ему достойной, даже с избытком, того, что он для нее делал. Удовольствие не разлучаться с г-жою Ван Верленгем, казалось ему, вознаграждало за неудобство подобной осады. Ему хотелось, чтобы она вечно продолжалась и чтобы болезнь г-на де Берлестанжа не прекращалась. Берлестанж не вставал еще с постели, и у его изголовья стояла тарелка, полная камушков. Время он проводил, рассматривая свою мочу в стеклянных флаконах. Он не стремился подыматься, так как положение больного теперь имело для него некоторые хорошие стороны.

Г-н маршал, видя, что наступает голод, издал приказ, чтобы говядину приберегали для раненых, а всех

остальных перевели на конину. Сначала солдаты отказывались ее есть, говоря, что она вредна и нездорова, так что офицерам пришлось показать им пример. Г-н маршал умышленно приказывал приносить себе конины на самое место действия и принимался с аппетитом есть ее, говоря, что находит ее превосходной, делать ему это было тем легче, что вследствие отвращения к конине он обманным образом заменял ее куском мяса. Хитрость удалась, и все подчинились обстоятельствам.

Солдаты даже развлекали себя шуточками насчет крайнего положения: им весело было вокруг котлов толковать, что подобное мясо укрепит у них ноги и бедра.

Неприятели, знавшие, до чего дошло дело, и с укреплений которых слышны были разговоры на этой стороне, кричали нашим разные оскорбительные прозвища, вроде «поедателей подкованной дичи», или в виде насмешки подражали лошадиному ржанию.

На это г-н маршал ответил забавной выдумкой, которая развеселила солдат. Придя к окопам около десяти часов вечера, он велел привести какую-то шелудивую кавалерийскую лошадь и привязать ей к гриве и хвосту штук двести зажженных фитилей, после чего ее стали подгонять ударами сабель в зад. А ночь была темной. Как только неприятель это заметил, так

поднялась тревога, да такая, что добрых полчаса не прекращался огонь. Лошадь, испугавшись, вернулась назад, ей снова привязали фитили вместо тех, что она растеряла, и пустили снова. Меж тем весь вражеский лагерь пошел в наступление, барабаны и трубы давали сигналы. Артиллерия наша сделала чудеса. Наконец, животное было убито, но, так как фитили продолжали еще гореть, они все стреляли и только утром увидели, что весь переполох произвела кляча, негодная даже для еды.

Г-н де Рабередорф взбесился, что всю ночь провел на ногах, и задумал план, удача которого могла бы быть опасной для крепости, а именно – отвести воду из рвов, чтобы понизить ее уровень. Ему удалось довести его до того, что во рву осталась только зловонная грязь, запах которой доходил до города. В то же время он устанавливал новые батареи, чтобы произвести брешь, а покуда не скупился посылать на дортмюндские крыши бомбы, раскаленные ядра и снаряды.

Они производили значительное опустошение, не только проламывая крыши домов, но распространяя и пожары. Жители, спрятавшиеся в подвалы, слышали, как рушатся стены и сыплются стекла и черепица. Во многих подвалах обвалились своды от тяжести обломков. Число раненых так увеличилось, что не знали, куда их поместить, многие были убиты на их со-

ломенных тюфяках, и трое маленьких детей, игравших на площади, были разорваны на месте. В саду г-на де Корвиля бомбой разворотило горох на тычинках. А когда г-н маршал давал аудиенцию голове и дортмюдским старшинам в большом зале ратуши, так через потолок, который поддерживали обнажившиеся балки, видно было небо. Г-н Ван Верленгем произнес речь. Он казался длинным и бледным в парадном костюме. Он умолял г-на маршала не доводить до крайности защиту, которая истощает город и грозит ему после бедствий осады ужасами приступа. Г-н де Маниссар ответил ему благожелательно, но убеждал своих дорогих дортмюдцев терпеливее переносить невзгоды; что касается его, то он не считал положение столь критическим, раз г-жа Ван Верленгем, несмотря на голод, не утратила свежести лица и тела. Он убеждался в этом каждую ночь, когда мог в свободное от тревог время ласкать ее, меж тем как славный голова бывал задержан вне дома какой-нибудь служебной обязанностью, изобрести которую в подходящий момент г-н де Маниссар не пропускал случая.

Однажды, когда г-н де Маниссар предавался своим ночным занятиям, внимание его было привлечено непривычным заревом в окнах его комнаты. Загорелась каланча на главной площади. Пожар возник от одного из раскаленных ядер, которые тем более опас-

ны, что место, куда они падают, видно только по производимому ими пожару. В башне были сложены сено и солома, так что пожар занялся сию же минуту, огонь выбивался из окон и окружал верх здания огненными языками и искрами. Каланча горела вся зараз как факел вследствие находившегося внутри нее горючего материала. Балки, на которых висели большие и малые колокола, обвалились с ужасным грохотом, а медный лев на флюгарке расплавился от жара и корчился на фоне красного неба, меняя свои фантастические очертания.

Наутро жители Дортмюде, выйдя из своих подвалов, с грустью взирали на обуглившиеся остатки своей каланчи. Некогда звонили с нее по случаю городских праздников и высочайших въездов. Единственный въезд, который теперь грозил, был въезд солдат г-на де Раберсдорфа. Они ждали этого как благоденствия, устав питаться кониной и крысами и находиться в постоянном страхе, что в любую минуту они могут быть погребены под дымящимися развалинами.

В промежутки между канонадами они робко вылезал» наружу, с пустым животом, прислушиваясь. Прежде всего они не узнавали Дортмюде, так разрушила его бомбардировка. Кучи разваленных стен загораживали улицы, под ногами хрустели стекла. Ветер подымал облака золы. Прекрасные деревья бульвара

украшали теперь укрепления в виде кольев и палисадов. Сохранившиеся дома были пусты. Г-н де Маниссар не хотел покидать дома бургомистра Ван Верленгема и спокойно в нем оставался. Музыкальный инструмент все еще лежал на столе, клетка скворца по-прежнему раскачивала под потолком свои шелковые кисточки. Не хватало только самой птицы: г-жа Ван Верленгем велела зажарить ее на вертеле; жесткое и сухое ее мясо никуда не годилось.

Осада продолжалась. Неудовольствие усиливалось. Особенно женщины выказывали его. В минуты перерыва они в большом количестве собирались на площади, где обычно бывал рынок. Каменные столбы рынка поддерживали продырявленную и шатающуюся крышу. Там прежде выставляли прекрасные овощи и плоды сезона, там знаменитые мёзские рыбы позволяли любоваться разнообразной своей чешуей и свежими жабрами, мясные туши висели на крюках у мясников. Теперь же ничто не могло быть мрачнее этого места. Прошное изобилие Делало еще более горьким теперешний голод. Голод изобретателен и доказывает, что у человеческого желудка существуют неожиданные способности. В Дортмюде ели все, по крайней мере бедный люд; богатые питались припрятанной провизией, которой они ни с кем не делились. Ходили слухи, что у такого-то старшины в подвале

хранится соленая свинина, у другого – другое что-нибудь. Говорили вслух, что г-н маршал не переставал есть и пить в свое удовольствие, но все сходились на том, что толстяк Даланзьер, заведовавший продовольственным делом, ни в чем себе не отказывал.

Это повторялось и на базарных заседаниях. Раздражение среди дортмюдок все росло. Они не могли видеть солдат без злости. Они издевались над их заплатанными мундирами и дырявою обувью. Даже раненые, которых приносили на носилках, не избавлялись от насмешек, и г-ну Даланзьеру неоднократно улюлюкали вслед. Его красная физиономия казалась оскорблением для этих голодающих, а красное его платье напоминало им мясо, которого не было.

Даже конина уменьшалась. Антуан узнал об этом от г-на де Корвиля. Славный человек этот был печален, и сам должен был выстрелить в ухо одной из своих лошадей, перед тем как отправить ее на живодерню.

Маленький садик г-жи Слюис был переверочен бомбой от которой разбились наклоненные зеркала у окон. Вообще бомбардировка, пожар и голод навели отчаяние на Дортмюде, можно было опасаться серьезных беспорядков. Они и случились, когда в одно прекрасное утро г-н де Маниссар проходил через главную площадь.

Как раз только что узнали, что за ночь трое людей

умерло от голода и тела их бросили в Мёзу. Когда маршал показался из-за угла, на рынке стоял смутный ропот, изредка прерываемый отдельными выкриками. Взгляды всех обратились на него, и настала полная тишина, что редко бывает при скопище женщин. Тут были женщины всякого рода: служанки и буржуазки. Были смешаны головные уборы и материи всякого сорта. Все это сборище пристально уставилось на г-на де Маниссара.

Первые ряды расступились перед лошадей. Г-н де Маниссар с трудом продвигался вперед. Вдруг чья-то рука схватила за узду. Столпились. Раздались мольбы, угрозы. Его дергали за полу платья. Образовался крик, нестройный, но единодушный, выходивший изо всех уст:

– Хлеба... хлеба!.. Да здравствует г-н маршал! Хлеба... хлеба!..

Некоторые женщины целовали ему сапоги, платье, другие с угрожающим видом показывали ему кулаки. Крики разрастались в рев восстания.

– Ну, сударыни, позвольте мне проехать! – говорил, раскланиваясь, г-н маршал.

Но толпа не слушалась и не расступалась. Г-н де Маниссар, выведенный из терпения, поднял лошадь на дыбы. Антуан де Поканси, находившийся около него, поступил так же, их примеру последовало

несколько всадников, ехавших за ними. Толпа шарахнулась назад с криками ужаса и гнева. Лошади толкнули грудью женщин и опрокинули их. Какую-то девушку лягнули до крови.

Г-н де Маниссар воспользовался смятением, чтобы добраться до ратуши. Со ступенек лестницы он хотел обратиться к толпе с речью. Та вдруг обернулась круто в другую сторону. Раздался оглушительный крик:

– Смерть Даланзьеру!..

Тот показался из-за угла рынка. Г-н де Маниссар и Антуан узнали его по красному платью.

Внезапно он был окружен и исчез в неистовой свалке, дикий мятеж женщин обратился, на него. То был ужасный натиск. Не переставая пронзительно вопить, они давили друг друга, одни – чтобы посмотреть, другие – чтобы бить его. Вдруг они расступились, и снова стало видно толстого Даланзьера в конце коридора, образуемого ими. Жирное и белое тело его подпрыгивало по мостовой, его волокли четыре или пять мегер. На нем не было ни одежды, ни парика. Перед крыльцом он снова упал без движения. Старуха, которая одна уже дотащила его до этого места, наклонилась над ним и впиалась зубами в ягодицу. Она была растрепанной и гнусной со своим куском мяса во рту.

Г-н маршал сошел на три ступеньки. Старуха смотрела на него с идиотическим видом. Она выплюнула

на землю человеческое мясо и утерла губы. Г-н де Маниссар поднял пистолет: куча пестрых тряпок рухнула на мостовую.

Через пять минут площадь была безлюдна и безмолвна.

– Да, – сказал г-н де Маниссар, передавая обратно Антуану пистолет, который он взял у него из рук, – это лучше всего и послужит им уроком. Красное платье бедного Даланзьера раздражило их аппетит. Но зачем попадаться им на глаза, имея вид свежей туши? А теперь пойдете обедать. Корвиль прислал мне дыню из своего сада. Пускай дадут знать г-ну де Шамисси, я хочу оказать ему любезность, а корки пошлем Берлестанжу: это может быть полезно при его болезни.

У дыни г-на де Корвиля была темная корка, но сочное розовое мясо; это была последняя дыня, которую пришлось кушать г-ну де Шамисси, так как он был убит через день бомбой, пробившей крышу дома и попавшей в низкую комнату, где он жил. Лицо у него было все в крови, и когда обмыли рану, увидели, что он продолжает улыбаться, выставив зуб. Г-н де Маниссар, увидев его в таком положении, испытал чувство скорби, которой г-н де Шамисси наверно не испытал бы по отношению к нему в подобном же случае. В конце концов, Дортмюде действительно был истощен,

и приближалась минута, когда нужно было решиться сдать его. Наступал уже сорок восьмой день с начала осады, а г-н де Монкорне и де ла Бурлад не делали никаких усилий приблизиться к Мёзе, и г-н маршал де Вораи не давал о себе никаких известий. Наконец, накануне г-н де Маниссар застал городского голову г-на Ван Верленгема за чисткой городских ключей и за примеркой, какой они имеют вид на серебряном блюде, на котором ему придется скоро поднести их г-ну де Раберсдорфу.

Этот последний делал все приготовления для общего приступа. Место его стоянки так близко соприкасалось с некоторыми частями рва, что туда падала земля с его прикрытия. Он полагал, что легко займет Дортмюде через брешь, сделанную в его укреплении и кое-как заваленную рогатками и кулями с землей.

Г-н де Раберсдорф пошел бы на приступ немедленно, но во время одной из вылазок было сожжено большое количество фашин. Г-н де Корвиль вел себя в этом деле как нельзя лучше, и обратно принесли его на носилках, раненного в ногу мушкетными выстрелами. В таком виде посетил его Антуан в доме г-жи Слюис. Она горько плакала, видя своего постояльца в таком бедственном положении.

У Антуана не было больше времени заниматься г-ном де Корвилем. С минуты на минуту ждали присту-

па г-на де Раберсдорфа. На третий вечер не ложились. В неприятельском лагере были большие передвижения, но только наутро с удивлением заметили, что траншеи пусты и работы оставлены. Г-н де Маниссар не верил своим глазам. Г-н де Раберсдорф стремительно снимал осаду и спешно переправлялся на ту сторону Мёзы. Весь день прошел в наблюдениях за этим неожиданным зрелищем. Г-н де Маниссар, опасаясь какой-нибудь западни, запретил кому бы то ни было покидать свой пост. Все, что он мог сделать, это послать вслед г-ну де Раберсдорфу конную сотню, чтобы узнать, куда он направляется. Остальная конница была или без лошадей, или на таких лошадях, у которых остались только кожа да кости. Антуан находился в числе привилегированных.

Ночь была достаточно светла, так что они могли удостовериться, что г-н де Раберсдорф удаляется от Дортмюде. К заре он сделал пять или шесть верст и остановился при входе в Валефскую равнину. Антуана чуть не схватили на колокольне, куда он забрался, чтобы лучше видеть. Конный отряд, бывший с ним, окружила внизу неприятельская часть и перебила в церкви, куда он скрылся. Антуан через слуховое окно смотрел на стычку. Случайно лошадь его, привязанная на маленьком кладбище, осталась на своем месте. Он вскочил в седло и направился в Дортмюде.

Было десять часов утра, и Антуан сошел наземь, чтобы отдохнуть на лужку, где бы и лошадь его подкрепилась высокой густой травой; сам он закусил еще неспелое яблоко, как вдруг вскочил: раздался пушечный выстрел со стороны Валефской равнины, где стоял лагерь г-н де Раберсдорф.

Антуан галопом пустился к Дортмюде. Время от времени он останавливался, прислушиваясь. Канонада не прекращалась; Антуан с наслаждением слушал ее заглушенный гул.

Маршал де Маниссар был еще в постели, когда около полудня Антуан явился сообщить ему новость. Завязалось сражение, и г-н де Раберсдорф мог схватиться только с г-ном де Вораем. Г-н де Маниссар сразу выскочил из-под одеяла, не обращая внимания на то, что он обнаружил свернувшуюся там г-жу Ван Верленгем, которая тихонько вздыхала, что ее увидели в натуральном виде, даже без нижней рубашки.

День был тревожный. Г-н де Маниссар шагал по редуту, построенному при входе на мост. Площадь и улицы гудели. Горожане вышли из своих подвалов и наслаждались воздухом на солнце. К четырем часам пополудни начали появляться беглецы. Лошади без седоков бродили по полю, тележки катились вдоль рва. Гарнизон был так истомлен, что офицеры не пытались делать никакой вылазки. Ни у кого не было

уверенности.

Вдруг вдали показался большой конный отряд. Подымая пыль, масса шла прямо на Дортмюде, разобрав что-либо не было возможности. Это могло быть возвращением г-на де Раберсдорфа с таким же основанием, как и прибытием г-на де Ворая.

Наконец, пыль рассеялась. У верховых были мундиры и штандарт полка Лангардери. Их встретили радостным возгласом. Крик: «Да здравствует король!», начавшийся на редуте, обошел весь город – с рavelина на ravelин, с одного укрепления на другое, потом пошел по кривым улицам и разразился в самом центре Дортмюде, на главной площади. Обнимались, пели.

С укрепления при въезде на мост махали шляпами. Солдаты подымали вверх мушкеты и пики. Прислуга у орудий подымала фитили. Всадники приближались. Лошади перепрыгивали через загородки и покинутые траншеи. Земля обваливалась под копытами. Блестели поднятые сабли.

Первый прибывший был на пегой лошади. Он остановился на самом краю рва. У него на сабле был наколот большой круглый хлеб, который он бросил изо всех сил. Каравай взлетел в воздух. От солнца он казался совсем золотым и имел форму короны.

XIII

Г-н де Маниссар выехал верхом навстречу г-ну де Вораю. Маршалы учтиво раскланялись. Весь Дортмюде выстроился на их пути, и постоянно раздавалось: «Да здравствует король!». Невзгоды осады казались забытыми. Припрятанная провизия словно чудом появилась на свет божий. Бутылки с вином ходили по рукам, пили прямо на воздухе. Радость была повсюду велика. Г-на де Ворая принимали как спасителя. Г-н де Ворай был верхом на темной лошади, с маленькой головкой, в красной сбруе и с подвязанным хвостом. Под г-ном де Маниссаром была белая, худая лошадь. Большинство других было прикончено на питание их всадников, так что кавалеристы пешими образовали шпалеры в высоких сапогах, с которых они из тщеславия не сняли шпор.

Г-н маршал де Ворай был коротенький плотный человек. На нем была кираса по старой моде. Большой спутанный парик обрамлял его сероватое лицо со строгими глазами и седыми усами и бровями, которые он постоянно хмурил. Он был непреклонен, ловок, набожен, и в португее у него были защиты частицы мощей. Рукою в буйволовоной перчатке он сжимал голубой жезл с золотыми королевскими лилиями.

Отправились в церковь отслужить благодарственный молебен. Становились на колени прямо на пол, так как скамейки пошли на фашины. Стекла были перебиты, и не хватало куска крыши в углу. Г-н де Ворай мелко крестился. Г-н де Маниссар казался расцветшим и веселеньким.

Своему упорству относительно защиты Дортмюде он был обязан тем, что сделался основным стержнем всей кампании. Г-н де Ворай был ему признателен за это, поскольку терпеть не мог г-на де Раберсдорфа.

Г-н де Маниссар рассчитывал извлечь значительные почести из этого дела, в котором он, кроме того, получил удовольствие частного свойства. Он не без лукавства думал, что прекрасные глаза г-жи Ван Верленгем были путеводными звездами, которым он вверил свою судьбу. Венера и Марс одинаково были к нему благосклонны. Таким-то образом, думал г-н де Маниссар, видимые предметы таят в себе тайные, и самые легкомысленные причины имеют значительные последствия. Он бы охотно поделился своими соображениями с г-ном де Вораем, если бы тот был менее угрюмого характера и был в состоянии оценить подобный урок, служивший сильным доказательством против слепой веры маршала в глубокий расчет, который и составлял, по его мнению, военное искусство.

Единственной досадой для г-на де Маниссара было то, что ему приходилось расстаться с г-жою Ван Верленгем, хотя он достаточно попользовался ею, чтобы быть в состоянии обойтись без нее, но боялся оставить ее во власти ревнивого мужа. Бургомистр, по-видимому, что-то подозревал: у него был странный и нахмуренный вид. Когда г-н маршал возвращался с молебна, где он вдоволь намечтался о своей возлюбленной, он услышал, что в доме – страшный крик. Крики неслись из комнаты г-на де Берлестанжа. Г-н де Маниссар подумал, что у бедняги припадок каменной болезни, но остолбенел от удивления на пороге при виде открывшегося перед ним зрелища.

Берлестанж, в ночной рубашке и в колпаке, бегал, насколько ему позволяли его волосатые ноги, преследуемый сильными ударами веревки, наносимыми ему г-жою Ван Верленгем. Молодая женщина потрясала длинной шелковой плеткой с кисточками, которая была ничем иным, как шнурком, на котором обычно висела пустая клетка скворца. У Берлестанжа было такое смешное выражение лица, что г-н де Маниссар расхохотался, а г-н бургомистр, следовавший за ним по пятам, разинул рот и вытаращил глаза.

Тогда г-жа Ван Верленгем объяснила им, что означает эта сцена с г-ном де Берлестанжем. Она спустилась к мнимому больному с лекарственной на-

стойкой, а он захотел, не вставая с постели, допустить с ней преступные вольности, за что она его и наказывала, Говоря это, она смотрела на мужа, у которого при таком доказательстве добродетели исчезли все сомнения, какие он мог бы испытывать. Г-н маршал рассыпался с самым серьезным видом в похвале г-же Ван Верленгем, на что она отвечала, отвесив учтивейший поклон, что нет никакой заслуги дать отпор наглецу, когда сумела устоять перед более знаменитыми из опасных людей.

От такого ответа удовольствие г-на Ван Верленгема достигло крайних пределов, потому что, хотя он и был доволен, что честь его несколько не пострадала, тем не менее он был польщен, что г-н де Маниссар ухаживал за его супругой. Г-н де Маниссар в довершение хитрости сказал бургомистру, что он обладает драгоценной женщиной, которая свои двери лучше охраняет, чем он сам собирался охранять ворота Дортмюде. Слова эти нагнали легкую краску на г-на Ван Верленгема и заставили его пожалеть, что заметили, как он чистил городские ключи и примерял их на серебряном блюде.

Покуда шел этот обмен любезностями, г-н де Берлестанж вернулся в свою постель и натянул одеяло до подбородка.

– Что же касается вас, производитель камней, –

сказал ему, издеваясь хвастливо, г-н де Маниссар, — я почти не сомневался, что здесь найдете вы себе камень преткновения. Я напишу об этом супруге. А вас, сударыня, позвольте проводить и простите меня за беспокойство, причиненное этим бездельником.

Г-н маршал предложил руку г-же Ван Верленгем и вышел в сопровождении бургомистра, обернувшегося, чтобы бросить Берлестанжу величественный взгляд. Когда они были уже за дверями, бедняга чуть не умер от разлившейся желчи, тем более что, как он впоследствии признавался Антуану, негодяйка не раз приходила к нему по утрам прямо из кровати г-на маршала, ложилась к нему еще не остывшая и в таком возбуждении, которое ясно доказывало, что полного соответствия у г-на маршала она не находила.

Г-н маршал и г-н де Ворай решили остаться здесь до конца кампании этого года. Было мало вероятности, чтобы враг захотел ее продолжать после ряда неудач. Битва при Могене и двукратная осада Дортмюде в достаточной мере покрывали короля славой. К этому же присоединился значительный перевес, который г-н герцог де Ворай имел на Эско, давший ему возможность, оставив часть сил под прикрытием, поспешить лучшей частью войска на помощь в Дортмюде и рассеять полки г-на де Раберсдорфа на Валлефской равнине. Бой был непродолжителен; г-н де

Раберсдорф увидел, что его солдаты разбежались в самом начале дела, он сам был увлечен общим бегством и утонул, желая переплыть Валефский канал. Тело его нашли у шлюза, всплухшим от воды, платье было запачкано илом и парик весь в тине.

Успехи эти в высокой степени были удовлетворительными. Решили прочно занять страну и до наступления зимы для развлечения взять несколько городов. Это было поручено г-дам де Монкорне и де ла Бурладу. Все опасения по поводу Мозельской армии рассеялись. Так что дела были в отличном состоянии и не оставляли желать лучшего.

Г-н де Маниссар торопил с возвращением в Париж. Заботы о своем здоровье возобновились с прежней силой, и не проходило дня, чтобы он не считал себя при смерти. Правда, он не особенно боялся пуль, но дрожал при малейшей колике, которые теперь повторялись довольно часто как следствие неблагоустроенного питания во время осады. Он начал чувствовать пресыщение от г-жи Ван Верленгем и подумывать, что, когда вернется домой, г-жа маршальша найдет его немного утомленным.

Со своей стороны и герцог де Ворай мечтал о возвращении домой. Дома вокруг него всегда были люди духовного звания. Его дом был похож на монастырь. Он занимался там душеспасительным чтением. Ко-

роль прощал ему это пристрастие к уединению и раздумью, хотя и не любил, чтобы господу Богу оказывали больше внимания, чем ему самому, но таланты г-на де Ворая снискивали ему прощение в недостаточном соблюдении придворных обязанностей. Таким же образом больше считались со служебными заслугами г-на де Маниссара, чем с его причудами относительно здоровья.

Г-н де Маниссар согласился обходиться без услуг Антуана де Поканси. Было условлено, что Антуан поедет в Аспреваль устроить свои дела, а г-н де Маниссар проездом заберет его оттуда и повезет с собою в Париж посмотреть город и постараться найти себе место в подлунной.

Перед отъездом из Дортмюде он не преминул посетить г-на де Корвиля. Рана его понемногу заживала благодаря уходу г-жи Слюис. Антуан застал г-на де Корвиля сидящим под трельяжем беседки, нога его была затянута в лубки. Он занимался тем, что разбирал зерна на фаянсовом блюде и раскладывал их по пакетикам. Г-жа Слюис была около него с лейкой в руках. Садик по мере сил восстановили. Ползучие дыни вздували свои корки. Завивались кочны капусты. Летали бабочки над выжженной землей, и наклоненные зеркала у окон блестели. У г-жи Слюис глаза были красные. Муж ее, захотевший вернуться в Дортмю-

де на судне, был задержан солдатами г-на де Раберсдорфа и расстрелян как шпион. Г-н де Корвиль смотрел на молодую вдову с надеждой и нежностью. Антуан простился с ним у калитки с окошечком, до которой тот захотел его проводить. От лубков нога его плохо сгибалась, но вид у него был довольный, и он жевал зеленый листик.

Г-н де Поканси в последний раз обошел улицы Дортмюде. Работали над восстановлением попорченного. Плотники на лестницах чинили крыши. Каменщики лопатами месили известь. Солдаты, расселившись, перепрыгивали через бревна. Горожане бродили, задрав головы. Почерневшая каланча висела как угасший факел. Базарная площадь была оживлена: выставки рыбы из Мёзы с разной чешуей, плоды и овощи говорили о вернувшемся изобилии, мясо висело на крюках у мясников. Антуан вспомнил о бедном Даланзьере и его нарядном красном платье.

Он послал нарочного к г-же Даланзьер с извещением о смерти мужа, так что, когда на обратном пути в Аспреваль он зашел к ней в Виркур, он встретил ее уже в подобающем наряде и в обществе Корвизо.

– Вот и вы, сударь, – сказал доктор Антуану, – живы и здоровы, по крайней мере с виду, потому что никогда нельзя знать, какие тайные зародыши созревают в здоровье, сохранившемся в наилучшем состоянии,

особенно после такого занятия, которому вы подвергали свое. К счастью, я нахожусь тут, чтобы наводить в нем порядок.

Антуан ответил, что он очень недолго пробудет в Аспревале и скоро отправится в Париж, но Корвизо сообщил ему, что и он поедет туда же: сразу после свадьбы с г-жою Даланзьер он намерен покинуть Виркур. Его таланты сумеют найти применение у вельмож.

Во время этого разговора г-жа Даланзьер с восхищением смотрела на облюбованного ею уroda. Она чувствовала привлекательность в его безобразии и мечтала о ласках на своей коже длинных черноватых ногтей Корвизо. Доктор, относившийся до сих пор к ней свысока, смягчился, когда узнал, что она сделалась богатой вдовой. Он так приручился, что накануне посещения днтуана согласился унаследовать от Даланзьера и его супругу, и его имущество.

Антуан поздравил нареченных, и сели за стол. Корвизо непрерывно острил и паясничал, г-жа Даланзьер слушала его с упоением. Корвизо начал с того, что любезно стал издеваться над виркурскими дамами. Он не щадил их физические недостатки. Послушать его, так все они были или зобатые, или хворые, а потом он уверял, что ум у них самый недалёкий и тупой. Ни одна не заслужила пощады. Он не только

разбирал их лица, но жестоко трунил над недостатками телосложения, а г-жа Даланзьер с удовольствием чувствовала, что у нее свежее, здоровое и чистое тело, и поглядывала на Антуана, словно ища воспоминаний в его глазах.

Между тем нужно было, наконец, переменить тему разговора, и Антуан осведомился об игумене Валь-Нотр-Дама. В обители не произошло перемен, если не считать приезда нового послушника, как говорят, из какого-то итальянского монастыря. Г-н де Шамисси страшно им увлекся, и теперь этот монашек вертит и игуменом, и обителью, у него замечательный и прелестный голос, кроме того, он умеет аккомпанировать на всевозможных инструментах. На клиросе он божеественно поет. Он принялся учить монахов музыке. Эти добрые люди, которые за всю свою жизнь знали только свои псалмы, с трудом соответствовали подобным нововведениям. Стоило послушать, как гудел собор от этих усилий и как в саду они собирались группами, чтобы вместе разучивать то, что от них требовалось, и так старались, что пот выступал на лбу и перехватывало глотку.

С самого начала трапезы Корвизо сгорал от нетерпения спросить у Антуана о его братьях и ждал, что тот сам о них заговорит. Наконец, не мог дольше терпеть и сам задал вопрос г-ну де Поканси с притвор-

ным интересом.

Ответ Антуана успокоил его. Тот не знает лишнего. Г-н Де Бертю, командир роты, где служили молодые люди, сообщил Антуану об их исчезновении. По мнению офицера, они, вероятно, послушались какого-нибудь товарища дезертира и бежали вместе с ним.

– Ах, сударь, это большое несчастье! – счел нужным сказать Корвизо, – больше для них, чем для вас, – прибавил он, – так как, между нами, братцы ваши, сударь, очень мало могли соответствовать требованиям, которые можно предъявить к лицам, не лишенным дворянского достоинства.

У Корвизо в кармане как раз было письмо от его друга Ван Спердика, в котором тот сообщал, что братья Поканси находятся в безопасности на голландском судне, отправляющемся к американским островам, и что мало вероятно, чтобы они оттуда когда-либо возвратились. Невоздержанная природа подвергает молодых людей многочисленным опасностям, из которых наименьшие – драки, ссоры и жестокости морской дисциплины. Их уже чуть не засадили в амстердамскую тюрьму как фальшивомонетчиков за то, что они хотели женщине легкого поведения заплатить за ее услуги поддельными монетами. Наконец, посадили на судно двух бездельников, которые сильно рисковали окончить недолгое свое существование от

удара ножом в живот или с веревкой на шее. А то еще лихорадка, мушкеты или непредвиденный случай могли о них позаботиться, не говоря уже об аппетите какого-нибудь людоедского царька.

И Корвизо охотно воображал себе, как молодые друзья его жарятся на вертеле, над сильным огнем, который печет им кожу, и уже в переваренном виде сухим или липким испражнением, каковое производят внутренности всех людей, будь они утыканы перьями или украшены париками, раз они облегчают переполненный желудок в тазик ли судна или на песок пустынного острова.

Антуан только к концу сентября получил извещение о проезде г-на маршала де Маниссара. Карета на лету подхватила его, и путешествие весело продолжалось вплоть до Парижа. Г-н де Маниссар не переставал подшучивать над г-ном де Берлестанжем по поводу его злополучного похождения с г-жою Ван Верленгем. Бедняга наклонял голову и свешивал нос над коробочкой, где он считал и пересчитывал камушки, которые, по его словам, вышли из него в Дортмюде. Он в последний раз принялся за унылое это занятие, когда карета въехала во двор маниссаровского особняка.

Антуан с волнением осматривал местность. Он поднял голову к слуховым окнам чердачка, где неко-

гда спал. Он узнал и фонтан, из которого умыл себе глаза в утро отъезда. Но г-н маршал поставил уже каблук на подножку, и нужно было следовать за ним.

Г-жа маршальша встретила мужа на верху лестницы. Это была высокая женщина, плотная и смуглая, с красивыми чертами лица, величественной фигурой, но с сердитым и сварливым выражением. Она сейчас же и обнаружила эти свойства, толкнув лакея, принесшего блюдо с заливным, сладостями и горкой фруктов, но гнев ее готов был окончательно разразиться, когда ее золовка, м-ль де Маниссар, в одной юбке, с растрепанными седыми волосами выбежала с протянутыми руками и бросилась в объятия брату. Присутствие незнакомого человека смутило немного барышню де Маниссар, но она смутилась еще сильнее, когда маршал назвал ей Антуана де Поканси, которого она не узнала. Она очень покраснела, то есть из красной сделалась багровой. Волнение ее продолжалось одну минуту, пока она не расцеловала Антуана в обе щеки. Г-жа де Маниссар не упустила случая заметить ей довольно кисло, что капот ее расходится и видна грудь. Она улыбнулась, глядя на Антуана. Потом оба откровенно рассмеялись.

В эту минуту двери с треском открылись, и глазам Антуана предстало странное существо. Оно подвигалось, подпрыгивая. Над золочеными тувелька-

ми подымалось маленькое тельце; можно было догадываться, что оно хрупкое и детское, несмотря на широкую юбку, круглившуюся вокруг; корсаж был сделан по мерке крошечного бюста. Платье это было из шелковой материи, вышитой распустившимися розами. Все увенчивала маленькая подвижная голова с блестящими глазами, красными губами, коротким носом, в локонах и бантах. Все вместе представляло нечто странное и изысканно уродливое. К руке у нее был привязан на жемчужной цепочке большой попугай, красный с зеленым, с черным клювом, а на привязи она вела желтую обезьяну с голубой мордой, которая уселась на задницу и стала скрести под мышками. Животных этих прислал своей сестре в подарок г-н кавалер де Фрулен, прихвативший их с захваченного его галерою турецкого корсара.

– Здравствуйте, папочка! – сказала она тоненьким сладким голоском; затем последовал реверанс, попугай захлопал крыльями, а обезьяна перекувыркнулась.

И барышня Виктория де Маниссар прибавила, указывая пальцем на Антуана, стоявшего в недоумении:

– О папа, какой он крупный! Вы привезли фламандца из Дортмюде?

Наивность барышни Виктории заставила расхохотаться ее отца, тетку и Антуана, но рассердила г-жу

маршалышу. Она претендовала на то, что понимает толк в воспитании девушек, и прилагала все усилия к воспитанию собственной. Тут было трудно добиться чего-либо. Барышня Виктория де Маниссар выказывала полное безразличие как к поощрениям, так и к порицаниям. Обезьяна, попугай и страсть смотреться в зеркало занимали ее гораздо более, чем правила сдержанности и этикета, которые старалась внушить ей мать.

– Я запретила вам, дочь, – сказала та, – показываться сюда с этими противными животными. Достаточно, что я позволяю их держать в клетке, вы могли бы избавить меня от их неприятного вида, особенно в день возвращения домой г-на маршала. Берлестанж, удалите отсюда этих мерзких животных!

И она махнула на попугая кончиком веера.

Птица от страха распушилась и предостерегающе свистнула. Черный и жесткий язык высунулся между крючками клюва. Круглый глазок загорелся. Барышня Виктория поднялась на каблуках. Ярость искривила ее нежные черты, и она крикнула пронзительным голосом:

– Я не хочу, чтобы трогали Терамэна и Арсиною!

Терамэн щелкнул клювом, а Арсиноя загримасничала, что снова заставило рассмеяться г-на де Маниссара. Его веселость вывела из себя г-жу маршалы-

шу.

– Что вы нашли смешного в наглости девчонки? Ну, я ее образумлю!

И она бросилась с поднятой рукой на Викторию, не обращая внимания на платье со шлейфом, на высокую прическу и на присутствие Антуана де Поканси, который начал лучше понимать, почему г-н де Маниссар так стоял на том, чтобы запереться на три месяца в Дортмюде вместе с г-жой Ван Верленгем.

Барышня Виктория совершенно не ожидала нападения и принялась бегать по комнате. Слышно было, как стучат ее каблуки по паркету и громко раздаются широкие шаги маршальши. Г-н де Маниссар хотел было вступиться и знатно был поколочен. Терамэн с перепугу улетел с жемчужной ниткой на лапах. Виктория, чтобы удобнее было бежать, отпустила Арсиною, и та спаслась на столе, на верху фруктовой горки, которая рухнула на пол, меж тем как попугай бился под потолком и заставлял звенеть подвески стеклянной люстры.

Наконец, барышня Виктория получила-таки свою пощечину и упала на табурет. Она рыдала. Попугай сидел у нее на плече и тихонько клевал ей щеку, мартышка свернулась клубком у нее на коленях, а г-жа маршальша, зайдясь на руках у г-на де Маниссара и поддерживаемая г-ном де Берлестанжем, делала

вид, что лишается чувств, и кричала, что дочь ее уморит. Старая барышня де Маниссар пожимала плечами и смотрела на Антуана де Поканси, поправляя накидку, упрямо расходившуюся, так что все время видна была грудь, еще красивая. Зрелище это, представшее г-ну де Коларсо, остановившемуся на пороге, показалось естественным волнением при свидании порядочных людей.

Г-н де Коларсо одним из первых явился засвидетельствовать свое почтение г-ну маршалу и узнать от него подробности смерти г-на де Шамисси, хотя интересовала его в этом событии более всего уверенность, что дядя его действительно умер, так как он был его наследником и имущество его от этого значительно увеличивалось.

Покуда говорили о Дортмюде, Антуан де Поканси рассматривал с восхищением барышню Викторию, на что старая барышня де Маниссар украдкой улыбалась.

Г-н де Коларсо рассуждал витиевато. Он был болтлив, самодоволен и приносил с собою отзвуки дворцовых слухов. Имя короля часто попадалось ему на язык. Слушая его, нельзя было сомневаться, что он в милости. Она сквозила в его самопоении.

Очевидно, заслуги г-на Коларсо должны были быть значительными, чтобы снискать лестные и дружеские

слова, которыми, судя по его рассказу, удостоил его король. Г-н де Поканси от всего сердца согласился бы дать руку на отсечение, только бы на его долю выпало такое счастье. В конце концов, ведь ради этого в течение многих месяцев подвергался он опасности от ружейных пуль и пушечных ядер, питался черствым хлебом и кониной, глотал пыль залпов, обливался потом, бегал, скакал, терпел непрерывные труды. Желание быть отличным увело его из дома и толкнуло на тысячу перекрестков. Балки чуть не свалились ему на голову, и дортмюдский пожар опалил кожу лица. Если бы не было маленькой колокольни, на которую он поднялся, будучи на Валефской равнине, он бы попался в руки всадникам г-на де Раберсдорфа, и во множестве других случаев он избег многочисленных опасностей. Но теперь он увидел что всего этого в общей сложности было недостаточно, чтобы помочь ему в достижении желания. Множество других людей поступали таким же образом, почему же ему в особенности будут благодарны за поступки, в сущности обычные и свойственные многим людям? Очевидно, нужно было совершить какой-нибудь выдающийся подвиг, чтобы привлечь на себя монарший взгляд. И Антуан жалел, что не представилось случая, который доставил бы ему возможность быть замеченным. Почему прибыл он в армию, когда король уже уехал?

Он должен был бы последовать за ним в тот же вечер, когда он проезжал через Виркур при колокольном звоне и свете факелов. И в памяти у него возникал королевский профиль, величественный, царственный и солнце-подобный!

Г-н де Коларсо принадлежал к людям, которые встречались с королем лицом к лицу, и вследствие этого Антуан преисполнился к нему необыкновенной почтительностью, а потому очень удивился, что, когда г-н де Коларсо уходил, барышня Виктория с попугаем на руке и с мартышкой на привязи высунула вслед ему язык.

XIV

Г-н де Поканси слушал г-на де Коларсо насколько мог, так как карета их, следовавшая за экипажем, где ехали г-н маршал де Маниссар в компании с г-ном герцогом де Монкорне и г-ном маркизом де ла Бурладом, очень подсакивала на мостовой и производила несносный шум. По временам Антуану казалось, что г-н де Коларсо переставал говорить, и он пользовался этим перерывом, чтобы посмотреть на улицу. В это утро она была оживлена ясным солнцем, поскольку стоял конец октября и осень оканчивалась с приятною мягкостью. Дома казались повеселевшими. Прохожие торопились, водоносы мерно покачивали свою ношу. Продавцы рыбы выкрикивали свой морской товар. Точильщик на углу вертел в руках отточенные лезвия. Свет широко проникал в карету и освещал лицо г-на де Коларсо. Вид у него одновременно был глупый и хитрый, вздернутый нос, серые глаза, остроколючее и внимательное лицо, главной особенностью которого был рот, рот говоруна и пустомели, быстрый в своих движениях и неистоющий на слова.

В одну минуту Антуан узнал всю подноготную г-на де Коларсо, кто с ним в родстве и свойстве, как зовутся хозяева особняков, мимо которых они проезжали,

степень их значительности, количество дворни, вообще массу сведений относительно чего угодно: военного и морского дела, торговли и финансов, придворной и городской жизни.

Г-н де Коларсо претендовал на звание той и другой, каждой в мельчайших подробностях, и требовал, чтобы его все время слушали. Так что, когда минутами Антуан делался менее внимательным к его рассказам, тот без церемонии брал его за рукав, чтобы возбудить внимание. Меж тем они выехали из Парижа, и карета катила уже по Версальской дороге. Г-н де Маниссар отправлялся туда засвидетельствовать свое почтение королю, а г-н де Коларсо предложил свои услуги – показать г-ну де Поканси сады и фонтаны.

Он уже заранее перечислял все красоты.

– Пруды, сударь, – говорил он, – там многочисленнее и прекраснее, чем где бы то ни было. Они образуют фонтаны и бассейны, которые возбудят в вас восхищение своим расположением и убранством, и я считаю, сударь, что ничего не может быть совершеннее в смысле местопребывания. Безусловно, это лучшее место во Франции для жилья. Я говорю вам, как человек опытный, и дружба, которую я к вам чувствую, заставляет меня желать быть первым, кто вам доставит Удовольствие познакомиться с этими новыми для

вас вещами.

Антуан поблагодарил его.

– Жить близ двора, – продолжал Коларсо таинственно и почтительно, – не значит восхищаться только архитектурой и гидравликой. Это значит присутствовать при королевской славе и почтительно удивляться его величию в празднествах, которыми его прославляют, и пышности, которою он окружен. Она выражается столько же в зданиях, в которых он царит, сколько и в водяной стихии, которая рабски по его приказу образует султаны, венцы и трофеи. Скажу больше, сударь, жить здесь – значит, как говорят наши философы, иметь перед глазами пример торжества человека.

Г-н де Коларсо воодушевился.

– Король, могущество которого неограниченно и который самоограничивает свою природу, чтобы выбрать из своих возможностей то, что соответствует благу государства и королевской власти, – что может быть прекраснее? Что может быть величественней зрелища, как он подчиняет себя интересам своего величия, причем ничто не в силах насиловать его воли, кроме этой же воли, чтобы было так? Именно этим власть над самим собою, черта, отличающая человека от прочих творений, являет в лице короля лучшее доказательство своего владычества и высшую точку,

на которую может подняться достоинство создания.

Г-н де Коларсо следил за впечатлением, производимым его словами на г-на де Поканси. Антуан при упоминании королевского имени почувствовал себя странно уменьшившимся, отделенным бесконечным расстоянием от такого внушительного Величества. Г-н де Коларсо жил в тесной близости к королевскому присутствию. Король беседовал с ним так же, как сейчас будет говорить с г-ном де Маниссаром, с г-ном де Монкорне и с г-ном де ла Бурладом. Значит, у него были возможности заслужить подобное счастье. Эти господа завоевали свое право битвами, но г-н де Коларсо никогда не командовал армией. Однако он нравился, а Антуан твердил себе, что нужно понравиться.

И Антуану снова представился Виркур, зажженные факелы, большая карета с широкими колесами и внутри, под багровыми отсветами от подушек, через зеркальные стекла, царственный профиль с горделивым носом, а позади, на мосту, теряясь в сияющей ночи, топот лошадей и лязг шпаг, продолженные грохотаньем везомых пушек и бесконечным звуком шагов от рот серых, голубых, красных, торопящихся на поле сражения, а вдали, на светлом небе, вид Дортмюде с его крышами, колокольнями и воронами, летающими в пушечном и мушкетном дыму, ядра, взрывающие землю, покрытую убитыми и ранеными, посреди кро-

вавых луж. Все это заставило его сказать со вздохом г-ну де Коларсо:

– Несомненно, сударь, его величество – великий король, и ничто не доказывает лучше его величия, как последняя война... Г-н де Коларсо прервал его. Он думал, что только что вернувшийся с поля военных действий г-н де Поканси хочет ввернуть какой-нибудь рассказ очевидца. Г-н де Коларсо недолюбливал подобных тем, так как он никогда не служил военным по причине, как говорил, затруднительности дыхания, которая, однако, не мешала ему при разговоре. Тем же, кто высказывал удивление по поводу его бездеятельности, он расхваливал заслуги своего дяди г-на де Шамисси. Разве быть племянником такого храброго офицера не составляет уже некоторого рода мужества? И особенно теперь, когда этот дядя пал при Дортмюде, этим можно будет каждому заткнуть рот.

– Конечно, война... – ответил Антуану де Коларсо с некоторым пренебрежением, – прекрасная вещь, хотя по этому поводу можно было бы кое-что возразить. Она не всем подходит, и нужно иметь специальное призвание. В людях сохранились еще некоторые остатки жестокости и грубости, которые находят себе применение в войне. Ходить на открытом воздухе, кричать, ссориться – в нашей натуре, и свойства эти образуют то, что называется храбростью.

Так что походный сумбур служит естественным исходом для многих характеров, которые вкладывают туда наиболее грубые свои стороны и возвращаются от туда освобожденными от них. Я знаю множество превосходных военных, которые, раз настроение их вылилось на неприятеля, делаются изысканными придворными, но окончательно формирует людей только Двор. Ах, Двор, сударь, Двор!

И г-н де Коларсо понизил голос, как для признания:
– Двор, сударь, Двор! – повторил он несколько раз. – Всякий приносит туда свое, как свозят золото на Монетный двор, откуда оно выходит уже с чеканкой, определяющей его стоимость. Что такое придворный? придворный, сударь, это вы, это я, это мы, всякий, кто хочет быть известным королю, приблизиться к его особе, к его духу, сохранить свое имя в его памяти и получить место в его жилище, не оставаться в общей безымянной массе его подданных, быть кем-то в его глазах, хотя бы самым маленьким, войти в число людей, которых он видит и знает. Вы понимаете, следовательно сколь законно желание выдвинуться, как оно сильно у людей, которыми оно овладевает, и куда может привести. Я вас почти не знаю, не знаю, кто вы такой, не знаю, что вы собою представляете, но я отлично знаю, что такой-то скупец или мошенник, или лгун, или взбалмошный, или завист-

ник, или грубиян. Один залезет к вам в карман, другой даст по морде, третий зарежет. Таковы люди, и таков свет. Человек не добр; как же вы хотите чтобы люди были добрыми? Да, я вас уверяю, это люди. Двор полон людьми. Они там кишат, гудят, и у всех, сударь, одна цель, одно в виду – отличиться. Предоставьте им свободу, и они для достижения своего желания бросятся друг на друга и друг друга удавят. Ну так, сударь, успокойтесь, ничего подобного не случится. Вы можете вступить в придворную среду в полнейшей безопасности. Там царствует порядок. Удивительная дисциплина зовется там пристойностью и вежливостью. Чудодейственное самообладание обуздывает каждого в природных его порывах. Единственный закон царит там безраздельно, выше его нет ничего: надо нравиться. Ах, благоусмотренье, сударь, благоусмотренье! Надо нравиться. Это ценнее всего. Это единственное искусство. Но как, по вашему мнению, можно понравиться королю? Представляя его взорам лица, изборожденные страстями, и наружности, исковерканные выражением внутреннего содержания? Фи! Великий король может переносить только благороднейшие свойства людей, их и следует показывать его взорам. Пускай природа употребит все усилия, чтобы казаться тем, чем она должна быть. Двор, сударь, это штемпель, который вытес-

няет изображение на металле. Золото и свинец получают одинаковый оттиск. Ах, сударь, удивительное зрелище ожидает вас, начиная с фонтанов. Обратите внимание на воду бассейнов; если ее выпить, она зловонна на вкус. А посмотрите на бьющую струю, она блестит и сверкает. Она ниспадает обратно с гармоничным журчанием. Приблизьте ухо к трубе, – она бурчит и переливается. Ах, Двор, сударь, Двор!

Г-н де Коларсо сделал передышку и продолжал:

– Не думайте, однако, что человек перестает тут быть человеком и лишается характера и страстей. Они продолжают существовать в придворном и производят скрытое действие. Тысячи интриг сталкиваются, скрещиваются и противодействуют друг другу, но борьба честолюбий ведется втайне и молча. Искусство заключается в умении поскрестись пальцем в дверь, когда хотел бы ударить в нее кулаком. При Дворе не убивают противника: его устраняют. Все тут размерено. Что за дело до того, что на дне есть трава и тина, раз поверхность бассейна гладка и ничто в ней не оскорбляет взора? Самая корявая ветка букса или тиса при подстригании предоставляет свою листву, принаравливая ее то к круглому шару, то к совершенному обелиску. Король любит эту правильность; он дает пример ее в своих садах и, налагая ее на нравы и умы, распространяет ее на последние мелочи.

Развлечения, игры, праздники, путешествия, занятия – все имеет свое место и неизменное чередование. Даже болезни и смерти делаются событиями обычными и предвиденными. Король первый с истинно королевской манерой относится к смертям вокруг себя, указывает на состояние, в котором следует находиться при подобных случаях. Природа при Дворе подчинена удивительной дисциплине. Человек при Дворе, сударь, есть шедевр нашего века и, может быть, всех вообще времен, так как он сумел установить в себе порядок, которого не было, и приурочить свое поведение к правилам пристойности столь сильной и совершенной, что она сделалась, так сказать, самим существом его.

Больше того, сударь, самое тело, равно как и дух, при Дворе должно соответствовать тому, чего от него ждут. Я хочу сказать этим, что тело должно быть способно на те услуги, которых от него требуют. Здоровье – необходимое условие, так как придворный обязан быть всегда здоровым. Если здоровье обязательство, то безобразие – проступок: никаких калек, увечных, которые представляли бы недостойное зрелище для взоров столь великого монарха. Необходимо, чтобы окружающие короля постоянно напоминали ему, что королевство его здорово и подданные его не уроды и не недоноски.

Вы не должны удивляться, сударь, что необходимым последствием этих требований является большая роскошь платьев и богатство убранства, так как они служат для сокрытия неизбежных несовершенств. Не у всех наружность и фигура соответствуют их происхождению или состоянию и не у всех внешность подходит к занимаемому ими положению. Имитация и оправданы искусства вышивальщиц, портного и парикмахера: они заботятся о том, чтобы у них была видимость, которой они не имеют и которую должны были бы иметь. Однако все к ним прибегают: одни для того, чтобы восполнить свои недостатки, другие, чтобы усилить свои природные достоинства. Благодаря этим ухищрениям Двор представляет собою удивительное зрелище, и я не сомневаюсь, что вы удивитесь и будете им очарованы. Не вдыхаете ли вы его воздух уже с наслаждением? Потому что дорога все идет вперед, и мы приближаемся к нашей цели.

Действительно, дорога была вся загорожена каретами, которые то обгоняли, то встречались с экипажем, где находились господа де Коларсо и де Поканси. Курьеры скакали галопом в облаке пыли. Собака лаяла у колес.

Антуан испытывал странное чувство. Он задавал себе вопрос: пристойно ли его платье прикрывает естественные неправильности его телосложения?

Придает ли парик достойное выражение его лицу? Ему хотелось бы иметь какой-нибудь шрам как знак его заслуг. Представить он мог почти то же, что более или менее каждый может представить. Черты его, крупные и определенные, не имели в себе ничего, отталкивающего и ничего примечательного. Сумеет ли он понравиться? Заслужит ли он когда-нибудь монарший взгляд? Он страстно хотел этого. Даст ли ему г-н де Маниссар возможность приблизиться к королю? Если нет, ему останется только вернуться в Аспреваль смотреть, как растет у него хлеб, есть, пить и спать. И ему представился образ барышни де Маниссар. Ее хрупкое и уродливое тело казалось приспособленным к любви. Беспокоил его только ее характер, он был необуздан и капризен. Он закрыл глаза.

Одно слово г-на де Коларсо заставило их открыть:
– Версаль, сударь!

Дорога приводила к широкому перекрестку, откуда вытоптанная почва постепенно подымалась к решетке с воротами, украшенными позолоченными трофеями. За ней расстирался большой передний двор. Дальше громоздился дворец на широком куске светлого неба. Версаль был удивителен в эту прекрасную погоду. Позолота верхних этажей сверкала. Направо и налево четыре павильона квадратились, крепкие и новые; в глубине мраморного двора выступали два

флигеля главного корпуса. На балконах изгибались железные решетки. Бюсты и статуи фасада придавали большую величественность всему зданию. Карета остановилась.

Г-н де Коларсо глядел на Антуана. Они стояли на мостовой, где г-н де Поканси, казалось, врос, когда г-н де Коларсо говорил ему:

– Пойдемте в парк, сударь, вместо того чтобы стоять здесь столбами и привлекать внимание любопытных, тем более что сейчас мы будем иметь случай увидеть короля на прогулке.

Они пошли в парк. Водная поверхность расстилала плоские полотнища. Два спуска в виде подков окружали своим двойным изгибом фонтан Латоны. Королевская аллея тянулась к водяному кресту большого канала. Г-н де Коларсо по дороге раскланивался с богато одетыми мужчинами и женщинами. Он водил Антуана по всем направлениям. Высокие мраморные вазы высили над пьедесталами свои изваянные формы. Тень делала свой круг вокруг них. Направо и налево расстилался парк; с одной стороны – оранжереи; с другой – северный цветник с аллеей вод.

Поднялся ветер. Небо окрасилось розовым и зеленым. Несколько желтых листьев упало на песок. В конце перспективы была видна равнина, поля, королевство! Антуан, как далекий сон, вспомнил Аспре-

валь, его старые стены, где старый Анаксидомен кончил свою нелепую жизнь, закутанный в халат с цветочками, роясь в ящиках; где некогда охотились его братья от Виркура до Валь-Нотр-Дама; где сам он жил, покуда там не проехала карета маршала де Маниссара. Сколько перемен с того времени! От природы спокойный и миролюбивый, он оседлал коня и пустил его в галоп, давал огонь из своего пистолета, шаггал по укреплениям, следил за дымом бомб, стряхивал с рукава пыль взорвавшейся гранаты. Колокольни Дортмюде вырисовывались в небе. Лица смешивались в воспоминаниях Антуана, начиная с синьоры Курландон, второй жены его отца, вплоть до славной барышни де Маниссар, пробудившей первые его желания. Г-жа Даланзьер улыбалась ему с открытою грудью. Игумен Валь-Нотр-Дама вытряхивал пепел из своей трубки. Корвизо хихикал. Г-н де Шамисси выставлял свой зуб, г-н де Корвиль подымал смоченный палец, чтобы узнать, откуда дует ветер. Барышня Виктория гладила свою обезьянку. Но все это стусевывалось, чтобы уступить место королевскому лицу, мельком виденному при колокольном звоне и свете факелов. Взоры не этих ли глаз должен он привлечь на себя? Антуан чувствовал себя маленьким, далеким, ничтожным, и ему было стыдно за самого себя, будто он был хилым.

Г-н де Коларсо подтолкнул его локтем.

Группа гуляющих спускалась по лестнице, сняв шляпы. На несколько шагов впереди шел высокий плотный человек в голубом, расшитом золотом кафтане, на голове шляпа с красными перьями, в руке палка. Г-н де Поканси узнал знаменитые черты. Свежий ветер делал краснее смугловатый цвет лица. Он остановился, все остановились. За ним высилась дворцовая громада в вечерней позолоте. Изваянные трофеи казались более исполненными славы, каменные кирасы вздувались более горделиво. Стекла, в которые ударило солнце, запылали. Наступило глубокое молчание. То был король.

Разъяснения, извлеченные из воспоминаний г-на де Коларсо

Рукопись воспоминаний г-на де Коларсо открыта и будет издана через несколько месяцев г-ном Пьером де Нолаком, уважаемым историографом Версальского дворца. Читатель найдет в предисловии г-на де Нолака все желательные подробности относительно того, кем был г-н де Коларсо и какой характер носят его писания. Я приведу только несколько отрывков, которыми я обязан любезной предупредительности г-на де Нолака.

«Я не собираюсь выставлять, говорит г-н Пьер Нолак¹, Коларсо гениальным писателем и свидетелем, на которого можно вполне положиться. Тем не менее дневник его имеет некоторую ценность и заслуживает внимания как справочник. С этих пор место среди документалистов великого века за Коларсо обеспечено. Конечно, у нашего автора нет ни блеска Талеман де Рео, ни изысканного совершенства г-жи де Севинье, ни щедрого беспристрастия Данжо. Сен-Симон, который превосходит всех соперников, превосходит и этого, но тем не менее, думается нам, можно прочесть с удовольствием выдержки, которые мы здесь предлагаем. Новый знакомый излагает события если и не особенно точно, то очень подробно. Прибавлю даже, что он сообщает слишком много. Резкость выражений часто портит лучшие его страницы. Так что я вынужден был кое-какие сократить и многие совсем выпустить. В тех, что я счел возможным сохранить, часто заметят пристрастие к шутовству и злословию, и меня простят за то, что некоторые следы этого я оставил, так как это служит признаком времени, окончательно искоренять который не надлежит. Самые порядочные люди старого времени не считали нужным воздерживаться от того, что теперь показалось бы крайне рискованным. Они ни себе, ни другим не ставили

¹ Воспоминания Коларсо. 2 т. Плон и Нурри.

этого в вину. Разве не сказала сама г-жа де Ментенон, что «некоторая распущенность прощается в наше время»².

Каковы бы они ни были, эти воспоминания заслуживают внимания, и никто не мог бы лучше, чем г-н де Нолак, произвести трудную работу выбора среди кипы бумаг г-на де Коларсо. Г-н де Коларсо написал почти столько же, сколько Сен-Симон и Данжо, и бумаги его заполняют многочисленные папки. Никакого порядка, никакого плана, но смесь рассказов, анекдотов, историек, водевилей, даже характеристик и портретов, вперемешку с политическими рассуждениями и сухим изложением событий. Разговоры и даже рецепты и молитвы, которые г-н де Коларсо составлял или собирал для личного своего пользования. Из всего этого г-н де Нолак извлек два тома, которые он предложит вниманию читателей. Он сумел выбрать все лучшее и существенное, так что я никогда не подумал бы, в свою очередь, прибегнуть к той же рукописи г-на де Коларсо без обстоятельств личного характера.

Г-н де Нолак в своем предисловии, где он с тонкостью объясняет, с какого рода человеком имеем мы дело в лице г-на де Коларсо, упоминает, что любо-

² Письма г-жи де Ментенон, цитированные в предисловии г-на Фейе де Конша к «Воспоминаниям Данжо», изд. гг. Сулье и Дюсье.

пытная личность эта принадлежала к семейству де Шамисси. Действительно, Луи-Жюль-Рош де Шамисси, граф де Коларсо и де Вюлькруа, сеньор де Нонанвиль и де Валангрей, был родным племянником де Шамисси – генерал-лейтенанту, павшему при Дортмюде в 1677 году, и Сульпицию де Шамисси – игумене Валь-Нотр-Дама. Я полюбопытствовал поискать в папках Коларсо, не найду ли я еще указаний на его родственников. Я тем более надеялся на это, что г-н маршал де Маниссар уже несколько раз появляется в извлечениях г-на де Нолака. Ожидания мои не были обмануты. Имя г-на де Поканси попало мне на глаза, и таким образом я нашел у г-на де Коларсо многие разъяснения относительно героя этой истории. Я помещаю здесь те куски, которые войдут в издание г-на де Нолака. Может быть, неизданная часть рукописи без ущерба и могла бы оставаться неизданной, так как г-н де Поканси не играл никакой роли для своего времени, исключая то, что он жил в нем, как мы живем в нашем, что, боимся, довольно безразлично для будущего и потомков.

А. Р.

3 февраля 1677 г. Остатки льда на большом канале вчера растаяли, так как погода очень потеплела. Король выезжал в карете. Он объехал многие фонта-

ны в парке, которые очень пострадали в этом году от морозов. Он дал распоряжение насчет необходимых поправок. За них примутся, как только позволит время года. Его величество окончил прогулку зверинцем, где от холода погибло много редких птиц, с трудом заменимых. Супруга дофина по этому поводу обнаружила большую печаль. Вечером были гости. Король рано удалился к себе, почти ни с кем не разговаривал. Всеми была замечена его молчаливость. Поговаривают уже о сборе войск к границам.

Г-жа де Лангардери, с которой я немного вольно поговорил в дверях, заставила меня замолчать и сделала вид, что оскорблена моими словами. Муж ее, стоявший за нами, сказал ей с упреком, что не допускать возможности атаки – значит быть неуверенным в себе. Она рассмеялась. В конце концов, я дождусь того, что она перестанет сопротивляться, хотя, по-видимому, она собирается защищаться сильнее обычного. По секрету говорят, что уже не один искатель сумел ее смягчить и что Бривуа принадлежит к их числу.

7 февраля 1677 г. Король не выходил из-за дурной погоды. Я поднялся в помещение Бривуа. Оно так низко, что едва можно стоять выпрямившись, но Бривуа так рад его иметь, что забывает неудобства, из которых наименьшее заключается в страшном холоде зимою и в чрезмерной жаре летом. К нам пришли Лан-

гардери и еще кое-кто, и мы начали играть. Во время игры я все время приставал к Лангардери по поводу его честности. Шутки мои тем более попадали в цель, что ему везло более обычного до такой степени, что дело принимало подозрительный вид, особенно в наше время, когда шулера так расплодились и обнаглели, что не щадят даже придворной партии. Я столько наговорил, что Бривуа и другие присоединились ко мне, и мы стали просить Лангардери признаться нам, какой у него талисман для выигрыша. Мы так шумели, что с лестницы можно было слышать. Лангардери начал расстраиваться и разволновался до того, что предложил снять кафтан, чтобы осмотрели подкладку и отвороты на рукавах. Он весь покраснел от гнева, что усугубляло нашу веселость. Наконец, не в силах больше выдерживать, он снял кафтан, затем последовали штаны и чулки, так что через минуту мы увидели его голым, в чем мать родила. Он попался в мою ловушку, так как я, конечно, нисколько не интересовался, правильно ли он выигрывает, а хотел проверить собственными глазами, какого рода соперника я имею в его лице у его жены. То, что он предоставил для обозрения, было до такой степени мизерно и ничтожно, что, когда вдруг вошла к нам г-жа де Бривуа, ему для полного прикрытия хватило рожка для костей, который я ему передал. Когда же он в виде оправда-

ния сказал, что мы уверяем, будто он слишком много получил, она ответила шутливо, осмотрев его с головы до ног, что, по ее мнению, ему скорее чего-то не хватает.

8 февраля 1677 г. Слух о приключении с Лангардери распространился в тот же вечер. Подобные глупости не всегда безопасны для людей, которые себе их позволяют, и поспешность, с какой Лангардери старался доказать нам, что он чист на руку, не была лишена подозрительности. Могли бы даже очень легко подумать, что он, по-видимому, ухватился за случай подобного испытания, чтобы избежать его на будущее.

Готов держать пари, что не исключена возможность, что г-жа де Лангардери никогда не простит этого промаха своему мужу. Она всегда стоит на том, чтобы он был выше каких-либо подозрений, а средство, употребленное им для этого, никуда не годилось, так как есть что-то, что не располагает в пользу человека, который спускается до доказательств скорее смехотворных, чем действительно способных убедить, особенно когда побуждает его к этому простая шутка, ее всякий другой на его месте счел бы за пустую болтовню без последствий. Причина щепетильности г-жи де Лангардери крылась не столько в любви к мужу, сколько в собственном тщеславии, на котором, в сущ-

ности, и основана ее добродетель, скорее, чем на принципиальном стремлении к Добродетельности. Но достаточно на эту тему.

13 февраля 1677 г. Король выбрал участников кампании, которая откроется в начале марта месяца. Выходя из совета, он кое-кому перечислил их, но списки будут объявлены завтра. Г-н маршал герцог де Вораи отправится с Фландрской армией, но еще неизвестно, какие генерал-лейтенанты будут его сопровождать. Назначен также г-н маршал де Маниссар, у которого будут г-н герцог де Монкорне, г-н де Шамисси и г-н маркиз де ла Бурлад. Неизвестно еще точно, будет ли сам король участвовать в походе и в какой части армии. Зависеть это будет от обстоятельств и от состояния здоровья его величества.

Г-жа Лангардери очень сердита на меня и на всех прочих, кто участвовал тогда в игре у Бривуа. На меня в особенности, как на главного зачинщика этой шутки. Она крайне раздражена за такое поношение. Что касается Лангардери, он полон гордости оттого, что вел себя в подобном случае так свободно и откровенно, и ожидает, по-видимому, поздравлений, как будто исход этого испытания мог внушить сомнение.

15 февраля 1677 г. Г-на де Шамисси все поздравляют. Сегодня он имел аудиенцию у короля. Его почти не видели со времени последнего назначения в мар-

шалы, когда г-н де Маниссар получил жезл. Рассчитывал на него г-н де Шамисси, и то, что его обошли, наполнило его горечью. Что касается г-на де Маниссара, то говорят, что новость о его назначении доставила ему здоровую пощечину от руки г-жи маршальши, так что он с такой щекой не смеет носа показать. Г-жа де Маниссар одна из самых ревнивых женщин, и походы доставляют г-ну де Маниссару приятные возможности, которые меньше нравятся его жене. Мне говорили, что Лангардери просился уехать вместе с герцогом де Вораем, с которым он в родстве. Много и других просили о том же. Поездка короля далеко еще не решена. Может быть, даже поездка в Фонтенебло будет отложена или отменена.

27 февраля 1677 г. Ведутся приготовления к отъезду г-на маршала де Маниссара и сопровождаются известным треском, так как г-жа маршальша особа весьма шумная. Прежде всего г-н де Маниссар должен был подвергнуться докторскому осмотру. Вчера к нему собралось их штук семь или восемь, которые его поворачивали во все стороны, чтобы удостовериться, здоровое ли у него тело и может ли он без опасности подвергнуться тяготам войны. Еще немного, они спорили бы его, чтобы посмотреть, все ли внутри правильно действует. Но они ограничились тем, что заставили его откашляться в тазик. Слюна оказалась

добропорядочной, и г-н де Маниссар был признан годным к походу. Так что ему оставалось беречься только пуль, в виде гарантий от которых медицинский факультет ничего не может предложить. Он везет с собою в багаже все необходимые для него медикаменты.

Все эти приготовления нисколько не смягчили г-жу маршальшу, хотя она тщательно наблюдала за ними. Женщина эта внушает страх. Тирания ее распространяется не только на мужа, но и на всех, кто ее окружает, вплоть до последнего лакея. Она все время на них кричит, а часто и колотит. Впрочем, она не только с ними обращается подобным образом, что заставило г-на де Бривуа сказать, что г-ну де Маниссару король вручил только маршальскую палку, а вообще-то к палкам он уже приучен женою. Действительно, говорят, что этому славному вояке не всегда удается с честью выходить из яростных домашних стычек.

Вчера я имел случай наблюдать характер г-жи маршальши, поскольку пришел к ней как раз в то время, когда она бросила в казачка стаканом воды, который тот только что принес, и чуть не попала мне в лицо. Она едва извинилась. Она уж такова. Все уступают перед ее вспышками, а привычные к ним люди не заботятся удерживать ее. Так, например, она собиравалась высечь сына своего, кавалера де Фрулена, на-

кануне того дня, как ему ехать в Прованс служить во флоте. Г-н кавалер, считавший себя с этого дня уже взрослым человеком и имея назначение в кармане, обнажил шпагу и заявил, что проткнет каждого, кто поднимет на него руку.

Г-н кавалер и сестра его, барышня Виктория, одни еще отбрыкиваются от своеволия г-жи маршальши. По правде сказать, барышня Виктория обращает даже мало внимания на причуды своей матери, предпочитая свои собственные. Она проворна, непокладиста и так остра на язык, что острота его еще больше сбивает с толку г-жу маршальшу, чем обнаженная шпага г-на кавалера де Фрулена. Под видом ребячливости она позволяет себе такие смелые наивности, что у матери пот выступает на лбу. Она злоупотребляет правами своего пятнадцатилетнего возраста. Она, в сущности, хорошенькая, и можно было бы надеяться, что из нее выйдет красавица, если бы лицу соответствовало тело. Но, хотя у нее прекрасный цвет лица и нежные черты, тело ее если не искалеченное, то хилое и недоразвитое для ее лет, что придает этой малютке странный вид, не лишенный приятности и своеобразия. Такая, как есть, она может быть соблазнительной, и думаю, что со временем она будет знать себе цену. Она и теперь уже кокетлива в своих проказах. Я думаю, что у нее уже пробудились чувства, хо-

тя сердце еще и не высказалось ни в чью пользу, не считая г-на кавалера де Фрулена, ее брата, которого она боготворит.

В настоящую минуту она занята главным образом придумыванием, чем бы довести г-жу маршальшу до затруднительного положения, что она отлично умеет делать и что ее бесконечно радует.

Прибавьте к этому, что барышня Виктория не допускает ни малейшего недостатка уважения к своей персоне и того, чтобы имели смелость подсмеиваться над ее маленькой вздорностью. Она ни пяди не уступит в вопросах ее чести. Хотя она еще и девочка, но во многих отношениях ведет себя, как женщина. Это можно сказать, например, о том значении, которое она себе придает, и о ее требовании признавать его, предъявляемому ко всем, кто стремится не только заслужить ее благоволение, но, по крайней мере, не подвергаться дерзостям с ее стороны, которыми она преследует не нравящихся и не старающихся ей понравиться людей.

В конце концов, она очаровательна, и выходки ее, быстрые и забавные, очень смешны, особенно по раздражению, которое они возбуждают в г-же маршальше, помешанной на этикете и не понимающей, что она своим высокомерием, гневом и криком грешит против него больше, чем ее дочь, позволяющая себе со все-

ми невинные вольности.

Как бы там ни было, особняк Маниссаров одно из курьезнейших мест по противоположности и оригинальности своих обитателей. Его стоит посещать хотя бы ради старой барышни де Маниссар. Я никогда не пропускаю случая подняться к ней на вышку, куда она уединилась и живет среди карт и гербариев. Очень странно видеть ее всегда растрепанной, мечтающей о растениях или путешествиях. Когда она мысленно пускается в самые далекие странствия, она почти не выходит из комнаты. Туда спасается г-н маршал, когда его особенно обидели. Они очень любят друг друга и беседуют с полной свободой, так как она почти совсем не религиозна, а он религиозен не более чем это нужно, чтобы быть порядочным человеком. Он в высшей степени порядочный человек, несмотря на свои чудачества относительно лечения, из которых я приводил последний пример, как он собирался в поход. Всего страннее то, что он отправится в сопровождении г-на де Берлестанжа, без которого жена его не отпускает и на которого она рассчитывает в том смысле, что он привезет г-на маршала в лучшем состоянии, чем тот обычно возвращался домой. Берлестанж должен наблюдать за нравственностью г-на де Маниссара. Не думаю, чтобы ему это удалось.

Тут уместно будет сообщить кое-что о личности г-

на де Берлестанжа. Он невысокого происхождения, будучи сыном инспектора соляных складов. Точно не известно, из какой он провинции, но я не удивился бы, судя по его говору, если бы он происходил из Шампани или Пикардии. Страсть к стихотворству повлекла его в Париж. Существовал он здесь с трудом. Несколько опубликованных им произведений обнаруживают скорее прилежание, чем талант. Тем не менее, они сделали его известным барышне де Маниссар, теперь старой, тогда же находившейся в ранней юности. Он сам в то время был недурен, несмотря на свою нищету и ободранность. Наружность у него была лучше, чем его творения. Время оказало свое влияние и на то, и на другое. Говорят, что он понравился барышне де Маниссар и привязался к ней. Так как замуж за него выйти она не могла, то, по слухам, имела слабость вознаградить его за это лишение. Он не выходил из особняка Маниссаров, но не столько пребывал там в качестве счастливого любовника, сколько как приживальщик, существуя единственно этим. Если он смог тронуть сердце девушки, то не мог сломить ее гордости и заставить выйти за себя. Так что положение его было неопределенное и подчиненное. Когда г-н маркиз де Маниссар, тогда генерал-майор, женился, жена его нашла уже среди домочадцев г-на де Берлестанжа и приспособила его: она имела потреб-

ность в свидетелях своей тирании. На Берлестанже отзывались все ее капризы. Когда г-н кавалер де Фрулен подрос, Берлестанж сделался вроде бы его гувернером, и на такую же точно должность г-жа де Маниссар теперь приставила его уже к мужу.

В настоящее время это высокий, тощий, сухой и черный мужчина. Стихотворством он больше не занимается и говорит мало, только за обедом открывает рот, чтобы попросить вторую порцию горошка, до которого весьма охоч. Он клянется еще Аполлоном, но вдохновение его давно уже иссякло и он ничего не творит. Такие люди, у которых в юности замечается известный огонь, очень скоро обращающийся в золу, встречаются нередко. Ни в поэзии, ни в любви Берлестанж не сумел возвыситься до успеха. Он кроток, молчалив, боязлив, и с ним не считаются.

29 февраля 1677 г. Сегодня утром пришел ко мне Лангардери и объявил, что уезжает, зная, что я влюблен в его жену; что именно поэтому он счел бы недостойным поступком не уехать, что он всецело уверен в добродетели г-жи де Лангардери; что, в конце концов, он не ревнует; если бы он увидел меня с нею в постели, он даже не поднял бы одеяла посмотреть, до чего у нас с ней дошло; что будучи до такой степени уверенным в своей супруге, он может только пожалеть меня и выразить сожаление, что он не может

мне оказать, как многие другие, дружеской услуги; наконец, что он посоветовал жене не избегать меня, а наоборот, искать моего общества. Он наговорил еще кучу глупостей, которых я не помню. У него кавалерийский полк его имени, и во Фландрии он будет наводиться с г-ном де Вораем.

1 марта 1677 г. Г-н де Шамисси, игумен Валь-Нотр-Дама, написал письмо генерал-лейтенанту г-ну де Шамисси, оканчивающееся следующим образом: «Дорогой брат мой, возраст мой требовал бы, чтобы из нас двоих я умер первый, но я рассчитываю, что ваша профессия даст вам возможность избежать этого огорчения, а мне доставит удовольствие молиться об упокоении вашей души». Я не знаю, что ответил на это генерал-лейтенант, но думаю, что ответ должен быть хорош: он зол и, несмотря на свою храбрость, боится смерти. Господа де Шамисси ненавидят друг друга; ненависть эта началась уже давно, когда оба еще были в миру, так как игумен Валь-Нотр-Дама удалился из мира сравнительно поздно. Монастырь его находится близ Виркура на Мёзе. Он приносит доходу более двадцати тысяч ливров. Говорят, он замечательно красив по постройкам и хорошо содержится. Г-н де Шамисси пребывает там круглый год.

Характеристика г-на маршала де Ворае

В г-не де Ворае от рождения было что-то такое бурное и необузданное, что этот двигатель завел бы его очень далеко, если бы он не сдержал течение этого потока, в котором смешивались свойства человека в высшей степени грубого и опасного. С самой юности он искал, что бы противопоставить этому ужасному влечению темперамента, напор которого грозил все разрушить, не оставив ничего на месте. К счастью для себя, г-н де Ворай скоро уразумел, что обыкновенные средства тут будут недостаточны, ни добрая воля, ни самообладание, вытекающее из желания прослыть кем-нибудь в обществе или из заботы владеть собою с тем, чтобы полнее и с наибольшей выгодой себя использовать. Он ясно видел, что ничто из того, что зовется нами нравами и обычаями, вежливостью и политикой, которые представляют собою самые распространенные способы самообуздания, не может его сдержать. Поэтому поддержку себе он начал искать в более возвышенном месте, притом столь крепком и сильном, что ничто не может поколебать его основания.

Итак, г-н де Ворай искал помощи против самого себя в религии. Только там он находил то, на что мог

положиться. Он решил попросту сделаться благочестивым, чтобы избежать возможности стать для себя и для других общественною и частного опасностью. Этой-то спасительной боязни самого себя, которой многим не хватает, мы и обязаны тем, что в лице г-на де Ворая мы видим образец добродетели. Никто более его не исполняет с такой строжайшею настойчивостью и точной верностью своих обязанностей. Благодаря его суровой и непрерывной бдительности никогда не будет известно, чего следовало бы опасаться от подобного человека, если бы он не взял на себя труда быть собственным своим палачом и искоренить в себе все, что природа вложила в него необузданного и что он сумел обуздать.

Он один был единственным свидетелем внутренних сражений и побед, о которых никогда ничего не узнают, кроме того, что им он обязан тем, что сделался таким человеком, каким мы его знаем. Из чувства смирения иногда он приоткрывает покров, скрывающий условия, в каких он проводит жизнь, которых никто не предположил бы по внешнему его виду и которые кажутся невероятными. По внешним наблюдениям он человек честный, благоразумный, суровый и занятой, воплощенная твердость, с несколько медлительным соображением, расчетливый, рассудительный и осмотрительный до последней степени в сло-

вах и поступках.

Вся жизнь его – наглядное подтверждение добровольно им взятых на себя принципов. Он рано женился и взял жену некрасивую, чтобы она не была соблазном для других и опасностью для него. Пользовался он ею в случаях необходимости, что бывало довольно часто, обременял ее детьми но, когда она умерла, он никем не заменил ее, находя, вероятно, что плотские вожделения достаточно умерщвлены нем, чтобы давать им новые поводы возродиться. Овдовел он довольно скоро. Жена не дожила до его подвигов, которые он совершил в довольно пожилом возрасте. Король, очень рано заметивший его способности, не спешил вознаграждать их, тем более что г-н де Ворай первый удивился бы мысли что они требуют награды. К государственному благу относился он, как к своему личному. Он так мало заботился о своей личной выгоде, что часто отказывался от нее чистосердечно, только бы не страдало общественное благополучие. Маршальский жезл он получил, когда его очередь давно прошла, и было бы стыдно не дать ему его.

Г-н де Ворай искренно любил войну, говоря, что это прекрасное упражнение для христианина, что многочисленные возможности быть убитым приводят дух в состояние спасительной отрешенности, где с каждым часом научаешься думать, что следующий час будет

последним; и что битва, как ничто другое, пригодна для точного определения своих отношений к самому себе и к Богу.

Он ни минуты не переставал быть достойным удивления и выказывал самые разнообразные способности во время ли осад, или во время переходов, или в деле. Все ремесло он постиг опытом и рассудительностью, начиная с самых скромных и кончая наиболее ответственными функциями. Как мы уже сказали, жезл он получил поздно, когда ему было около шестидесяти лет. Внутри его он распорядился вложить частицу мощей.

Г-н де Вораи мало присутствовал при Дворе и свободное от военных действий время посвящал посещению крепостей и составлению планов. Если по дороге встретится ему место, куда ходят на богомолье, он не упустит случая заехать туда и помолиться с искренней набожностью. Он управляет провинцией Артуа, и обычным местопребыванием служит ему Вораи. Замок переполнен монахами и священниками, так что скорее его можно принять за жилище епископа, чем военного человека. Там есть капелла, где он на коленях выстаивает обедню. Церковные украшения и утварь там необыкновенной красоты, так как он пользуется каждым походом, чтобы увеличить их какой-нибудь чашей или ризой, отбирая их из солдат-

ской добычи. Он оmyвает ноги нищим и перевязывает их раны, но непреклонен в вопросах местничества и правах своего происхождения. Это единственная гордыня, которую он не смог в себе сломить. Он считает себя значительным человеком вследствие фамилии, которую он носит, и ни во что не ценит таланты, которыми еще более прославил эту фамилию. Он высокомерен и суров по отношению к свету и смирен перед Богом. Король его боится и не любит, но считается с ним и рассчитывает на него. Он не скуп, но умеет казаться скупым и ничего не имеет против, чтобы его за такого считали. Хотя он и герцог, но бережет свое добро. Бесчисленные родственники стерегут его наследство, так как у него только дочери, из которых три в монастыре, а четвертая замужем за принцем де Бальмоном. Ждать им придется, может быть, и долго, ибо он здоров и крепок, но пуля обрабатывает быстро. Он их не бережется, причину я уже объяснил. Телосложение у него плотное, лицо смуглое, брови седые и в ушах жемчужные серьги, в которые он велел сделать по крошке от священной облатки.

Единственная особенность г-на герцога де Ворая та, что в нем нет ничего необъяснимого, если знаешь, что все его поведение обуславливается основным принципом его характера. За принцип этот он держится упрямо, поскольку малейшее отклонение,

которое вернуло бы его к природным качествам, грозило бы обнаружить то, что он скрывает с постоянным и упорным усилием, течение его естественного расположения духа, его объем и уровень может быть сохранен только при посредстве плотин и шлюзов.

14 марта 1677 г. Путешествие короля решено. Он выедет в конце марта на Мёзу, где очень сильная армия. Сегодня он делал смотр войскам своей фамилии. Его величество был очень доволен, видя их в лучшем состоянии, чем когда бы то ни было. Курьеры доносят, что неприятель повсюду пришел в движение.

Г-жа де Лангардери очень строга со мною, несмотря на наставление мужа. Я поручил Бривуа поговорить с ней по этому поводу; он должен был передать, что я нисколько не отказываюсь от своих надежд, но хочу, чтобы она добровольно подарила мне счастье, которое ставлю выше всего на свете; что я ручаюсь не предпринимать никаких хитростей, чтобы заполучить ее, что ей нечего меня бояться. Бривуа так искусно исполнил поручение, что она обещала впредь не избегать меня больше и позволить мне находиться близ нее.

27 марта 1677 г. Новости из Фландрии обычны. Г-н де Вораи на Эско, г-н де Маниссар прикрывает Мёзу.

29 марта 1677 г. Король сегодня утром выехал, чтобы присоединиться к войскам на Мёзе. Он поедет

очень быстро и не повезет с собой дам. Некоторые из них совершенно не ожидали этого.

2 апреля 1677 г. Хорошие вести с дороги от короля. Иногда он выходит из кареты и охотится. Он очень доволен экипажем вследствие большого удобства кареты и превосходных рессор. Он даже по ночам в ней путешествует.

23 апреля 1677 г. Начинают приходить подробности о победе, одержанной королем над врагами на Могенской равнине около Домдена. Из уст в уста переходят похвалы его величеству, и их повторяют без устали. Старые придворные плачут от умиления. Его величество целый день не сходил с лошади и часто появлялся там, где огонь был наиболее яростен. Приходилось на коленях умолять его не подвергать себя опасности. Король везде был самолично. Этим объясняется успех нашего натиска и недостаток сопротивления со стороны неприятеля. Он отступил в полном беспорядке. Тридцать семь знамен перешли в наши руки и большой обоз. Под маршалом де Маниссаром была ранена лошадь. Много убитых. В Версале большая радость.

2 мая 1677 г. Возвращение короля.

20 июня 1677 г. Дортмюде сдался 16-го утром. Г-н маршал де Маниссар прислал королю донесение с известием о благополучном исходе осады.

12 августа 1677 г. Начинают сильно беспокоить-ся за участь Дортмюде, где заперся г-н де Маниссар. Говорят, что г-н де Раберсдорф теснит город, кото-рый находится в крайности и падет, если герцог де Во-рай не придет ему на выручку. Сильно порицают г-н-маршала де Маниссара, попавшегося в такую ловуш-ку. Король сегодня вечером говорил по этому поводу очень кисло. Ни г-н де Монкорне, ни г-н де Бурлад не одобряли подобного образа действий, а г-н де Ша-мисси протестовал со всем жаром. Он написал мини-страм. Письмо его очень сильно написано.

Я отправился с визитом к г-же маршальше де Ма-ниссар. Она была у г-жи принцессы де Мальмон. Я застал барышню Викторию, которая промывала глаза у дворового фонтана. Она была заплакана, но лицо ее было очаровательно. Она была опечалена и тем, что отец ее взаперти, и тем, что с нею больше нет ее брата, кавалера де Фрулена. Она пожелала показать мне обезьяну и попугая, которых тот прислал ей в по-дарок.

Довольно гнусные животные, от которых она в вос-торге. Она расспрашивала меня о массе подробнос-тей, касающихся галер и восточных народов. Ба-рышня Виктория довольно мило ко мне относится. Расположение ко мне объясняется почтительностью, с которой я всегда с ней обращаюсь. Усилие, кото-

рое я беру на себя, чтобы обращаться с нею, как со взрослой, окупается удовольствием наблюдать, как она чванится своей значительностью, возвышающей ее в собственных глазах. Она соблаговолила преподнести мне три ореха, разгрызенные обезьяной, что с ее стороны – неоценимый подарок.

13 августа 1677 г. Я хотел заставить проговориться Бривуа относительно г-жи де Лангардери и точно узнать, что он от нее получил, чтобы иметь некоторое понятие, на что я могу рассчитывать. Мы были в боскете, где нас никто не мог услышать, так что очень удобно вести подобные разговоры. Сначала Бривуа разыгрывал скромника и хотел меня провести. Но по мере того, как я задавал вопросы, он отказался от своего намерения и стал более приближаться к истине. Наконец, признался мне, что они всего-навсего ограничили несколькими письмами и мелкими любезностями и что он имеет основание предполагать, что г-жа де Лангардери вообще не расположена заходить дальше и так далеко, как мне того желалось, хотя однажды он запустил ей под юбку руку и довольно долго оставлял ее там в теплом месте.

Тут я расхохотался и уличил его в хвастовстве, говоря, что, если исследование почвы считать за победу, почти нет ни одной дамы при дворе, относительно которой нельзя было бы похвалиться таким же успе-

хом. И я посмотрел на него так многозначительно, что он мог подумать, будто из этого числа я не исключаю и г-жи де Бривуа, его жены. После такого фанфаронства он уже перестал хвастаться и верно служит моим интересам у г-жи де Лангардери.

3 сентября 1677 г. Что за перемена! Теперь до небес превозносят г-на де Маниссара и уничтожают г-на де Шамисси. Только и разговору, что о защите Дортмюде. Оказывается, что только благодаря ее продолжительности г-н герцог де Вораи мог выполнить план, обеспечивший нам исход кампании и доставивший столь значительный успех, что он может оказать решающее значение в вопросе о мире. Лангардери один из первых вошел в Дортмюде. Г-жа де Лангардери торжествует. Муж ее получил генерал-майора. Я поздравил эту даму. У нее было много народа, и приняла она меня очень любезно. Лангардери до такой степени уверил ее в добродетельности, что она гораздо меньше думает о ее защите, чем можно было бы полагать. Я достиг, в ее представлении, большого успеха, и она с каждым днем привыкает ко мне все больше и больше. Оказывается, что г-н де Шамисси убит у себя дома пулею. Король жалеет о нем. После него остались шестьдесят тысяч экю, которые меня очень устраивают.

Относительно г-на де Шамисси

О своем дяде, г-не де Шамисси, я не так много могу рассказать, как можно было бы предполагать. Родственные связи не обуславливали для него любви к людям, доказательством этого служат его чувства к брату – игумену Валь-Нотр-Дама. Он и отца моего недолюбливал. Будучи старшим в роду, он все-таки не захотел жениться, но не прощал моему отцу его женитьбы не только потому, что брак увеличил благосостояние того, но и потому, что его жена была прекрасна и добродетельна. Не знаю, собирался ли он подвергнуть испытанию ее добродетель или не мог противостоять ее красоте, но верно то, что он не остановился перед тем, чтобы вести со своей невесткой такие разговоры, одна мысль о которых должна была бы привести в ужас порядочного человека. Дело в том, что он так надоедал ей преступными приставаниями, что она была в большом затруднении, не зная, как избежать его присутствия, терпеть которое было небезопасно.

Дело дошло до того, что она принуждена была предупредить отца. Сначала он рассмеялся, убежденный, что произошло какое-то недоразумение и что жена ошиблась, приняв неловкую фамильярность за по-

кушение. Однако жалобы повторялись, она плакала, умоляла, и он решился спрятаться в соседней комнате, откуда было видно и слышно все, что происходило рядом. Сомнений больше у отца не оставалось. Негодование и ярость его были таковы, что он ворвался в комнату. Одним прыжком он очутился на Шамисси и избил бы его до смерти, если бы того не отняли из его рук. Негодяй отделался сломанным ребром, четырьмя выбитыми зубами и одним наполовину выбитым, который не может встать на место и всегда виден на губе, даже когда тот не смеется.

Прошли годы, и они снова встретились. Игумен Валь-Нотр-Дама устроил внешнее примирение, но они ненавидели друг друга. Матушка не могла с ним разговаривать без легкой дрожи, хотя он был безукоризненно вежлив и обращался с нею вполне свободно. За этот промежуток времени он сделался набожным, по крайней мере из лицемерия, потому что из всех троих братьев Шамисси, которые в юности отреклись от так называемого реформатского вероисповедания, в котором они воспитались, как и многие дворяне того времени, только мой отец искренне осознал свое заблуждение и воистину обратился в лоно католичества. Г-н игумен Валь-Нотр-Дама, хотя и священнослужитель, отъявленный нечестивец, что совсем не мешает ему отлично управлять своими монахами.

Он часто говорит, что его дело состоит в том, чтобы привести их к дверям рая, а затем он имеет право, если ему угодно, отправляться ко всем чертям.

Что касается военного г-на де Шамисси, то в вере его позволительно усомниться. Во всяком случае набожность его несколько не стесняет. Жестокость его на всех наводит страх. В течение долгих лет она проявлялась незаметно, вплоть до голландской войны, когда уже не преминули о ней заговорить сначала тихо, потом во всеуслышание. Следствия этой жестокости повсюду его сопровождали. Где бы он ни проходил, оставалась пустыня. Он дотла разорял местность. Города, деревни, вплоть до мелких поселков, подвергались выкупам, грабежам, сожжению; он не принимал никаких мер, чтобы обуздать природную распущенность солдат. Не было жестокости, которой он не делал бы сам или не приказывал бы делать. Женщин и детей убивали во множестве, причем иногда убийство сопровождалось отвратительной утонченностью. В некоторых местах каналы были так завалены трупами, что шлюзы переставали действовать. О жестокостях этих ходили слухи, которые могли бы иметь досадные последствия, если бы не сочли нужным выставить их как необходимость военного времени и наказание, заслуженное упорным сопротивлением голландцев и средствами, для этого ис-

пользованными ими, вроде разрушения плотин, что противоречит установленным правилам войны.

Поход этот в Нидерланды был очень плодотворен для г-на де Шамисси в денежном отношении, к чему он был небезразличен, отличаясь скупостью и желая при большом состоянии жить прижимисто. Он почти не тратился, а если и тратился, то только на самого себя, а не на кого другого. Он совсем не играл. Женщины обходились ему недорого. Говорят, что в лагерях он заставлял приводить к себе в палатку или на квартиру девиц, которых ему нравилось скорее мучить, чем пользоваться ими. Достоверно известно, что однажды ночью в Местрихте одна из них, с которою он заперся, выбросилась из окна и разбилась на мостовой. Нашли ее голой и на шее у нее были следы, причиненные не падением. В Париже не замечали за ним продолжительных связей. Суровость его отталкивала, а для привлечения к себе он не обладал щедростью, которая, действуя на корыстные чувства, заставляет преодолевать нерасположение к кому-либо. Так что жил он очень обособленно, заботясь только о своем достатке. В конце концов, достатком своим он был менее удовлетворен, чем самим собою, находя его не соответствующим своим достоинствам, к которым он питал уважение, более обоснованное в его глазах, чем в глазах других, что он замечал и чего не

прощал.

Большим огорчением для г-на де Шамисси было то обстоятельство, что маршальский жезл ушел у него из-под носа. Он уже чувствовал его в руках и горел нетерпением схватить. Для его получения он готов был бы отдаться дьяволу, как в свое время отдался Богу из честолюбия, расчета и потому, что в то время для человека, желавшего выслужиться, выгоднее было протестантство переменить на католичество. Сомневаюсь, чтобы все это обеспечило ему царство небесное.

7 сентября 1677 г. С тех пор, как г-н Лангардери приобрел на войне возможность снискать хорошее о себе мнение, жена его, по-видимому, готова отказаться от поведения, которое, без сомнения, кажется ей более полезным, чем приятным, так как, судя по наблюдениям, она очень не прочь попытаться другое, совсем не похожее на первое, но которое для нее будет легче и естественнее. Таким образом, в один прекрасный день я увидел, что отдаленность по отношению ко мне, которую она выказывала, заменилась благосклонностью, которую я не мог не заметить.

Хотя я испытывал от этого большое удовлетворение, тем не менее счел возможным показать, что я обижен за пренебрежение, выказываемое мне столь долго, и равнодушен к тому вниманию, которым те-

перь она меня дарила. Систему эту я проводил последовательно и, насколько мог, тщательно и ждал результата. Он не замедлил. Г-жа де Лангардери не пропускала случая искать моего общества, меж тем как я делал вид, самым естественным образом, что интересуюсь ее присутствием только в пределах вежливости, запрещающей мне его избегать. В то же время я организовал частые отлучки и старался, чтобы ей было известно, что я отлично обхожусь без нее в парижском особняке Маниссаров. По возвращении я был неисчерпаем в похвалах маленьким совершенствам барышни Виктории; я передавал тысячу забавных черт, выбрать которые мне было, по правде сказать, очень нетрудно и рассказ о которых г-жа де Лангардери слушала с нескрываемым неудовольствием.

Я вел дело так искусно, что она, в конце концов, задала мне вопрос, уж не влюблен ли я в эту девчурку, причем спросила с такой натянутой насмешливостью, что о причинах ее не могло быть сомнений. Я уклонился от ответа; она повторила вопрос. Я удвоил похвалы дочке г-жи маршальши и радовался дурному настроению, которое обнаружила г-жа де Лангардери при моих словах. Наконец, она не выдержала и так пристала ко мне, что я должен был притвориться, будто приперт к стене. Тогда я самым серьезным образом признался, что доля истины есть в ее упре-

ках, хотя это совсем не то, что она предполагает; что барышня еще не достигла возраста, когда можно было бы питать к ней страстные чувства, но что это-то в ней мне и нравится; что молодость ее гарантирует безопасность для сердца, что в ее ребячестве именно и таится очаровательное отдохновение, намек на влюбленность и тонкая игра, которая успокаивает, забавляет и занимает. Я прибавил, что недавно испытал, какие опасности и печали сопряжены с делами, где терпишь неудачу, тогда как в тех, о каких идет разговор, нечего опасаться чего-нибудь в таком роде, поскольку тут единственная цель – развлечься, что, в конце концов, я решил, если можно так выразиться, поиграть в куклы и чувствую себя как нельзя лучше.

Г-жа де Лангардери увидела в этом только уловку человека, желающего скрыть настоящие свои чувства. Она воспользовалась этим приемом, чтобы показать свои. Я притворился, что ничего не понимаю, так что, наконец, она попросила меня оставить в покое эту крошку. Я воспользовался тогда случаем сказать ей, что во всем этом она виновата больше, чем думает. Ей доставляло удовольствие доводить меня до отчаяния, так что нет ничего удивительного, что я ищу своего удовольствия где могу. Я заметил ей, что ее суровость побудила меня искать развлечения, и доказал, что всецело от нее зависит сделать меня к

ним равнодушным. Словом, я говорил с ней определеннее и сильнее, чем когда бы то ни было, и оставил ее мечтательной, смущенной, не знающей, говорил ли я правду или нет; я не сомневаюсь: неопределенность эта и боязнь соперничества сделаются для нее невыносимыми, и она употребит все усилия, чтобы рассеять первую и положить конец второй.

Лангардери еще в армии и вернется не раньше начала зимы. Король назначил его губернатором Дортмюде.

19 сентября 1677 г. Г-н маршал де Маниссар вернулся из армии. У его подъезда вереница экипажей.

23 сентября 1677 г. Эта г-жа де Лангардери начинает быть мне очень в тягость, и ее мужу давно пора вернуться. К счастью, получено известие, что он скоро возвращается. Не то, что жена его некрасива или не всегда одета с лучшим вкусом, но самое прекрасное лицо должно только усугублять наслаждение от тела, которому оно соответствует, ее же тело гораздо хуже ее наружности. Оно довольно крепко, и нельзя сказать, чтоб было нескладно, хотя по сложению лучше, чем по составу. На костях недостаточно мяса, чтобы смягчить очертания, и кожа, покрывающая их, не имеет нужной гладкости. Те части тела, которые на виду, вводят в заблуждение относительно остального, поскольку у нее тонкие руки и довольно хорошо поса-

женная грудь. Но я не сомневаюсь, что такая, как она есть, она подойдет многим другим.

Меня бы это скорее облегчило, чем огорчило. Мне пришлось по пунктам объяснять ей, как должна вести себя особа, желающая, чтобы ее наслаждения не слишком вредили ей во мнении света. Ее неблагоразумие может приводить в ужас. Поэтому я хотел бы разделаться с нею до возвращения Лангардери, которому удастся получить лучшие связи при Дворе, так как его жена доставит их ему – самые разнообразные по количеству и качеству. Перед тем, как покинуть ее, я укажу ей на некоторых лиц. В число их я помещаю и Бривуа, вся неудача которого заключалась в том, что он повел атаку тогда, когда у нее еще были правила, от которых она теперь, к счастью, избавилась.

8 апреля 1678 г. Я три раза заходил в особняк Маниссаров и все не мог поговорить с барышней Викторией, которую я как-то забросил во время г-жи де Лангардери. Я очень расположен был послушать рассказы о г-не кавалере де Фрулене и потолковать о галерах и восточных народах. Все три раза я заставал только старую барышню де Маниссар на ее вышке. Она показала мне новые засушенные травы, цветы которых, как и она сама, были, быть может, некогда блестящими и душистыми.

Наконец, мне удалось встретиться с барышней

Викторией. Она показалась мне очаровательнее, чем когда бы то ни было. Лицо ее сделалось выразительнее, а фигура, не переставая быть странной, приобрела крайнюю остроту. Я задал себе вопрос, не собираюсь ли я в самом деле в нее влюбиться. Я взял на себя смелость выразить ей это в самых почтительных выражениях. Вдруг маленькая особа, выпрямившись и сделавшись серьезной, отвешивает мне поклон и с неожиданной важностью говорит, что она очень польщена моими чувствами, но сердце ее не свободно; все это сопровождается взглядом, где светится лукавство по отношению ко мне и нежность к другому, неизвестному мне. Имейте в виду, что ответ этот я получил от девочки, которая от небольшого роста кажется еще моложе и которая на руке держит попугая с вишней в клюве, а около нее гримасничает, сидя на заднице и почесывая под мышками, обезьяна с улыбающейся мордой, причем видны ее неровные белые зубы.

17 апреля 1678 г. Г-жа маршальша де Маниссар жаловалась мне сегодня на характер своей дочери, с каждым днем делающийся все более тяжелым и колким. При малейшем случае она жестоко колется. Она встречает с гневом малейшее замечание, так что г-жа маршальша просила меня передать ей некоторые наставления в надежде, что при явно оказываемом мне доверии барышня Виктория скорее их примет от ме-

ня, чем от нее. Я должен был вывести г-жу маршальшу из заблуждения. Я сделал это не без некоторой горечи, но пришлось объявить, что кредит мой у ее дочери очень слаб и что она почти не считается со мной, направив и зрение, и слух только на г-на де Поканси.

При имени г-на Поканси г-жа маршальша глубоко вздохнула. Я нашел ее чувствительную струну. Она призналась мне, что действительно заметила нечто похожее на то, что я говорил, и это ее очень огорчает: муж так заразился этим г-ном де Поканси, что привез его с собою из Дортмюде и держит здесь, где старая барышня де Маниссар его всячески поддерживает и смотрит на все его глазами. Она добавила, что всему этому должен настать конец и г-ну де Поканси придется уехать в провинцию, что же касается ее самой, то она не потерпит дальше такого положения вещей, при котором ей только и остается делать что плясать под дудку барышни Виктории, и что это – срамота, когда девушка так смотрит на мужчин, как ее дочь на г-на де Поканси.

Дурное настроение г-жи маршальши заставило ее поиздеваться над г-ном де Поканси. По правде сказать, слишком много говорить о нем нечего: у него стройная фигура и приятная наружность, скорее симпатичная, чем умная. Он хорошего роста и сложен пропорционально. Говорят, что у него есть состояние,

которое он умело тратит на костюмы, очень ему идущие и вызывающие восхищение у барышни Виктории.

18 мая 1678 г. Брак маленькой Маниссар и г-на де Поканси дело решенное. Помолвка была вчера, несмотря на противодействие г-жи маршальши, которая чуть не умерла с досады. В первый раз ее желание не исполнилось. Настояла на своем барышня Виктория, сумевшая выдержать все упреки и угрозы, даже угрозу, что ее отправят в монастырь. Г-н маршал слег в постель, как всегда в затруднительных случаях, и слышал всю эту пальбу только через дверь.

3 июля 1678 г. Король подписал брачный контракт барышни де Маниссар и графа де Поканси. Вчера они были в церкви. Подарки очень хороши, особенно удивительны жемчуга. Несмотря на время года г-н маршал захотел выйти не иначе как в шубе и с муфтой. Страх подвергнуться какой-либо болезни владеет им больше чем когда бы то ни было. Карета его наполнена всевозможными грелками, так что новобрачные вышли из нее все в испарине.

5 июля 1678 г. Вот кто такой на самом деле Поканси. Он из хорошего рода, внук того Поканси, что был сокольничьим капитаном при покойном короле Людовике XIII. Это обстоятельство могло бы помочь его отцу легко возвыситься, но он никогда ничего не предпринимал, чтобы выйти из мрака неизвестности чело-

века, не имеющего ни связей, ни должностей, так как своим поведением, не совсем обычным, но которому он оставался верен до конца, он доказывал, что никем не хочет быть; он никем и не был всю жизнь свою и не играл никакой роли, как ему этого и хотелось. В Париже, не помню уж в каком именно месте, у него был прекрасный дом, где он и жил в свое удовольствие, так как тот был превосходно обставлен и наполнен всевозможною мебелью, меж которой встречались редкие и драгоценные предметы. Там выказывал он себя человеком хорошего тона, не без странностей, если можно назвать странностью желание жить, ничем не занимаясь, кроме любви.

Любовью он занимался всю свою жизнь с превеликим множеством женщин, не останавливаясь ни на одной из них, даже на своей жене, которая умерла молодою. Желание его распространялось на всех, и он широко удовлетворял его. Так как было в моде давать прозвища, он был известен под именем прекрасного Анаксидомена. Доказательством, что он был порядочным человеком, может служить легкость, с какою дамы допускали его быть свидетелем того, что есть у них самого дорогого и тайного, например телосложения в самых сокровенных частях их тела. Все это составило ему целое сплетение похощдений, то изысканных, то вульгарных, так как в выборе своем он со-

образовывался только с тем, нравится ли ему наружность, не заботясь, принадлежит ли она благородной женщине или какой-нибудь мещанке.

Потеряв жену, от которой он имел теперешнего Поканси, он через пятнадцать лет тайком женился второй раз. Он удалился в деревню и жил там еще очень недавно. Умер он от несчастного случая. Сын его богат. Теперь он может чего-нибудь достигнуть, если же на захочет ему помочь. Ей шестнадцать лет, ему – под тридцать.

6 сентября 1678 г. Король, будучи великолепным во всех отношениях, хочет, чтобы в парке его не было уголка, где бы не ждала вас неожиданность и редкость. Так что он постоянно заботится о его украшении и довел его до состояния, совершеннейшего в этом отношении. В данную минуту сооружают колоннаду, украшенную водоемами, фонтанами и статуями. Планы и рисунки представлены г-ном де Лером, а г-ну Дансину поручено провести туда воду. Работа уже достаточно подвинулась, так что можно судить, что все будет очень привлекательно и, безусловно, соответствовать вкусу его величества.

Однажды я отправился на место стройки посмотреть, что уже сделано. Удостоверившись, что все идет прекрасно и не оставляет желать ничего лучшего, я возвращался по уединенной аллее, как вдруг, к боль-

шому моему удивлению, увидел сидевшую на каменной скамейке г-жу де Лангардери. Место было отдаленное, и я подумал, что г-жа Лангардери поджидает кого-нибудь. Я было отвернулся, чтобы не смущать ее, но она меня окликнула и, несмотря, на мои отговорки, пригласила сесть рядом с нею. Местоположение было приятно, и было мало вероятности, чтобы кто-нибудь попался навстречу. В углу трельяжа бил фонтанчик и доносились звуки садовых грабель и пил каменотесов.

Г-жа де Лангардери не скрыла от меня, что у нее назначено свидание с г-ном принцем де Бальмоном, но что время, когда он должен был явиться, уже прошло, и очень мало вероятности, что он придет. «Как, сударыня, – сказал я, – у вас роман с этим грязным Бальмоном? Но ведь даже тесть его, г-н де Ворай, отзывается о нем не иначе как с презрением. Он толст и груб, а раскрашенное лицо его весьма неблаголепно! При том он так душится, что он него разит. Как! Вы предпочитаете его всем тем, которых я взял на себя смелость рекомендовать вам и за выбор из которых вы могли бы себя только одобрить?!»

Г-жа де Лангардери рассмеялась: «Но, сударь, откуда вы взяли, что я пренебрегла вашими советами? Смею вас заверить, что, наоборот, я, насколько могла, сообразовалась с ними; но наступил момент, ко-

гда мне пришлось бы опять вас беспокоить, и я должна была на свой страх продолжать путь, в котором вы мною уже не руководили».

Я был поражен, так как отлично помнил, что, кроме Бривуа, я указал г-же де Лангардери с дюжину других возможностей, и я высказал ей свое удивление, что она их так быстро использовала. Она не скрыла, что так и было. «Ах, сударь, – сказала она, – в этом отчасти виноваты вы, но я вас не упрекаю, хотя вы сделали меня требовательной. Я напрасно старалась вас заменить, это упрямое желание и довело меня до такого положения, так что вот почему, сударь, в настоящую минуту я дошла до принца Бальмона. Он груб и безобразен, согласна, но он так мало напоминает вас, что мне легче забыть о расстоянии, отделяющем вас от него».

И г-жа де Лангардери тихонько вздохнула, глядя, как вода переливается из водоема фонтана. Ее грудь слегка всколыхнулась от вдоха. Я уже говорил, что грудь у нее была прекрасной, и я не остался к этому бесчувственным, равно как и к привлекательности ее лица. Сожаление об удовольствии оживляло его необыкновенно, и я почувствовал, как оживает во мне сладкое воспоминание, тем более что мужчине, как бы ни был он лишен тщеславия, трудно удержаться на той точке, на которой мы находились. Это чувство

могло бы побудить меня к досаднейшим увлечениям, если б я сейчас же не понял, как смешно будет поддаться ему. Г-жа де Лангардери, может быть, и не разделяла моих мыслей: она смотрела на меня с нежностью. На скамье приходилось сидеть близко друг к другу, словно сам случай ставил нам западню. Я довольно быстро овладел собою и своим поведением дал понять г-же де Лангардери, что, хотя привлекательность прошлого сильно на меня действует, я не имею намерения предаваться ему более, чем этого достаточно для нежной растроганности.

Так мы провели некоторое время в мечтательности, затем я встал. По признанию самой г-жи де Лангардери, эти минуты были бы одними из самых приятных и сладостных, проведенных нами вместе, если бы не эти проклятые каменотесы, что работали над колоннами, которые мешали нам своими молотками и раздирали уши визгом пил.

3 января 1679 г. Вчера я встретил г-на графа де Поканси. Он с женою покажется при Дворе не раньше следующего месяца. Мне не терпится посмотреть, как будет вести себя особа, язычок которой создаст ей немало опасных и постоянных затруднений и характер которой не знает никакого удержу. Зрелище не может не быть забавным. Поканси, по-видимому, не очень заботится об этом и кажется счастливейшим че-

ловеком. И действительно, эта крошка, должно быть, создана для любви, что в данную минуту их больше всего интересует.

Портрет г-жи графини де Поканси под именем Софризы

Знаете или, скорее, узнаете ли вы Софризу? Она дочь сатрапа Манаксида³, одного из полководцев великого короля, а я слышал, что вам знаком Двор Александра. Софриза одно из самых интересных его украшений. Постойте, вот как раз она подвигается вдоль этой водяной линии. Она ближе к нам, чем вы думаете; ее рост вводит вас в заблуждение и удаляет ее от ваших глаз.

Софриза, действительно, невелика ростом, и привлекательность ее зависит скорее от ее наружности, чем от фигуры. Если первое не нуждается в помощи искусства, то для второй требуется, чтобы было приведено в порядок то, что в нем требует исправления. Природа не одарила Софризу внушительными прелестями, составляющими отличие Ксаниде⁴. У нее нет необузданного желания быть замеченной, ко-

³ Г-н маршал де Маниссар.

⁴ Г-жа де Бривуа.

торое даже несколько неприятно в Белярминде⁵. Она – сама по себе. Выражение лица у нее грациозное и осмысленное. Разглядите ее поближе. Она нас заметила.

Приблизимся. Но вы, по-видимому, чего-то боитесь? В чем дело? Что вы мне говорите? Вы боитесь ее насмешек? Опасаетесь с ее стороны резких выходов, что озадачивает человека и сразу его подкашивает? Вы имеете в виду насмешливые взгляды и язвительный разговор? Вы думаете, что Софриза на них способна, и вы не чувствуете себя готовым ни отвечать на них, ни им подвергаться? Значит, Софриза до такой степени опасна? Что страшного находите вы в юной принцессе, желающей всем нравиться и знающей, что лучший способ достигнуть этого заключается в обдуманной благопристойности и радушном общении? Или вы думаете, что Софризе это неизвестно? Конечно, она очень остроумна, но показывает свое остроумие постольку, поскольку нужно, и остерегается излишества в этом отношении. Она даже так умна, что не сердится, когда другие острят на ее счет. Она очень благоразумна и рассуждает настолько здраво, что честный Мэнидакт⁶, муж ее, может не беспокоиться. Нет оснований опасаться, что тиаре

⁵ Г-жа де Лангардери.

⁶ Г-н де Поканси.

его придется скрывать под собой какой-нибудь недостаток, распространенный среди македонских мужей. Пойдемте. Она нас заметила, повторяю, и было бы невежливо дольше делать вид, что мы ее не видим. Даю вам слово, что я не передам ей нашего разговора. Она не узнает, что вы знавали ее другой Соффризой, очень отличной от теперешней, когда она еще жила на острове Фенилонт⁷ во дворце своего отца, сатрапа Манаксида. Между двумя этими Соффризами нет ничего общего. Как будто бы прошла тут какая-нибудь фея или гений.

«Как! – скажете вы мне, – эта мудрая и рассудительная принцесса – та же Соффриза прежних лет, шумная, гневная, заставлявшая воздух звенеть от своих ссор, живая до того, что хотелось убежать, и преждевременно развитая так, что могла свободно оказать самые недвусмысленные знаки внимания, составляющие надежду ухаживателей и огорчение для мужей? Где же, Соффриза, забавы, которым вы предавались?»

Какой благодетельный дух укрепил ваши жесты и соразмерил ваши слова? Кто смягчил ваш язык и положил предел невероятным наивностям, придававшим выражению вашего лица еще больший невинный яд? Какое странное превращение? Помните, когда я явился во дворец Манаксида, вернувшегося после по-

⁷ Остров св. Людовика в Париже.

беды над скифами, весь дом был в треволнениях из-за вас. Вы плакали, сидя в кресле, так как ваше вызывающее непослушание навлекло на вас пощечину, нанесенную дорогой и достойной уважения рукою. А теперь в жилище вашего мужа Мэнидакта вас можно застать за чтением какого-нибудь славного автора, пишущего об обязанностях женщины, которому вы, Софриза, мудрая Софриза, могли бы служить образцом.

15 мая 1681 г. Я знал, что любовь творит чудеса, но не знал, что брак делает то же самое. Примером этому может служить невероятная перемена в барышне де Маниссар, после того как она превратилась в г-жу де Поканси. Большой разницы между тем, чем она была и чем стала, нельзя себе представить. Другим чудом, не менее странным, служит слепота г-на де Лангардери на беспорядочное поведение его жены; она дошла до предела⁸.

7 июля 1683 г. Версаль теперь служит местом главного и почти постоянного королевского пребывания. Работают над тем, чтобы сделать великолепный этот

⁸ Беспорядочное поведение г-жи де Лангардери занимает большое место в воспоминаниях г-на де Коларсо. Он ведет им точный и подробный счет. Г-н де Нолак уделил подобающее им место в своих выдержках. Я был бы не прав, продолжая их. С этой минуты г-жа де Лангардери перестает участвовать в нашей истории, и я теперь не буду следить за нею, обещая вернуться к ней когда-нибудь потом в своем месте.

дворец еще более достойным королевской славы. Работы продвинулись настолько, что скоро будут закончены. Таким образом, у короля для его Двора и штаба будет самое вместительное во всем свете жилище. Стройность и красота всего этого удивительны. Потребность находиться поблизости от короля и его министров побуждает каждого что-нибудь здесь строить. Не проходит месяца, чтобы не видно было какого-нибудь нового особняка. Особняк принца де Бальмона почти закончен и очень удобен. Особняк г-на маршала де Маниссара скоро будет окончен. Бедняга таким способом стремится приблизиться к королю. Ездить из Парижа в экипаже слишком для него тряско; на каждом шагу ему кажется, что он отдаст Богу душу. Подобные старания делать свою придворную карьеру заслуживали бы лучшего отношения. С тех пор, как он не служит, из знаков милости у него осталась лишь видимость, на которую имеет право его звание. Без этого последнего он не имел бы никакого значения. Его зять и дочь разделяют его незаметность. Все это замаскировано почтительностью, чисто показной, но нисколько не по существу.

Поканси, кажется, несколько огорчен этим. Он больше, чем кто бы то ни было, хочет понравиться королю и сгорает от стремления отличиться. Он сделал бы все, чтобы получить какой-нибудь знак внимания,

и удивительно, что ему не удается то, что другие имеют совершенно не по заслугам. Жена его старательно ему в этом помогает. Всех, кто ее знает, поражает ее примерная настойчивость и ровное, всегда хорошее расположение духа. От нее никогда не услышите ни насмешки, ни отзыва, которые могли бы кого-нибудь расположить не в ее пользу. В этом большая заслуга, так как от природы она совсем другая, чем кажется. Она пожертвовала ради своего мужа колкостью своего характера и языка. Насилие над собою с ее стороны так велико, что оно даже отражается у нее на лице. На нем порою можно заметить досаду, что столько забот и тяжелых усилий не приносят желанного плода.

Что касается самого Поканси, то он олицетворенная вежливость и размеренность, и так во всем и по отношению ко всем старается быть приятным, что к нему даже не чувствуют за это признательности; еще немного – и на него почти сердились бы за это. Но до этого он не доходит. Вот каковы они при ближайшем рассмотрении. Особняк хорош, они будут жить там все вместе.

30 сентября 1683 г. У короля, как я часто указывал, бывают странные предубеждения и необъяснимые отталкивания, от которых ничто в мире не может заставить его отказаться. Несомненно, нечто подобное испытывает он по отношению к г-ну и г-же де По-

канси. Для доказательства мне достаточно привести один случай.

Однажды, во время прогулки, король стал громко жаловаться, как ему надоедают те, которые его сопровождают, думая ему этим угодить. Правда, они очень шумят, особенно около него Его величество высказал крайнее неудовольствие и как на грех во время своих слов все время смотрел на Поканси, находившегося от него поблизости. Король во время своей воркотни не спускал с него глаз, так что бедняга не знал, куда деваться, и готов был провалиться сквозь землю; хуже всего, когда снова двинулись в путь, он не знал, идти ли ему со всеми или вернуться домой.

Несправедливость подобного обращения бросается в глаза, так как Поканси не способен на бестактности в поведении и в словах. Наоборот, он, как никто, сдержан в своем тоне и в манерах, отличается подлинною благопристойностью, боясь всего больше, как бы не уронить своего достоинства и не задеть достоинства другого.

То же отношение короля к ним недавно выказалось по поводу небольшой размолвки, произошедшей между г-жою де Поканси и г-жою де Бривуа. Дело само по себе не имело значения и между другими уладилось бы без всяких последствий. Но случилось, что о нем узнал король. Он пришел в сильный гнев и объявил во

всеуслышание, что он хочет, чтобы все это как можно скорее окончилось, что он все приведет в порядок; таким образом он наложил на бедную г-жу де Поканси самые тяжелые способы удовлетворения, вплоть до торжественных извинений по поводу, который по настоящему требовал бы легкой любезности. Нужно было исполнить волю короля. С виду крошка подчинилась. Голос у нее был такой задавленный, что минутами казалось: слова не могут выйти из ее горла, так как, несмотря на внешний вид, гордости у нее больше, чем у кого бы то ни было. Наконец, она выпила до дна чашу, горечь которой открыто читалась в ее чертах.

Она насилу выдержала, покуда не вернулась домой. Там на нее напал прилив ярости, так как по природе она вспыльчивая, быстрая и не могла дольше сдерживать досаду, которая ее душила. Она два часа кричала и плакала так, что все находившиеся при ней пришли в ужас, разбила больше чем на тысячу экю фарфора и хрусталя, что находились под рукою, и чуть не убила любимого попугая за то, что бедная птица хохотала при виде всего этого. Нужно иметь большое расстройство ума, чтобы обижаться на бессловесное животное. Она насилу отошла от буйства и до сих пор еще не встает с кровати.

6 июня 1685 г. Король собирается переехать в Фонтенебло из-за испорченного здесь воздуха. Болезнь

делается опустошительной. Вчера посреди дня принц де Бальмон подвергся этому странному заболеванию. Сегодня опасаются, не заболел ли маршал де Маниссар.

7 июня 1685 г. Он заболел. 11 июня 1685 г. Г-н маршал де Маниссар скончался сегодня на рассвете. С самого начала болезни он не сомневался, что она тяжела, и воспользовался моментом полного сознания, чтобы привести в порядок свои дела. Потом он благоговейно приобщился св. тайн. Наконец, призвал к себе дочь и зятя, несмотря на протесты их, простился с ними и попросил их удалиться, не желая, чтобы они при нем находились, и отказавшись от врачей, которыми все время окружал себя при малейшем нездоровье или даже при полном здоровье. Он нашел еще в себе силы сказать шутливо, что они слишком часто были неправы, и он не хочет, чтобы они в данном случае оказались правыми, и что он при жизни достаточно на них потратился, а потому они могут оставить его или умереть спокойно, или выздороветь самому. После этого он решительно выставил их за дверь.

Подобная странность способна удивить со стороны человека, как г-н маршал, который при малейшем недомогании впадал в ужас и окружал себя всевозможными заботами; поведение свое он отчасти объяснил, пока еще находились около его кровати. Он

объявил, что всегда в болезни боялся не ее исхода, но пути, по которому она пойдет, и перепутий, на которых она будет останавливаться. На этот раз, по-видимому, она решила идти прямо к цели кратчайшей дорогой, и он хочет этим воспользоваться.

– В конце концов, – добавил он, – смерть меня не пугает, особенно в мягкой постели со всеми удобствами, между тем столько раз я рисковал окончить свои дни на валу бастиона или на соломе носилок, вдали от всех, под открытым небом.

В заключение он сказал, что проверка эта заслуживает внимания и очень хорошо, что она имеет место; если он выйдет из нее с честью, он будет знать, что ему можно еще доверять своим телесным силам, если же нет, то он разом избавится от недугов, которые не замедлили бы на него обрушиться.

Потом он натянул одеяло на нос и перестал говорить. При нем осталась его сестра, старая барышня де Маниссар.

Что касается его жены, то при первых признаках болезни она живо улетела в Париж. Пришлось моментально запрягать лошадей к ее отъезду, и, покуда запрягали, ее невозможно было удержать в комнате, так боялась она вдыхать зараженный воздух. Она вышла в сад под самым солнцепеком и от страха так волновалась, что три раза ей пришлось, подняв юбки, по-

лить кусты по краям дорожки, причем она все время спрашивала, поданы ли лошади, будто малейшая задержка могла оказаться для нее роковою. Как только она добралась до Парижа, то разделась догола и всю ночь натиралась маслами; так как служанки выбились из сил, она приказала разминать себя рукою здоровому лакею, которому, из совершенно бесполезной предосторожности, завязала глаза.

Между тем маршалу было то лучше, то хуже. Король послал ему лучшего своего врача, но тот почтительнейше отказался его принять. Многие другие из медиков, с которыми он имел прежде дело, сочли своим долгом провести его. Любо было смотреть, как они высаживались во дворе из карет или портшезов, в которых приезжали, подымались по лестнице и вели переговоры через замочную скважину, чтобы их пропустили в комнату. Двери для всех были закрыты. Одни уходили взбешенные, другие пожимали плечами. Приходили они всякого сорта, старые и молодые, сторонники антимония и приверженцы рвотного, даже шарлатаны и эмпирики, потому что и против них г-н маршал ничего не имел. Но в данную минуту даже сам Эскулап не заслужил бы его благоволения.

Девятого г-н маршал был очень плох; на следующий день он чувствовал себя лучше, так что возобновилась надежда; улучшение было кратковременным,

и он умер сегодня утром очень тихо, не говоря ни слова, но кажется с упрямым и удовлетворенным видом человека, который хоть раз в жизни поступил сообразно своему желанию, что при характере г-жи маршальши удавалось не часто.

Она узнала о своем несчастье с большой твердостью. Барышня де Маниссар неутешна. Она крайне любила брата.

Король, отдавая должное заслугам г-на маршала, не одобрил его смерти. Он очень не любит, когда люди, удостоенные с его стороны высоким положением, как г-н де Маниссар, выделяются действиями, служащими доказательством, что почести, которыми можно их наделять, нисколько не меняют сущности нашей природы, во многих отношениях остающейся подверженной смешным случайностям, из чего явствует, что состав людей величайших и ничтожнейших одинаков и состав этот несовершенен. Одним словом, его величество недоволен, когда уклоняются от принятых обычаев, хотя бы это касалось смерти, и когда желают быть независимыми и бунтовщиками.

3 августа 1685 г. Смерть г-на маршала де Маниссара, которая, по моему мнению, должна была быть опасной для Поканси, против всякого ожидания служит им на пользу. Можно было бояться, что они держатся здесь только благодаря покойному г-ну марша-

лу и без него не смогут обойтись. Он тут ни при чем. Король говорил с ними довольно милостиво и дал понять, что желает продолжать видеть их около себя. По правде сказать, я думаю, что этот знак милости происходит главным образом оттого, что король любит только привычки и привычные лица и при отсутствии даже тех, которые ему не нравятся, он чувствует какой-то недостаток.

Нужно добавить, что здесь очень довольны поведением кавалера де Фрулена. Только что получили известие, что этот молодой дворянин делал чудеса в морском сражении с африканцами. Его галера и он сам особенно отличились. Она сцепилась с неприятельской галерой, он вскочил первым и собственноручно убил капитана. Этот прекрасный поступок доставил ему большую славу.

11 декабря 1685 г. Король на этот год вбил себе в голову, что нужно иметь детей, и все дамы считают своим долгом доставить ему это удовольствие. Только и разговоров везде что о беременности. Принцесса де Бальмон уже запаслась. Однажды король очень резко спросил у г-жи де Бривуа, почему она лишает своего мужа сына. Женщина потеряла голову. С той минуты она все время спрашивает советов; с наступлением весны она поедет на воды.

28 мая 1686 г. Возвратившись с вод, г-жа де Бривуа

решила обратиться к Корвизо, врачу. Его ей очень рекомендовали г-н и г-жа де Поканси. Он лечит их обоих, и они очень довольны, хотя у г-жи де Поканси не заметно никаких признаков, объясняющих их довольство. Боюсь, что телосложение ее мало приспособлено к тому, чего от нее ожидают, так как оно хило и слабо. Подобных препятствий нет у г-жи де Бривуа, которая кажется созданной для этого. Впрочем, об этом судить Корвизо. Тут кстати будет сказать несколько слов об этой личности. Он принадлежит к довольно любопытной разновидности и заслуживает краткого очерка. Он не без способностей, но на подозрении у медицинского факультета, и товарищи на него косятся. К тому же, он и не величает себя доктором и открещивается от всякой медицины. Он говорит, что только делает осмотр тела, а лекарства свои дает тайком. Он не носит ни докторского платья, ни шапочки; хотя он безобразен, но одевается пышно, и все пальцы у него унизаны драгоценными камнями, пальцы грязны, отчего камни играют еще ярче. К тому же, брелочки, банты, такое убранство, что можно расхохотаться. Но каков бы он ни был, многие его слушаются. Не имея здесь доверия, он изредка все-таки появляется; явно к нему не обращаются, но пользуются его тайными советами. Входит он втихомолку, но уходит всегда чем-нибудь обеспечив себе возвращение. Он при-

надлежит к тем людям, которых встречаешь на лестнице и которые жмутся к стене, уступая вам дорогу. Я знаю людей, доверяющих ему слепо и доверяющих ему не по наружному виду, который у него вульгарен до крайности, хотя он и заботится о внешности. За версту от него пахнет духами, но к ним примешивается какой-то аптечный запах, от которого с души воротит. Вместо табакерки у него череп из слоновой кости. Он запускает туда один из своих ногтей, очень длинный, в золотом чехле. Причина его популярности кроется в том, что в своих разговорах он не употребляет никакого специального жаргона, ни одного латинского или греческого слова, а, наоборот, со всеми говорит самым понятным образом, самым грубым, непристойным, резким, особенно с женщинами, которых приводит в восторг эта циничная свобода слова. Расспрашивает он их о таких смелых и нескромных подробностях, что можно смутиться. Он не ограничивается расспросами, он осматривает с такою фамильярностью, что вгоняет в краску. Я знаю не одну, что прошли через его руки.

Кроме того, он грязен, нахален и любит громко делать замечания о непорядках, которые заметил. Он неустанно повторяет, что всякий должен испытывать отвращение к своему собственному телу, он унижает человеческую природу картиной того, что в ней нахо-

дится самого нездорового и отталкивающего. Кажется, ему доставляют удовольствие наше ничтожество и наши страдания при болезни. На этом и основана его репутация. В такой манере видят своего рода искренность, редко встречаемую: она смягчает то, от чего можно было бы прийти в отчаяние, шутками и словечками, которые подбадрывают и забавляют пациентов. Он заставлял смеяться над причиной страдания, уменьшая таким образом страх перед ним. Эта странная помесь откровенности и шутовства ему удалась. Кроме того, он дает лекарства, которые, будучи ни с чем не сообразны, действуют от этого не меньше. Он никогда не пишет рецептов и ограничивается словесными наставлениями и маленькими пузырьками, которые передает или под книжным переплетом, или внутри пирожка. Он много зарабатывает и богат. У него прекрасный дом на Дофинской улице, наполненный, по слухам, кубами и склянками. Жена его, так как он женат, еще красива, свежа и полна и может служить вывеской для средств, которые, по его словам, ему известны, чтобы улучшить цвет лица и рост волос. К нему часто обращаются по этим вопросам, а также и в других, более секретных, случаях. Поканси, муж по крайней мере, знают его с давних пор.

1 июня 1686 г. Г-жа де Бривуа вернулась от Корви-зо очарованной. Он осмотрел ее и предписал извест-

ные травы. Кроме того, он дал ей адрес некоей г-жи Лакур, о которой отзывался очень хорошо и которая, кажется, удивительна в вопросе о детях. Она живет в Маре и знает исключительные рецепты для излечения бесплодия. К этой способности ее присоединяется еще умение составлять гороскопы и предвидеть несчастья, которые могут нам угрожать и которые она предотвращает специальными зельями.

3 июня 1686 г. Я с большим трудом добился от г-жи де Бривуа рассказа о ее посещении г-жи Лакур. Вот точное его изложение, как бы странен он ни казался.

Она поехала второго в Париж под предлогом навестить г-жу маршальшу де Маниссар. Въехав в город, она отослала своих людей и, выйдя из кареты, поехала в наемном экипаже к назначенному месту. Для этого она дождалась, когда стемнело.

Открыла ей старая служанка и внимательно ее рассматривала при свете фонаря, который она держала. Дом был с виду очень бедный, и г-жа де Бривуа думала, что ее введут в логовище гадалки. К большому удивлению, она очутилась в очень хорошо обставленной комнате, ничем не похожей на пещеру предсказательницы.

Она занялась ее рассматриванием, как вдруг в комнату вошли. Г-же Лакур лет под сорок, у нее средний рост и лицо еще приятное, с каким-то неуловимым вы-

ражением хитрости и благоразумия. Говорит она сладеньким голосом и слегка с итальянским акцентом. При имени Корвизо она улыбнулась и пригласила г-жу де Бривуа сесть и рассказать причину своего визита. Г-жа де Бривуа, полная надежд, прямо приступила к делу, изложила вкратце положение вещей и попросила лекарства. Г-жа Лакур выслушала ее, потом ответила, что лекарства бывают опасны и часто не достигают результата, что г-н Корвизо очень преувеличил ее способности, что прописать нужное средство он мог бы сам, что она простая старомодная женщина и все в том же роде. Но г-жа де Бривуа не дала себя заговорить и странным образом начала настаивать, говоря, что она не уйдет до тех пор, покуда для нее чего-нибудь не сделают. Ее желание относительно известной вам вещи было так живо, что она вложила в свои слова пылкость и оживление, которые, по видимому, поколебали г-жу Лакур. Та, в конце концов, сказала, что из всех средств знает только одно, но она очень боится, что оно не понравится.

Г-жа де Бривуа живо протестовала. Г-жа Лакур все еще колебалась. Наконец, она решилась и сказала г-же де Бривуа, что, если та обещает ей не нарушить тайну, то, может быть, она сможет оказать ей помощь в том, чего она так страстно желает.

Тут прерывается рассказ, который по моему насто-

янию неохотно сообщила мне г-жа де Бривуа, и, как сильно любопытство мое ни побуждало меня просить продолжать его, она постоянно отказывалась это сделать и поведать дальнейший ход своего приключения. Тщетно доказывал я ей, как опасно в подобного рода конфиденциях останавливаться на полпути и не доводить их до конца. Человек, которому рассказали только половину, принужден сам выдумывать окончание, и неопределенность, в которую его поставили, побуждает его предполагать то, чего не было. Несмотря ни на что, г-жа де Бривуа упрямо пожелала здесь остановиться и умоляла меня не заставляя ее жалеть о том, что она заговорила со мною о таких вещах, о которых ей, без сомнения, лучше было бы не заикаться.

Разговор этот не давал никакой ясности насчет того, что могла предложить г-жа Лакур, хотя довольно легко можно подумать, что в данном случае дело шло о заговорах и всякой чертовщине, которой женщины, вроде г-жи Лакур, подвергают несчастных, имевших глупость прибегнуть к их знаниям. Тем более что в Париже нет недостатка ни в колдуньях, ни в составительницах волшебных напитков, которые не довольствуются бальзамами и составами и для вящего поражения умов обращаются за помощью к магическим операциям. Вероятно, она сочла нужным заставить присутствовать на каком-нибудь подобном зрелище и

бедную Бривуа, которая, раз припадок доверчивости у нее прошел, стыдится, что не могла ему противостоять, чему мы все подвержены, когда дело идет о нашей выгоде или об исполнении нашего желания.

8 июня 1686 г. Я нашел дом г-жи Лакур по указаниям г-жи де Бривуа. Но самой г-жи Лакур там не знают.

13 июня 1686 г. Наконец, я дождался от г-жи Бривуа продолжения ее рассказа. Женщинам очень трудно держать что-нибудь в секрете. После того, как г-жа де Бривуа обещала хранить тайну г-жи Лакур, та взяла ее за руку, приказав молчать, и повела вдоль темного коридора до форточки, перед которой шепнула на ухо: «Вот средство, сударыня», помогая ей влезть на табуретку. Форточка выходила в освещенную комнату. Женщина с закрытым лицом лежала на кровати совсем голая в объятиях мужчины. Он был вроде силача, сильный и волосатый; был виден лоснящийся загривок, могучие бедра и раздвинутые ляжки. Он не берег своих сил, а женщина не скрывала своего наслаждения. Это заметно было по открытой, разморенной ладони руки, которая свешивалась с кровати.

Г-жа де Бривуа так была ошеломлена, что минуту стояла неподвижно, потом, закричав и опрокинув табуретку, бросилась бежать по коридору, открыла дверь, спустилась по лестнице и очутилась на улице.

Приключение очень странное, и я не знаю, что об

этом подумать. Действительно ли г-жа Лакур занимается ремеслом, образчик которого она показала г-же де Бривуа, или эта проделка придумана грубым воображением Корвизо? Бедная Бривуа все время повторяет, что, судя по работе, молодец должен был хорошо вести дело.

5 марта 1687 г. Его величество, решив покарать наглость африканских пиратов, счел нужным послать против них настоящий флот, чтобы уничтожить их пристанище и одним ударом обеспечить безопасность на море. Уже два месяца, как флот распустил паруса, и как раз сегодня получены о нем известия. Эскадра под командованием мальтийского командора г-на де Корробена состояла из четырех больших судов – «Королевского», «Серьезного», «Сильного» и «Ловкого» в сопровождении галер. Они захватили и пустили ко дну более двадцати судов и нанесли при помощи бомбардировки большой ущерб городу Жипполи. Подвиги эти пристыдили Полумесяц. Эскадра вернулась в Тулон. Вместе с другими сошел на берег и тяжелораненый кавалер де Фрулен, причем еще не известно, какое он получил ранение.

18 января 1688 г. Никто еще не видел кавалера де Фрулена и не уверены, поправится ли он. Находится он у г-на де Корвиля, в Ним-ле-Буа. Там на чистом воздухе он поправляется, так как крайне ослаб от потери

крови.

20 апреля 1688 г. Этот г-н Корвиль, о котором я хочу сказать несколько слов, происходит из весьма благородной дворянской семьи. Он был на службе и служил очень хорошо. При осаде Дортмюде ему раздробило ногу, и он остался калекой. Он участвовал в походе в полку Маниссара, но все время военному режиму предпочитал занятия природой. Ему всегда доставляло бесконечное удовольствие следить, как выходят из земли и растут растения, наблюдать их форму и время появления. Он чувствовал себя хорошо только в садах или полях, вдыхая исходящий из них запах, сельский и огородный дух которого он любил. У него было календарное чутье, и он с замечательной точностью мог предсказывать, какая будет погода. По движениям ореховой палочки он умел отгадывать подземные ключи, и неоднократно замечали, что, предводя своей ротой, он останавливался, чтобы дать совет крестьянам, как вязать сноп, как сделать прививку дереву. Можете себе представить, какую жалостью он проникался при виде жатвы и плодовых садов, искалеченных бичом войны. Он и в лагере сохранял сельские вкусы своей юности и говор родной своей провинции. Покинув службу из-за раны, полученной у Дортмюде, он удалился на покой в Нимле-Буа, что находится в шести верстах от Версаля по

направлению к Ментенон. Он устроил там огород, образец того, что можно сделать лучшего в таком роде, и выращивал лучшие фрукты и превосходнейшие овощи. Часто он удостоивается чести поставлять их к королевскому столу. Я тоже их пробовал за столом у маршала де Маниссара, которому г-н де Корвиль ежегодно присылает их в подарок. Особенно хорошо он выращивает в теплицах крупный и мягкий горошек, а также дыни, вкус которых он доводит до удивительной сладости и остроты.

Любо посмотреть, как он ковыляет среди гряд. Он наблюдает за ними с крайним старанием и безжалостен к воришкам, которые захотели бы поживиться, так как в саду достаточно плодов всякого рода, чтобы соблазнить проходящих. Вообще же г-н де Корвиль очень любит показывать всякому, кто у него попросит, свой огород и его достопримечательности.

Огород этот занимает большое квадратное пространство, хорошо защищенное и разделенное на ровные гряды. Желоба устроены аккуратные из муравленной черепицы, а посередине находится павильон, по решетке которого вьется светлый виноград, такой же хороший, как в Фонтенебло. Хотя садовод наш охраняет свои плоды от всего, что может повредить их сохранности и красоте, он вовсе не скупится и раздает их от чистого сердца. Он в изобилии достав-

ляет их господам Поканси, свое почтение к маршалу он перенес на них, что в наше время могло бы многим служить примером. Нет таких предупредительности и заботливости, которых он не оказывал бы по отношению к ним и которые не преследуют никакой выгоды, так как ему не о чем просить. Он живет в довольстве. Дом его можно было бы назвать хорошо обставленным, если бы он не был загроможден всякими семенами. Шкафы переполнены мешочками с этикетками. Нередко комнаты служат складом для фруктов. Груши и персики рядами разложены по подзеркальникам. На камине вереница дынь, и даже под балдахинами кровати повешены виноградные кисти, отчего все альковы полны жужжания пчел и ос. Прибавьте к этому еще садовые инструменты и лейки, на которые вы натыкаетесь в прихожей. Это огорчает его жену, так как он женился.

Она белокура, небольшого роста, медленна в движениях и превосходно ухаживает за цветами. Родом она фламандка, вдова одного из дортмюдских горожан. Корвиль оказывал ей услуги во время осады, а она ходила за ним, когда тот был ранен. Он женился на ней по любви. Она говорит на фламандском наречии, что отлично вяжется с босеронским говором ее мужа. В конце концов, женщина самая тихая и уравновешенная, какую только можно себе представить,

и умеющая, как никто, выращивать тюльпаны и семенами, и луковицами. Она выводит прекрасные сорта – темные, полосатые, мохнатые и пятнистые. Ходит за ними она сама.

Так живут они вдвоем в счастливейшем уединении. Без конца толкуют между собою о посадках, семенах, посевах, луковицах, наслаждаясь в окружающем красотою времен года и чистотою воздуха, на что столько других людей не обращают внимания, проводя жизнь, не вкусив простой и естественной приятности, находящейся в этих вещах, которые составляют одно из наслаждений, самых свойственных человеческой натуре, о котором так часто забывают.

29 сентября 1687 г. Здесь только и говорят о приключении с г-ном кавалером де Фруленом. Вот как было дело во всех подробностях. Оно ясно подтверждает малоизвестную черту в характере короля. Он относится благосклонно, когда рискуют жизнью у него на службе, но с трудом переносит, когда выставляют ему напоказ следы того, что великие предприятия по его приказанию не обходятся без ущерба для тех, кто в них принимает участие. Дело происходило так.

Я уже сказал, что кавалер де Фрулен послан был поправляться от ран в Ним-ле-Буа. За исключением смертельных случаев, редко пушечный выстрел производит такое повреждение, как на теле г-на де Фру-

лена, и может считаться чудом, что он остался в живых после цепного ядра, раздробившего ему обе ноги до бедер. Кроме того, находясь в самом жарком бою, он был ранен еще множеством пуль, одна из которых обезобразила ему лицо. По окончании битвы его подобрали, считая за убитого, на палубе галеры около руля; но, увидя, что он еще дышит, сделали перевязку, не столько в надежде на то, что он выживет, сколько для того, чтобы не опустить ничего для спасения доблестной жизни. Командир де Коррабен приказал перенести его на свое судно, чтобы ему было удобнее. Несмотря на это, море, которое на обратном пути было бурным, не давало ему покоя, и он жестоко страдал, так бросало его из стороны в сторону, и неоднократно готов был испустить дух. Но если где Фрулен отличался бесстрашием в минуты, когда нужно рисковать жизнью, то имел он и неистребимую потребность жить, которая необходима, чтобы не потерять силы. Действительно, у него в характере есть что-то живое и предприимчивое, что было и у его сестры, покуда она не вышла замуж за Поканси, и что она утратила вследствие старания быть неуязвимой в отношении приличий и вежливости. У Фрулена это горение в полной своей пламенности так поддерживает его дух, что во время худших страданий он не переставал шутить самым свободным и неистощимым

образом. Следствием этого было то, что он остался в живых. Целительный воздух Ним-ле-Буа так поправил его здоровье, что, как он сам выражался, невероятным казалось иметь, при отсутствии двух частей тела, которые нужно было бы питать, столь усиленный аппетит, а потому весьма возможно, что они опять у него вырастут.

На самом деле он остался калекой, что во всяком возрасте довольно печально, особенно в его, но он, по-видимому, был другого мнения, судя по тому, как упражнялся в пользовании механическим приспособлением, которое ему соорудили. Оно состояло из деревянной чашки с колесиками, дававшими ему возможность передвигаться в разных направлениях. Он пользовался ею с удивительной ловкостью, хотя не раз вначале наезжал на дыни и портил тюльпаны г-жи де Корвиль. Однако он начал огорчаться, хотя и не говорил об этом, безразличием короля по отношению к нему. Его величество ничего не предпринял, чтобы вознаградить г-на де Фрулена за его поведение. Ни разу он не осведомился о его здоровье. Мало-помалу это упорное забвение еще больше огорчило кавалера. Веселость его нарушилась, характер помрачнел, и он захотел вернуться в Версаль к сестре, так как ни она, ни ее муж не смели оттуда двинуться из боязни не угодить королю отсутствием, предлог к которому,

без сомнения, показался бы недостаточным оправданием в его глазах.

В Версале г-н де Фрулен никуда не показывался. Он все еще ждал от короля знака милости, которого не последовало. Наконец, не в силах больше терпеть, он решился на несчастный шаг, погубивший его.

Г-н и г-жа де Поканси в этот день были в Париже у г-жи маршальши де Маниссар, а то бы они воспротивились этой роковой выходке. Воспользовавшись их отсутствием, он упросил г-на де Берлестанжа, полуидиота, бывшего некогда его воспитателем, чтобы его отнесли в портшезе к королевскому парку. Г-ну кавалеру очень понравились фонтаны, и он выразил желание остановиться на берегу большого канала посмотреть гондолы, заведенные там королем. Г-н кавалер де Фрулен знал, что его величество почти ежедневно туда приходит, и верно рассчитал время королевской прогулки.

Король не преминул явиться. Как только Фрулен издали его завидел, то приказал высадить себя из портшеза. Вот он на земле в своей чашке, выпрямившись, как нельзя лучше. Оделся он в лучшее свое платье. Король приближается. Фрулен выстраивается вдоль аллеи. Король в трех шагах, Фрулен раскланивается. Король отвернулся и, случайно или нарочно, прошел мимо, ни слова не говоря. На что надеялся Фрулен?

Неизвестно. Привлечь к себе внимание? Но разве ему было неизвестно, что король не терпит уродов и калек? Что за странная фантазия желать показаться во что бы то ни стало! Не считая уже того, что Фрулен даже по возрасту не мог быть известен королю. Какой же шанс, что король мимоходом будет наводить справки об этом убогом, что почти загородил ему дорогу?

Наверное, так никогда и не узнают, откуда явилась эта курьезная дерзость и чего Фрулен от нее ждал, но, без сомнения, он был жестоко обижен тем, что его не заметили. Может быть также, что от болезни у него повредился рассудок. Берлестанж уверяет, что он плакал. Он был в двух шагах от канала. Вдруг, раньше чем могли его удержать, он оттолкнулся руками и покатился. Вода всплеснула. Тяжесть его опрокинутой чашки держала его вниз головой, будто черепаху какой-то небывалой породы. Лодочники сбегались на крики Берлестанжа.

Его вытащили, но он был мертв, так и пришлось всего мокрого его поместить в портшез и отнести домой.

11 апреля 1688 г. В те времена король покровительствовал большой роскоши в одеждах. Он сам давал пример этому. Он снова вернулся к привычке иметь костюмы с массою украшений; конечно, все ему подражают и стараются превзойти один другого. Одна-

жды г-жа де Бривуа показала себя бесподобной, сегодня восторг вызвала г-жа де Поканси. Нужно было иметь храбрость с таким невыигрышным ростом и с наружностью, всецело состоящей из подробностей, рисковать на такое убранство, но она чудесно вышла из положения. У всех вырвался единодушный крик восторга. Что касается ее мужа, что он ни надеет, все сидит на нем превосходно, поскольку это один из самых стройных дворян. Можно этим себе составить карьеру при дворе, но они почти не продвигаются вперед, и все, что могут сделать, это не потерять раз завоеванного положения. Кроме того, он не ворчун, не злословец, и жена совершенно ему под стать. Оба они воплощенная добродетель, но это не помогает им в их делах; хотя в данную минуту они немного повысились, – это не более как просвет. Странная смерть г-на кавалера де Фрулена не слишком им повредила. Несмотря ни на что, в том положении, в каком они находятся и продолжают находиться, малейший щелчок по их равновесию мог бы ввергнуть их в ничтожество.

8 мая 1689 г. Г-жа де Бривуа беременна. Она рассказывает об этом направо и налево. Я думаю, что все-таки г-жа Лакур как-то в этом замешана.

3 сентября 1689 г. Корвизо помещен в Бастилию. Жена его подала на него жалобу. Она обвиняет его в том, что он хотел ее отравить. Казалось, они жи-

ли дружно, но заявление ее заключает в себе столь определенные пункты обвинения, что начальник полиции начал следствие. Результатом его был приказ об аресте Корвизо. У него нашли множество порошков, о сущности которых должен высказаться медицинский факультет.

7 сентября 1689 г. Исследование снадобий Корвизо привело к столь изумительным открытиям, что все смутились. Не менее были бы смущены, если бы узнали, какие странные лекарства прописывал Корвизо своим больным. Они таковы, что под видом целебных средств он заставлял глотать ужасные гадости, от одной мысли о которых с души воротит, но они особенно повредить не могут. Так что он довольно легко мог бы вывернуться из этого дела, если бы жена его не впутала сюда некую г-жу Лакур, хорошо известную полиции как особу подозрительного поведения, гадалку и сводницу. Г-жа Корвизо утверждает, что муж хотел от нее отделаться, чтобы жениться на этой негодяйке; что он прописывал ей под предлогом несуществующей болезни всякого рода снадобья, от которых до сей поры она отказывалась. Тогда муж прибегнул к г-же Лакур, снабдившей его порошком по известному ей рецепту, одна щепотка которого на стакан воды достаточна, чтобы избавить человека от упорных родителей или от бремени неудобной жены. Порошок этот,

один пакет которого удалось захватить г-же Корвизо, завернут в бумагу, на которой сохранились следы почерка г-жи Лакур. Арестованная, в свою очередь, не признает себя виновной.

Король приказал тщательно исследовать дело. Он не переносит ядов и всего, что с ними соприкасается, и хочет дать наглядный урок, так как число давателей этих пилюль велико. Многие прибегают к их услугам. Ни для кого не секрет, что многие из именнейших придворных занимаются этим. Строжайшие запреты не пресекают зла, С тех пор, как г-жа Лакур публично обвинена, некоторые лица скрывают свое беспокойство под видом любопытства. Я не говорю о тех, кто обращался к Корвизо: они отделались чувством отвращения, узнав теперь, какие мази он им продавал и из какого состава и материала они приготавливались. Но я подозреваю, что г-жа Лакур обслуживала многих, так как у нее можно было найти вино, игру и девиц. Говорят, что у нее много квартир, причем в каждой она известна под другим именем.

13 сентября 1689 г. Начальнику полиции еще не удалось сорвать личины с г-жи Лакур. Что касается Корвизо, то от страха он потерял всякую сдержанность. И он, и дама согласно показывают, что пресловутый порошок был не более как шутка, чтобы припугнуть жену Корвизо, которая ему надоела и от кото-

рой он хотел отделаться, отправив ее в провинцию. Лакур способствовала ему в этой хитрой проделке. Он утверждает, что не знал состава порошка, признается в своем полном невежестве в медицине, что служит хорошим уроком для людей,веряющих свое здоровье в руки подобных шарлатанов, когда небезопасно доверять его даже настоящим докторам, как следует изучавшим искусство врачевания.

Корвизо хвастается, что лечил всегда наобум, и признает себя обманщиком. Для того чтобы смягчить судей, он паясничает самым низким образом. Он сделал себе дурацкий колпак и упрямо не показывается иначе, чем в нем. Нужно срывать его с головы, когда Корвизо ведут на допрос. Он низок и пошл.

15 сентября 1689 г. В деле наступил перерыв. Начальник полиции хочет в подробностях установить прошлое г-жи Лакур, которое очень темно. Теперь занимает внимание следующая интермедия.

В бумагах Корвизо открыли указания на то, что он в течение долгих лет позорным образом эксплуатировал графа де Поканси и выкачивал из него значительные суммы. У г-на де Поканси было два брата, гораздо моложе его, от второго брака его отца. Оба они, неуживчивого характера, были отправлены вместе с ним в армию служить добровольцами. В один прекрасный вечер, при Дортмюде, который тогда оса-

ждал маршал Маниссар, они дезертировали. Корвизо, замешанный каким-то образом, не знаю каким, в эту историю и зная Фландрию, где прежде жил, предложил свои услуги для их разыскивания. Он довольно скоро узнал, что бродяги в Амстердаме сели на корабль, направлявшийся к американским островам. Туда они не доехали, так как один был убит во время драки, а другой за участие в бунте повешен на рее. Смерть эта вовсе не входила в расчеты Корвизо, и он скрыл ее. На первых порах г-н де Поканси искренно желал узнать, что постигло его братьев, и истратил крупную сумму на поиски. Тогда Корвизо придумал, что они сделались морскими разбойниками и странствуют по морям. Он расписывал их бедному Поканси такими опасными и свирепыми, что у того, вместо желания их возвратить, появился безумный страх, как бы они не вернулись. Представьте себе этих дикарей, пьяных, чертыхающихся, с закопченной кожей и в одежде из сплетенных листьев, приехавшими в Версаль. Поканси бросало в дрожь от мысли об этом ужасном появлении, которое Корвизо утверждал возможным и даже близким. Нужно было отсрочить его во что бы то ни стало. Поканси платил. Платил он в течение десяти лет.

То нужно было вооружить транспортное судно, то заново оснаститься. Один взывал, другой требовал,

оба угрожали вернуться. Через уста Корвизо они говорили слуху Поканси, хватавшемуся за кошелек. Корвизо прикарманивал деньги, и комедия продолжалась. Все это обнаружилось только на этих днях. Корвизо признался в плутне. Поканси не возвращается к этому вопросу. Всех веселит, как он ошибся в расчете. Даже король соблаговолил позабавиться этим.

21 сентября 1689 г. Кое-что начинает выясняться из следствия начальника полиции по делу г-жи Лакур. Тихонько говорят, что г-жа де Бривуа и другие дамы прибежали к ее помощи и что она в своих показаниях открыла их имена. Теперь приблизительно знают то, что нужно было знать относительно г-жи Лакур. Только прежняя ее жизнь покрыта еще некоторым мраком. Полагают, что пытка его рассеет.

23 сентября 1689 г. К даме Лакур пыток не применяли. Увидя, что дело принимает такой оборот, она вдруг сделалась крайне надменной. Она заявила, что не может давать показаний, не скомпрометировав личностей весьма высокопоставленных, то, что она говорила о г-же де Бривуа – только цветочки; притом она сама такого происхождения, что многим это будет удивительно и что она скрывала это из пристойности, не желая огорчать порядочных людей, находящихся с нею в родстве. В конце концов она так повела дело, что нагнала робость на судей. Кроме того, они

боялись, доведя ее до крайности, возобновить ужасы следственной комиссии 1680 года и хотели избавить короля от горьких воспоминаний о ней.

24 сентября 1689 г. Ветер подул в другую сторону. Склонны все дело считать за пустяки. Г-жа Лакур упорно отрицает, что когда бы то ни было хотела отравить жену Корвизо. Между тем г-же Лакур не был неизвестен закон 1682 года относительно продажи лекарств, хотя она и уверяет, что продавала только самые безвредные, вроде тех, которыми торговал Корвизо.

Она еще раз вернулась к попытке отравления г-жи Корвизо, так как кто-то заметил, что, возможно, она желала ее заместить и выйти замуж за вдовца. На это она ответила, что Корвизо стар и уродлив, что же касается того, что он богат, так она ни в чем не нуждается, и пакет с порошком был простой проделкой, над которой можно только посмеяться. В этом пункте она стоит твердо.

Относительно других пунктов обвинения она соглашается довольно легко, особенно в вопросе о дурных нравах. Она не отрицает, что нравы ее плохи и весьма распущенны. Объясняет она это тем, что побуждала ее к этому природная сила, которой она не могла противиться и противостоять которой отказалась уже с давних пор. В этом отношении она следует зако-

ну своего темперамента, для которого наслаждение, вследствие долгой практики, сделалось насущной потребностью. Не ее надо винить в том, что жизнь ее протекает не так, как подходило бы ей протекать.

Она прибавила, что тут нет повода волновать людей, поскольку она не производит никакого соблазна. Она не приучает молодых людей к мотовству и не разоряет семей. Что касается продажи лекарств, она заявляет, что только трудность жизни заставила ее прибегнуть к этой торговле. Потому же она позволяла у себя играть и пить. Разумеется, она предпочла бы даром предоставлять лицам, почтившим ее своим обращением за советами, то, за что она брала настоящую цену, и бескорыстно давать им деньги, которыми она снабжала их, к ее большому сожалению, за самые умеренные проценты.

Во всем этом нет ее вины, а провинность ее происходит от того, что судьба далеко не всегда к ней благосклонна. Ей приходилось переживать неблагоприятные полосы жизни, и она удивляется, как могла преодолеть их тягости, не позволяя себе прибегать к средствам, которыми многие без колебаний пользуются и откуда извлекают не только минутную выгоду, но утверждают свое положение как самое устойчивое и почитаемое. Там, где другие возвышаются, она искала только поддержки для себя и решилась на это

лишь с большим трудом после перипетий бродячей и трудной жизни по разным странам. В нашей стране она рассчитывала окончить мирно и незаметно свое существование, и она жалуется, что в ее лице беспокоят личность благоразумную и уединившуюся. Относительно прочих сторон своего поведения она отвечает с той же непринужденностью и манерами хорошего общества, что заставляет относиться с доверием к ее утверждению о происхождении. Но на этот счет она ведет себя скромно и сдержанно, давая понять, что многое могла бы рассказать. Она извиняется, что занималась сводничеством. Что касается выкидышей, то она хвалится, что так много способствовала рождению детей, что несколько выкидышей можно было бы ей простить. Все это говорится свободным и шутивым тоном, который сбивает с толку, с итальянским акцентом, причем выражение лица самое естественное. У нее уверенный и сдержанный вид, что дает пищу для размышлений.

28 сентября 1689 г. В точности еще не знают, кем бы могла быть эта г-жа Лакур.

Она рассказывала, что в Амстердаме была любовницей живописца по фамилии Ван Бриксер, который сам себя называл Бриксериус. Он содержал ее и часто писал с нее свои картины. Не раз она изображалась на них обнаженной. Со многих этих полотен сде-

ланы гравюры, и они достигли даже здешних мест. Я видел некоторые из них. По ним можно судить о подлинной красоте г-жи Лакур, хотя художник, может быть, кое-что прибавил от себя и украсил свою модель, как это принято делать. На одной из них она изображена сидящей, на другой она стоит и поправляет локон прически. Лицо замечательно похоже. На нем нет и намека на стыдливость показаться перед всеми обнаженной.

Король приказал, чтобы у нее узнали, кто она такая. Она обещала сказать завтра.

29 сентября 1689 г. Вот что превзошло все ожидания! Ее зовут не Лакур, не Ландони, а Корландони, или Курландон. Она вторая жена Поканси, отца здешнего Поканси, у которого мачеха оказалась таким образом гадалкой, гнусность которой обнаружена и выставлена всем напоказ.

Негодяйка потребовала очной ставки с ним, а также попросила вызвать из Валь-Нотр-Дама, чтобы опознать ее, моего дядю, игумена де Шамисси, которого некогда знавала. Король велел мне передать, чтобы я не огорчался этим сверх меры.

30 сентября 1689 г. Нужно видеть Поканси. Если бы потолок рухнул на них, они не были бы так раздавлены и уничтожены. Действительно, жестокий удар – столь постыдное и неожиданное родство. Маршаль-

ша де Маниссар нарочно приехала из Парижа, чтобы упрекать за это Поканси, который тут ни при чем, но который тем не менее взвалил эту тяжесть на их семейство. Завтра должно состояться его свидание с Курландон.

3 октября 1689 г. Третьего дня имела место встреча г-на де Поканси с Курландон. Она приняла его с крайнею любезностью, даже извинялась за беспокойство. Она добавила, что к поступку этому была вынуждена; что ей менее всего желательно было признаваться в родстве, права на которое она ни за что не стала бы восстанавливать, не сложись так обстоятельства, что ей необходимо это было сделать для самозащиты.

Все, что она рассказала Поканси о своем замужестве, точно совпадает с тем, что было ему об этом известно. Она привела на память ему многие подробности, доказывающие ее правдивость. Так что она действительно то лицо, за которое себя выдает. Поканси слишком порядочный человек, чтобы отрицать это, хотя он и удручен. Тем не менее, узнать он ее не мог, так как видел ее всего несколько раз, когда ему было еще лет двенадцать – тринадцать. Она рассчитывает на игумена де Шамисси, чтобы окончательно установить свою личность. Он уже в пути.

Курландон, уходя, вручила судьям бумагу, где, по

ее словам, вкратце изложена история ее жизни и главных ее приключений. Уже ходят по рукам копии с этой бумаги. Вот одна из них:

История красавицы Курландон, бывшей г-жою Поканси, написанная ею самою

Родилась я, как мне говорили, девятого числа мая месяца в 1643 году, на одном из островов венецианской лагуны, в монастыре «Водной Божией матери». Мать моя, очень красивая монахиня, родила меня у себя в келье, моля Господа, чтобы мне быть красивой. Она едва успела взглянуть на меня, как меня отнесли в гондолу, ждавшую моего появления. Добрые люди из Джудекки вырастили меня как могли лучше; они не упускали ничего, чтобы ходить за мной, поскольку дядя мой сэръ Корландони всякий раз, как навещал меня, давал им цехины.

Когда я достаточно подросла, то есть когда мне минуло тринадцать лет, я поступила послушницей в монастырь «Водной Божией матери». Добрый дядя мой Корландони сам меня туда проводил. Тогда я узнала, что я там родилась, что мать моя там же умерла, произведя меня на свет. По его слезам я поняла, что она была дорога ему. В образе жизни, который там вели, не было ничего для меня неприятного. Я научилась

пению и танцам. Монастырская аптека выделявала для продажи за стены монастыря румяна, мази и при-тиранья. Меня научили множеству тонких и ученых рецептов, из которых многие впоследствии мне пригодились. Подруги мои меня любили. Приходило много господ покупать духи и саше, и мы разговаривали с ними запросто. Я многому научилась из разговоров с ними, и, по-видимому, мои беседы им нравились.

Три года прошли без свиданий с добрым моим дядей Корландони, Он путешествовал. Однажды вечером он вызвал меня к решетке. Он постарел и, по-видимому, не разбогател, потому как платье на нем было очень потертое. Он объявил мне, что скоро увезет меня в Париж. Я плакала при мысли, что мне придется покинуть тихую обитель «Водной Божией матери» в обществе жалкого старика, тогда как многие из красивых господ предлагали мне ехать с ними в раззолоченных гондолах. Действительно, мы путешествовали скромно, ночевали в плохих харчевнях, питались похлебкой, но дядя мой Корландони всю дорогу вел такие рассудительные и полезные беседы, что они сокращали долгий путь. А потому, приехав в Париж, я уже покорилась своей участи и не высказала неблагодарности по отношению к дяде, рассчитывавшему, что юность моя поможет усладить его состояние и окажет в старости поддержку, которую заслужи-

вала его доброта ко мне.

Первое время мне было очень скучно в его темной лавчонке, хотя он и одел меня в турецкий костюм. К нам часто приходил господин по фамилии Поканси. Он был хорошо сложен, хотя уже и не первой молодости. У него было прозвище прекрасный Анаксидомен. Он влюбился в меня и женился на мне. Дядя мой Корландони отправился в одно из бесчисленных своих путешествий и больше не возвращался. Что касается меня, то муж мой, г-н де Поканси, увез меня в старый замок в окрестностях Мёзы. Там провела я три года, каждый вечер подвергаясь возобновляющимся ласкам, родив зараз двух сыновей и изнывая от скуки. Наконец, терпение мое лопнуло, и я решила вернуть себе свободу. Однажды, когда г-на де Поканси не было дома, я незаметно убежала. Пока я спасалась бегством по полям, я все время думала, каким образом сохранить себе безопасность, как вдруг очутилась близ монастыря, называемого Валь-Нотр-Дамом. Недолго думая, я вошла в игуменский сад. Я находилась в начале грабовой аллеи. Как раз в это время прогуливался игумен. Звали его г-н де Шамисси. Я знала его по слухам, но никогда не видела в лицо, потому что муж мой из ревности удалял от меня всякого, кто мог бы отвлечь меня от него. Он хотел, чтобы из всех человеческих лиц я видела только его.

Как только я увидела г-на де Шамисси, он представился мне как освободитель, и у меня явилась мысль попросить у него защиты. Положение, в котором я находилась, способствовало тому, чтобы растрогать всякого любезного человека. Я думала, что возраст мой и красота расположат его в мою пользу. Старания, какие прилагал мой муж, чтобы ото всех меня скрывать, заставляли меня предполагать, что наружность моя будет не совсем безразлична для человека, про которого ходила молва, что он не недоступен к прелестям моего пола. Неожиданная встреча эта была для него не неприятна, он выслушал меня благосклонно и отвел в маленькую молельню в саду, ключ от которой находился у него. Там провела я несколько месяцев, защищенная от поисков, которые по всем окрестностям предпринял г-н де Поканси. По прошествии этого времени, г-н де Шамисси доставил мне возможность удалиться во Фландрию. Я наняла помещение в Брюсселе и облегчилась там очень хорошеньким мальчиком, которого преподнес мне г-н де Шамисси и которого впоследствии, как вы сейчас увидите, я отослала к нему обратно.

Меж тем кошелек мой начал тощать, и я решила найти способы пополнить его. В них не было недостатка с того самого дня, как я приняла это решение. Я чувствовала большую благодарность к моей мате-

ри, монахине, за то, что она родила меня красивой, и к старому своему дяде Корландони, который во время переездов научил меня, как женщина должна пользоваться своею красотою. Я не буду рассказывать сейчас все подробности моих приключений, перечислю лишь последовательно места их действия.

В Брюсселе, который начал уже надоедать мне, так как я прожила там около двух лет, я познакомилась с одним испанским капитаном, который возвращался к себе на родину. Он увез меня с собою, и мы отправились в Бургос, где я перешла в руки испанского гранда. Это был церемонный и набожный человек, который уступил меня архиепископу, готовящемуся стать кардиналом, с которым я и добралась до Рима. Здесь я пробыла недолго, но во Флоренции я завязала знакомство с молодым флорентинцем, которым была очень довольна и о котором очень жалела, когда бросила его ради швейцарского дворянина. Тот жил в деревянном доме на берегу озера и умер, опорожнив однажды вечером, будучи уже пьяным, два ботфорта один за другим – один с вином, другой с пивом.

О моем пребывании в Австрии не буду распространяться, так как там я не имела удачи и вынуждена была заменить качество моих любовников их количеством, но я возвысилась до курфюрста Марксбургского. Он продержал меня при себе около четырех лет,

после чего я переехала в Голландию. Было это в 1673 году.

Тогда мне было тридцать с небольшим, и я продолжала быть красивой, как можно об этом судить по картинам художника Бриксериуса, где я изображена нагою. Но я устала принадлежать кому-нибудь в, отдельности и решила быть доступною для всех. Я купила очень хороший дом в Амстердаме на Амстеле. Туда приезжали издалека, и выдающиеся иностранцы не пропускали случая посетить меня. Я принимала их как нельзя лучше. Я не помню, чтобы у меня возникали какие-либо недоразумения, исключая один случай, когда два молодых француза хотели заплатить мне фальшивой монетой. Потом я узнала, что господа эти бежали от осады Дортмюде, где они служили добровольцами под начальством г-на маршала де Маниссара. Затем они уехали на корабле, шедшем в Америку. Я никогда не знала, как их зовут. Впрочем, они ничего у меня не добились.

Между тем, я достаточно нажила денег и пожелала отдохнуть. Я решила вернуться во Францию; но так как праздность не в моей натуре, я думала посвятить себя занятию, которое давало бы пищу уму и не утомляло тела. Париж изумительное место, где всякий может найти себе занятие. Я водворилась тут в 1679 году, освободившись от всяких забот и решив

приносить пользу людям, которые захотели бы довериться знанию уже долгой опытности. Но опытность не заглушила во мне природных чувств. Я была хорошей матерью. Я не беспокоилась о двух моих сыновьях от мужа моего г-на де Поканси только потому, что знала, что они в безопасности и не нуждаются в моих попечениях. Но не так обстояло дело с ребенком, которого я имела от г-на де Шамисси. Я не переставала бдительно следить за судьбою его в Венеции, куда я отослала его, чтобы он вырос среди прелестей этого очаровательного города. Мне казалось, что его рождение, а также и мое, заставляет меня посвятить его духовному званию. Так что, когда настало время, я направила его к игумену Валь-Нотр-Дама. Я послала ему нового духовного сына с запиской, чтобы напомнить ему его обязанности. Я была уверена, что г-н де Шамисси хорошо примет этого юношу, исполненного самых любезных качеств и обладающего совершенною способностью к пению. Г-н де Шамисси в ответ велел мне передать, что он берет на себя заботы о его будущем. О моем будущем он не беспокоился. Водворение мое в Париж казалось мне основательным, и я ничего лучшего не желала, как продолжать там в тишине существование, которое господа чиновники несправедливо потревожили, вызвав его на свет из мрака, где оно скрывалось и где я надеялась его

окончить. Если королевский приказ решит иначе и милость его не разрешит мне окончить дни мои в его королевстве, я покорно приму изгнание. Я вернусь в Венецию, и та, что была прекрасною Курландон и г-жою де Поканси, окончит дни свои там же, где они начались, чтобы в минуту смерти слышны ей были из глубины лагун звенящие в морском воздухе далекие колокола монастыря «Водной Божией матери».

7 октября 1689 г. Игумен де Шамисси, мой дядя, вчера у меня за обедом, напившись, несмотря на свой возраст, рассказал во всех подробностях о сыне, которого он имел от Курландон и который находится теперь при нем в Валь-Нотр-Даме.

По его словам, это стройный мальчик, со счастливой и умной наружностью. У него прекрасный голос, и он поет на клиросе. Он ведет правильный образ жизни и отличается достойными похвал нравами. Единственное его пристрастие – музыка. Он сам сочиняет превосходную музыку и научил нескольких монахов в обители петь на голоса. Из этого получаются очаровательные концерты. В характере у него есть что-то справедливое, умеренное и благочестивое, что удивительно, если принять во внимание, каковы у него родители. Сам г-н де Шамисси не может прийти в себя, видя в столь близком по крови ему существе доб-

родетели, пример которых он отнюдь не подавал.

Все это игумен говорил при Ле Вро, первом королевском камер-лакее, служившем в молодости у моих дядьев Шамисси, что создает между ним и нами полезную связь. Этот Ле Вро – человек компанейский и веселый, он много чего может сделать и не перестават оказывать нам услуги в разных случаях. Я очень много вещей узнавал через него. Самые важные придворные считаются с ним, и у него есть дружбы, которые могут возбуждать удивление. Я познакомил с ним г-на де Поканси, который обязан ему многими услугами.

9 октября 1689 г. Вчера произнесено решение по делу Курландон. Она приговорена к изгнанию. Жена Корвизо, глупая жалоба которой всех взбудоражила, отослана в монастырь. Что касается Корвизо, ему велено прекратить свою практику и одеваться пристойно, без смехотворных убранств. Он продолжает притворяться сумасшедшим дурачком.

13 октября 1689 г. Г-н и г-жа де Поканси покинули Версаль. Король велел им передать, чтобы они удалились в свое имение Аспреваль, что после всего происшедшего и можно было предвидеть. Ле Вро напрасно хлопотал за них у короля. Пришлось спешно собраться и уехать. Вот чем окончилось настойчивое желание обоих отличиться и играть роль при дворе:

вышло то, что на них указывают пальцами. Они очень удручены и не оправятся. Я видел, как они уезжали. Их карета была уже запряжена, когда подъехал экипаж г-на и г-жи де Корвилей, не знавших о событиях и приехавших поздравить их с праздником с полными руками фруктов и винограда.

25 октября 1689 г. Старая барышня де Маниссар вернулась в Париж жить с г-жою маршальшей, которая не встает с постели. Берлестанж служит у нее чтецом. У нее под одеялом палка, которою она его колотит, когда он повторяет одно и то же или запинается.

27 октября 1689 г. Ле Вро рассказал мне, что за несколько дней до катастрофы с Поканси его посетила г-жа Поканси, умоляя похлопотать за них у короля. Он принял ее как нельзя лучше, так как всегда чувствовал к ней известное вожделение, открыться в котором он не решался, настолько было установлено, что добродетель г-жи де Поканси неприступна. Каково же было его удивление, когда дама, изложив, какой помощи от него она ищет у короля, дала понять, что сумеет отблагодарить его таким образом, каким ему только понравится получить от нее благодарность! Все это она не столько сказала, сколько пролепетала, неясно, со всякими оговорками, покраснев, опустив глаза, из которых готовы были брызнуть слезы, как женщина, изнемогающая от стыда.

Ошеломленный Ле Вро поговорил на следующий день с королем, но его величество ничего не хотел слушать. Ле Вро очень огорчен этим. Он любит женщин, но он человек порядочный, и не следует подозревать, что он воспользовался не заслуженной с его стороны благосклонностью. Ле Вро очень хвалит поступок г-жи де Поканси. Он видит в этом усилие добродетели, достойное удивления. Он утверждает, что маленькая Поканси в данном случае дала пример, до какой степени она заботится о счастье своего мужа. Чтобы поправить положение, она не остановилась перед тем, что должно было ей казаться самым унижительным и постыдным; Ле Вро представляется это вершиной супружеской любви.

18 января 1690 г. Вро замечательно говорит о короле. Однажды вечером он распространялся об исключительной памяти его величества на лица. Он никогда не забывает, кого раз видел. От совершенства этого запоминания, по словам Вро, и происходило предубеждение его величества против бедного Поканси, предубеждение, которое никогда не удалось преодолеть Поканси примерным поведением и которое кончилось тем, что он погиб там, где всякий другой мог бы спастись.

Когда г-н де Поканси после своей женитьбы явился в Версаль, король, отходя ко сну, сказал мне, что

видел где-то это лицо. Я стал его уверять, говорит Ле Вро, что г-н де Поканси выезжал из провинции только в Дортмюде вместе с г-ном маршалом де Маниссаром, который и привез его сюда с собой. Это направило мысли его величества на поход 1677 года. Он поговорил об этом несколько минут, и я напомнил ему, уж не помню по какому поводу, его ночной проезд через Виркур. Это название все осветило, как молния. Тогда его величество рассказал мне, что, проезжая через город, который его приветствовал, он поднял глаза к балкону, с которого перевесилась полуголая женщина, рядом с ней находился мужчина, который был не кем иным, как этим самым г-ном де Поканси. Король поручил мне сделать справку. Действительно, я узнал, что замок, где жил тогда де Поканси, находился близ Виркура и что г-н де Поканси очень легко мог находиться на дороге его величества. У короля сделалось выражение лица, которое, как мне известно, не предвещает ничего хорошего людям, вызвавшим его, так как для них оно означает начало отдаления, против которого бессильны все попытки снова приблизиться. С той минуты я стал считать г-на Поканси безвозвратно потерянным. Вы знаете, прибавил Ле Вро, что король в эту эпоху был подвержен внезапным порывам к женщинам, и ему было необходимо сейчас же удовлетворять их. Никакого сомне-

ния, что подобный порыв он почувствовал к даме с виркуровского балкона, но не мог его удовлетворить, так как было невозможно остановить карету посреди улицы и потушить факелы. Ему пришлось проехать мимо, и эта насильственность, к которой примешивалось чувство ревности к счастливому сопернику, находившемуся у того же окна, что и незнакомка, и была причиной, будьте уверены, злопамятства, от которого, не подозревая этого, пострадал бедный Поканси; лицо его король не забыл, ибо он не забывает ни одного лица. Он узнал в Поканси человека, который при всем желании понравиться с первого же взгляда ему не понравился. Так и во всем, заключил Ле Вро, мы зависим от обстоятельств, незначительных сами по себе, но важных по последствиям, которые они для нас имеют.

Таков был рассказ Ле Вро; я передаю его, как слышал. Потом он еще с сожалением потолковал о г-же де Поканси и о невозможности продлить здесь ее пребывание.

Ноябрь 1707 г. Получено известие о кончине г-на графа де Поканси. Он так забыт, что даже не помнят, что он женат на дочери покойного маршала де Манисара.

Они покинули двор после злосчастного дела Курландон. Больше о них не говорили. Там была у них до-

потопная хижина, которую они срыли и построились заново. Г-н Ле Лер, архитектор, составил им проект, и Ла Бодельер нарисовал план садов. Говорят, они сидят друг против друга, парадно одевшись, соблюдая строжайший этикет, что очень смешно, когда люди, не имеющие больше никакого значения, да и не имевшие его никогда, люди славные, но не созданные для Двора, от которого они, однако, сохранили привычки, позволяющие им даже в их уединении сохранять вид придворных людей. Он умер бездетным. Жена его была хорошенькой, хотя и не совсем правильного телосложения. Она еще жива.

Примечание

Замок Аспреваль в кантоне Виркур на Мёзе, департамента Ардени, в настоящее время составляет собственность г-на Герон-Жонвиля, бывшего депутата Национального собрания, бывшего министра культов, который восстановил и возобновил его в прежнем состоянии. Он приобрел его в 1867 году у наследников г-на барона Буртю, полковника гвардейских гренадеров, купившего его в 1817 году и жившего там до 1829 года. Он водил лошадей по лестницам и обратил салоны в конюшни и курильни. Полковник был родом из Виркура. Он оставил в окрестностях славу своими кавалерийскими подвигами. На портрете мы видим его коренастым, багровым, с прыщами и широким шрамом. Замок в его руках впал в полное запустение; нужна была вся интеллигентная активность г-на Герон-Жонвиля, чтобы вернуть ему его старинный характер. Теперь это один из лучших образцов французской архитектуры XVII века. Монументальная лестница, производящая благороднейшее впечатление, украшена любопытною живописью, сюжетом которой послужил проезд короля Людовика XIV через Виркур в 1677 году. Там находятся еще несколько картин, изображающих победы короля, из которых одна,

«Осада Дортмюде», принадлежит кисти Ван-дер-Мелена.